

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Сборник материалов
IV международной научно-практической конференции
(г. Пермь, 22 ноября 2012 года)

Пермь 2012

УДК 364.6
ББК 66.3(2Рос)3
С 69

Социальная безопасность и защита человека в
С 69 условиях новой общественной реальности: сб. материалов IV междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 22 ноября 2012 г.) / под общ. ред. З.П. Замараевой, М.И. Григорьевой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 304 с.

ISBN 978-5-7944-2048-7

В сборник материалов конференции включены результаты актуальных исследований, посвященных вопросам социальной безопасности и защиты человека на разных уровнях и в различных сферах его жизнедеятельности.

В ходе конференции сделан акцент на рассмотрении феномена социальной безопасности в рамках теоретико-методологического и прикладного аспектов. Формат международной научно-практической конференции позволил создать условия для профессионального общения и интеграции ученых и практиков, проявляющих наибольший интерес к изучению поднятой проблемы. Результаты конференции могут иметь значение для дальнейшего развития фундаментальных и прикладных исследований в области социальной безопасности населения, правовой защиты человека, улучшения его благосостояния и уровня благополучия.

Предназначено для научных и практических работников социально-гуманитарной сферы, студентов социально-гуманитарных специальностей.

УДК 364.6
ББК 66.3(2Рос)3

Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: **В. В. Коробкова**, к. пед. н., доц., декан ф-та социальной педагогики
Перм. гос. гуманитарно-педагогический ун-та

ISBN 978-5-7944-2048-7

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2012

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION
Perm State University

**SOCIAL SAFETY, SOCIAL SECURITY
AND HUMANS PROTECTION
IN A CONDITIONS
OF NEW SOCIAL REALITY**

The collection of materials
of the IVth international scientifically and practical conference
(Perm, November, 22nd, 2012)

Perm 2012

Social safety, social security and humans protection in conditions new a social reality: the collection of materials of the IVth international scientifically and practical conference (Perm, Perm State National Research University, November, 22nd, 2013)/by Z.P. Zamarayeva and M.I.Grigoryeva general edition; Perm State University. – Perm, 2012. – 304 p.

ISBN 978-5-7944-2048-7

Results of the actual researches, concerning questions of social safety, social security and humans protection in different social and law levels and in various spheres of its ability to live are included in this book – collection of materials of international scientifically and practical conference.

The phenomena of social safety, social security and humans protection were analyzed on the theoretical aspects. The format of the international scientifically-practical conference has allowed to create conditions for professional dialogue and integration of scientists and the experts showing the greatest interest to studying of the lifted problem. Results of conference can matter for the further development fundamental and applied researches in the field of social safety of the population, the person's legal protection, improvement of its well-being and well-being's level.

The book will be interesting for scientific and practical workers of social and humanitarian spheres, for social and humanitarian students.

ISBN 978-5-7944-2048-7

© Perm State University, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	10
OPENNING ADDRESS	11
Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной безопасности и защиты как метод повышения ответственности человека за свое благосостояние.....	12
Марголина Т.И. О проблемах и перспективах реализации социальной политики Пермского края.....	15
Агапов Е.П. Проблема прав человека и социальная работа.....	25
Атаманов В.М. Патология щитовидной железы – важная социально-психологическая, медицинская проблема.....	29
Волочков А.А. Человек активный как субъект психологического здоровья.....	33
Гасумова С.Е. Опыт организации интернет-голосования в конкурсе профессионального мастерства работников социальных служб Пермского края.....	38
Голубева Т.Б. О проблемах социальной безопасности в курсе «Основы социального государства».....	49
Гончарова Н.И. Иррациональные основания современной теории криминологической безопасности.....	53
Григорьева М.И. Эффективность социальной работы как деятельности.....	58
Данилова Л.В., Зарипова Л.З. Особенности эмоциональных состояний при восприятии народной музыки различными этническими группами.....	60
Дубовцев А.В., Зарипова Л.З. Проблема исследования феномена маккивеллизма в психологической науке.....	64
Замараева З.П. Правовое обеспечение современной системы социальной защиты и развития.....	69
Ильиных О.П., Граматчикова Л.Е. Участие студенческой молодежи в мероприятиях по профилактике немедицинского употребления наркотических и психотропных	

средств как фактор ответственного поведения за свою жизнь (из опыта профилактической работы в вузах Пермского края по формированию безопасной среды).....	75
Калинкина О.Н. Практика использования механизмов межсекторного взаимодействия.....	82
Калугина Т.В. Из опыта реализации тренингов социальной безопасности ребенка.....	86
Котыченко О.С. Формирование здорового образа жизни в решении проблемы семейного неблагополучия.....	90
Кром И.Л., Новичкова И.Ю., Ильина Т.Н. Стратегии медико-социальной работы при хронических неинфекционных заболеваниях.....	94
Кузнецова Е.В. Безработица молодежи как социальная проблема.....	99
Кукьян В.Н., Швецова Н.А. Информационная агрессия как фактор разрушения личности и способы ее преодоления.....	103
Куликова Ю.П. Анализ этапов авторской модели развития государственного регулирования инновационной деятельности в высшей школе.....	108
Куричева А.И., Зарипова Л.З. Особенности представлений о войне и мире в младшем школьном возрасте.....	115
Лапин Д.В. Мультикультурное медиапространство как фактор межэтнической стабильности.....	119
Лебедева Л.С. Социальная работа с людьми старшего возраста в условиях сельской местности.....	121
Леденцова В.А. К вопросу о стиле копинг-поведения.....	125
Макаров В.А. Методологические аспекты социальной безопасности: перераспределение доминирования с безопасности государства на безопасность человека.....	129
Малышев К.П., Корнева О.В., Лошкарева К.А. Новые социальные технологии межведомственного взаимодействия: «Схема перенаправления задержанных наркопотре-	

бителей в государственные и общественные организации за лечебно-профилактической помощью»	134
Манаков Д.А. Общественная безопасность как частный случай «общего блага».....	136
Махдиева Ю.М. Добровольное страхование в системе социальной защиты населения.....	141
Митрофанова Е.Н. Предстартовое состояние спортсмена как модель реагирования человека в экстремальной ситуации.....	144
Моздоква Ю.С. Современные проблемы обеспечения социальной безопасности региона Российской Федерации в условиях глобализации.....	147
Невельсон Е.Ю. Социально-психологический тренинг как вид гуманитарной практики.....	152
Никитина Т.А., Зарипова Л.З. Супружеская совместимость как проблема в психологической науке.....	155
Ниналалова Ф.И. Развитие пенсионного обеспечения в России.....	158
Новоселов В.М. Социально-правовой аспект реализации прав отцов в отношении несовершеннолетних детей.....	163
Панкратов Н.В. Городская среда как пространство для реализации человеческого потенциала.....	167
Подпратов Н.В. Проблемы социальной безопасности в условиях многонационального государства.....	170
Попкова Т.Д. Уважение достоинства личности как гуманитарная составляющая социальной работы.....	172
Реутов С.И. Правовой статус медиатора.....	177
Реутов С.И., Муравьев Д.Н. Применение примирительных процедур (медиации) при разрешении семейных споров.....	183
Реутов С.И., Попов Д.В. Некоторые вопросы организации и деятельности уполномоченных органов в разрешении споров в сфере физкультуры и спорта.....	188

Решетников О.А. Договор о предоставлении социальных услуг: социально-правовая характеристика.....	193
Самойленко Т.Г., Останина Е.С. Некоторые аспекты формирования компетенций будущего специалиста по социальной работе в условиях педагогического колледжа.....	195
Сафонов К.Б. Современные тенденции менеджмента в социальной сфере.....	197
Сизова О.С., Зарипова Л.З. Методы исследования стратегий поведения в конфликтных ситуациях у лиц медицинских профессий.....	200
Ситников А.В., Максимова Т.Н. Социально-правовое значение экспертизы по делам об установлении отцовства..	204
Соболева Л.А. Социальная помощь семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации (теоретические и правовые аспекты).....	207
Старовойтова Л.И. Формирование готовности к профессиональной деятельности у студентов в рамках реализации ФГОС ВПО по направлению «Социальная работа».....	211
Суслопаров И.А., Шарков А.В. К вопросу о возможности привлечения к административной ответственности лиц, страдающих заразными формами туберкулеза.....	216
Тараканов А.В., Гуренкова К.С., Розина И.П. Социальная реклама как инструмент социальной безопасности.....	220
Телегина Г.А. Детерминанты семейного неблагополучия...	224
Узлов Н.Д. Религиозные антинаркотические центры и их участие в реализации стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации.....	227
Узлов Н.Д., Мокрушина Ю.А. Угрозы социально-психологической безопасности в образовательном учреждении и их предотвращение.....	237
Хусяинов Т.М. Занятость в сети интернет как способ трудовой интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья.....	242

Чапаев Н.М., Гаджиясулов М.М. Особенности развития социального страхования в европейских странах.....	245
Чигаева В.Ю., Смирнова М.А. Социальная безопасность молодежи.....	248
Шабурникова Т.В. Развитие женского движения как способ повышения уровня безопасности женщин в современной России.....	250
Шамова Л.Г. Милосердие и профессионализм медицинских работников Кировской области в годы Великой отечественной войны как фактор социальной безопасности в условиях новой общественной реальности.....	255
Шевченко М.А., Зарипова Л.З. Представление об агрессии у женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.....	260
Шепелева Л. Проблемы детей мигрантов в современном российском обществе.....	264
Шершень Т.В. Международный договор как средство обеспечения прав и интересов российских детей при международном усыновлении.....	271
Щекотин Е.В. Безопасность как фактор качества жизни в условиях неустойчивости социального развития.....	276
Isaac Miriam. UK social policy.....	280
Jackson Grace. “Make me whole again”. Teenager dislocation and responses of the community.....	284
Jones Danielle Ann. A day in the life of a Russian orphan.....	290

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

22 ноября 2012 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете состоялась ***IV международная научно-практическая конференция «СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ»***. Инициатором и организатором проведения конференции выступили преподаватели кафедры социальной работы юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

В 2012 году в рамках работы конференции был сделан акцент на рассмотрении феномена социальной безопасности в рамках теоретико-методологического и прикладного аспектов: ученые и практики в области формирования социального благополучия населения. Международный статус конференции поддержали традиционные участники конференции – представители университета г. Вустер (Великобритания): руководитель отделения социальных наук Института здоровья и общественных наук доктор философии *Мириам Исаак*; специалист отдела международных связей *Кэтрин Хайд*; студентка магистратуры, практикующий специалист по социальной работе *Грейс Джексон* (г. Кумбран, Уэльс), которые провели в рамках конференции ряд мероприятий и представили свои материалы для опубликования в данном сборнике. Доцент кафедры английской литературы университета Западной Монтаны, (г. Диллон, Монтана, США) доктор *Даниэла Энн Джонс*, сделавшая на конференции интересный доклад по проблемам усыновления американскими гражданами российских детей, представила для публикации в сборнике часть своей будущей книги.

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели школ и вузов, специалисты социальных служб Перми и Пермского края. В числе других участников конференции – ученые и практики из Москвы, Екатеринбурга, Кемерово, Кирова, Махачкалы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Саратова, Тулы, а также г. Одесса (Украина).

Участие в работе конференции приняли пермские ученые из Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермского педагогического колледжа № 1 и др.

В сборнике представлены материалы, подготовленные к конференции ее участниками.

OPENNING ADDRESS

IVth International scientific and practical conference “SOCIAL SAFETY, SOCIAL SECURITY AND PROTECTION OF HUMAN IN THE NEW SOCIAL-REALITY” has taken place on the 22nd of November in Perm State National Research University.

The phenomena of social safety, social security and humans protection were analyzed on the theoretical aspects.

Nearly 100 people has taken part on this conference. Participating of the colleagues from the University of Worcester (England), USA and Ukraine has given it the international status to the conference. Their articles presented in the collection of the materials of the conference.

Specialists of social services from Perm and Perm region have taken part in the work of the conference. Among the participants of the conference (correspondence participation) have been scientists and experts from Moscow, Yekaterinburg, Kirov, Kemerovo, Makhachkala (Dagestan), Nizhniy Novgorod, Novosibirsk, Rostov-on-Don, Saratov and Tula.

Scientists from Perm State National Research University, Perm State Pedagogical University and Perm State Medical Academy named after E.A. Vagner and others have taken part in our conference

In the given book has been published materials which was prepared for conference by its participants.

Organizing Committee of the conference

Translated by Milana Grigoryeva

З.П. Замараева
*доктор социологических наук, профессор,
зав. кафедрой социальной работы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

РЕСУРСНО-ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ЗА СВОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Тема конференции «Социальная безопасность и защита человека в новых общественных условиях» была определена в качестве научного направления работы кафедры. За период с 2009 года по данной теме издано три сборника материалов конференций, в которых собрано более 300 публикаций. Участие в работе конференции и последующая публикация статьи в сборнике позволяет ее участникам, так или иначе, быть вовлеченными в процесс научной деятельности небольшого кафедрального научного коллектива. Именно данный факт является основанием выбора темы при принятии решения об оформлении соискательства и прикрепления к кафедре для последующей работы над диссертационным исследованием. С 2009 года стали соискателями 7 человек-практиков, работающих в социальной сфере, 3 аспиранта.

Тема конференции является сквозной при проведении студенческих научных конференций, методологических кафедральных семинаров, при формулировании тем курсовых работ и выпускных квалификационных работ.

Категорию социальной безопасности и защиты человека можно толковать с точки зрения содержательного аспекта многообразно. Мы же делаем акцент при ее рассмотрении на ресурсно-потенциальный подход.

Содержание проблемы. Качественные и количественные характеристики современной системы социальной безопасности и защиты человека свидетельствуют о том, что она имеет в основном дело с людьми *ресурсозависимыми*. Становясь объектами внимания органов управления и учреждений социальной защиты, люди не собираются

отказываться от компенсаций и услуг, реализуемых системой. Напротив, они становятся постоянными ее клиентами, и менять данную *зависимость не собираются*. Не в состоянии изменить данную тенденцию и органы социальной защиты населения. В своей деятельности они используют в основном *пассивные технологии* социальной работы

Технологии социальной работы, *повышающие степень индивидуальной ответственности человека за свое социально-экономическое обеспечение и самозащиту* на условиях учета личностного ресурсного потенциала, практически не применяются.

Основной целью системы социальной безопасности и защиты является содействие формированию такого качества социальных отношений в обществе, при котором граждане не только гарантированно защищены от снижения жизненного уровня, но и имеют возможность реализовать ресурсный потенциал, повышающий их *социальный статус в обществе*.

Основу ресурсно-потенциального подхода в системе социальной безопасности и защиты составляет необходимость определения уровня и характера ресурсных потенциалов объекта социальной защиты (индивида, группы) с целью их активизации и преобразования в ресурсы самообеспечения, самозащиты, повышающих уровень ответственности человека за свое благосостояние и безопасность существования.

Для осуществления цели ресурсно-потенциального подхода необходимо провести реструктуризацию клиентов социальной защиты по критерию, оценивающему уровень (низкий, средний, высокий) ресурсных потенциалов личности, подобрать адекватные виды социальной защиты и технологии социальной деятельности.

Критерии классификации:

- возрастной ресурсный потенциал,
- ресурсный потенциал здоровья,
- ресурсный потенциал способности к самообслуживанию и самообеспечению,
- трудовой и профессиональный ресурсные потенциалы,
- ресурсный потенциал мотивации на самообеспечение,
- материальный ресурсный потенциал и др.
- уровень трудоспособности (трудоспособность существенно не ограничена);
- уровень образования (образование высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и др.);

- уровень материального обеспечения (низкий, средний, высокий);
- степень стремления приобретать новые знания и навыки;
- уровень мотивации на самообеспечение;
- степень мотивации на занятость;
- степень мотивации на оказание помощи другим людям;
- возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от друзей, родственников, детей, соседей;
- возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от социальных служб и других организаций социального профиля и др.

Структура оценки ресурсного потенциала индивида (социальной группы) формируется как неактивизированный резерв личности (группы), который может складываться из разницы между задействованными и незадействованными личностью ресурсными потенциалами.

Формула установления ресурсного потенциала может быть представлена следующим образом: $Pr = 1/6 (Ph + Peg + Pm + Pmtr + Pc + Pin)$, где Pr – ресурсный потенциал, Ph – ресурсный потенциал здоровья, Peg – возрастной потенциал, Pm – мотивационный потенциал, $Pmtr$ – материальный потенциал, Pc – общественный потенциал, Pin – институциональный потенциал.

Объекты социальной безопасности и защиты с учетом основных критериев классификации:

Первая группа это, как правило, граждане с низким уровнем ресурсных потенциалов: инвалиды 1 и 2 степени, пожилые граждане, дети с ограниченными способностями.

Вторая группа представлена гражданами со средним уровнем ресурсных потенциалов: малообеспеченные и бедные слои населения, многодетные и неполные семьи, инвалиды 3 группы и др.

Третья группа – это граждане с высоким уровнем ресурсных потенциалов: трудоспособные граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации

Механизм реализации ресурсно-потенциального подхода в системе социальной безопасности и защите выражен через *подбор адекватных технологий* на основании оценки ресурсно-потенциального состояния объекта социальной защиты.

Типы ресурсных технологий - технологии адекватные уровню ресурсного потенциала индивида, группы: ресурсосберегающие, ресурсоактивизирующие, ресурсоразвивающие.

Первые две группы технологий предполагают активизацию способностей людей пожилого возраста и инвалидов и связанных с этим ограничений жизнедеятельности. При этом имеется в виду, что подобное возможно в случае, если личностный потенциал представляет собой существенную величину.

Вторая группа технологий (ресурсоразвивающие и ресурсоактивизирующие) Рассматриваются применительно к индивидам (группам) трудоспособного возраста со средним уровнем ресурсных потенциалов. Они реализуют принцип индивидуальной и коллективной ответственности за повышение уровня своего социально-экономического обеспечения. В основе данного типа технологий находится принцип индивидуальной и коллективной ответственности за повышение уровня материального благосостояния семьи, индивида на условиях заключения социального контракта с органом социальной защиты и разработки семейного плана, направленного на реализацию условий, оговоренных договором.

Использование ресурсно-потенциального подхода, способствующего активизации ресурсных потенциалов личности в условиях современной системы социальной безопасности и защиты позволит снизить уровень иждивенчества и повысить уровень мотивации и ответственности за свое будущее и будущее своей семьи

Т.И. Марголина

*Уполномоченный по правам человека в Пермском крае,
канд. психол.н., профессор кафедры социальной работы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Российская Федерация, ратифицировав пересмотренную Европейскую социальную хартию (ЕСХ) в 2009 году, приняла на себя обя-

зательства по реализации эффективных мер по социальной поддержке населения страны и преодолению бедности.

Год назад Советом глав правительств стран СНГ также была одобрена «Концепция согласованной социальной и демографической политики государств-участников Содружества Независимых Государств», согласно которой приоритетными направлениями в сфере социальной защиты были избраны борьба с бедностью и дальнейшее развитие социальной защиты населения.

К этому времени Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, были определены уже конкретные целевые показатели и ориентиры социальной политики государства, такие как:

- снижение уровня абсолютной бедности с 13,4 процента в 2007 году до 6 - 7 процентов в 2020 году и относительной бедности (или малообеспеченной части населения) с 22 процентов в 2007 году до 15 процентов в 2020 году, увеличение среднего класса к 2020 году до более половины населения;

- охват бедного населения государственными социальными программами к 2020 году - до 100 процентов;

- решение к 2020 году одной из самых острых проблем пожилого населения - полного удовлетворения потребности в постоянном постороннем уходе;

- формирование эффективной системы институтов, обеспечивающих поддержку и содействие социальной адаптации граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении.

Уже в развитие принятой на федеральном уровне Концепции были разработаны и утверждены Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года, предусматривающая в качестве одного из основных стратегических направлений решение проблем социального неравенства и бедности. К сожалению, в Стратегии социально-экономического развития Пермского края данные стратегические направления не нашли своего адекватного отражения, что привело к отсутствию в проекте программы социально-экономического развития Пермского края конкретных мероприятий по реализации основных направлений социальной политики государства.

Мировая практика подтверждает, что опасность социальных конфликтов сводится к минимуму, если доля населения, живущего

ниже прожиточного минимума, составляет 8%. Некоторые ученые-экономисты и социологи уверены, что в настоящее время в России следует выделять три степени абсолютной бедности: нищета, нужда и умеренная бедность.

В положении глубокой бедности, нищеты находятся люди, не имеющие физиологического минимума средств к жизни. В состоянии нужды оказываются люди, доходы которых меньше официального прожиточного минимума, но больше его половины или двух третей. Умеренная же бедность представляет собой переходный период от бедности к уровню жизни, при котором удовлетворяются элементарные потребности (физиологические, социальные), но нет возможности удовлетворить потребности более сложные и высокие.

Для снижения бедности и дифференциации населения по доходам на уровне РФ предлагалось осуществить комплекс мер социальной политики, направленных на:

- Улучшение социального климата в обществе, снижение бедности и уменьшение дифференциации населения по уровню доходов, в том числе повышение эффективности социальной поддержки отдельных групп населения путем усиления адресности региональных программ государственной социальной помощи, совершенствования процедур проверки нуждаемости граждан, внедрения современных социальных технологий оказания помощи.

- Повышение эффективности государственной поддержки семьи путем развития программ социального сопровождения и помощи семьи, а также доступности сети социальных служб, деятельность которых связана с профилактикой семейного неблагополучия и предоставлением социальной и психологической поддержки детям из семей, находящихся в социально опасном положении, и дезадаптированным детям; полное завершение к 2020 году процесса модернизации и развития системы социального обслуживания семей и детей в соответствии с международными стандартами социального обслуживания семей и детей в развитых европейских странах.

- Реабилитация и социальная интеграция инвалидов.
- Социальное обслуживание граждан старших возрастов и инвалидов.
- Развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг.

– Формирование эффективной системы социальной поддержки лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, и системы профилактики правонарушений.

В 2008 году **56,6 %** опрошенных глав муниципальных образований Пермского края отметили несвоевременность и неоперативность социальной поддержки граждан в условиях трудной жизненной ситуации (ТЖС), в некоторых территориях даже погорельцы не могли получить материальную помощь в течение трех месяцев после того, как лишились своего жилья.

43,4% респондентов отметили, что предоставляемые меры социальной поддержки носят скорее единовременный и точечный характер, чем комплексный. Основным видом социальной поддержки на сегодняшний день является выплата различного вида материальной помощи и пособий, однако большинство категорий граждан, попавших в ТЖС, достаточно часто нуждаются во временном приюте, получении правовой и психологической поддержки, помощи в трудоустройстве и многом другом.

63,4 % утверждали, что существующая система мер социальной поддержки не обеспечивает должную эффективность и выход на положительный результат для отдельно взятого человека и это же количество муниципальных образований вынужденно фиксировали отсутствие профилактического эффекта негативных последствий для человека в дальнейшем. При этом органы местного самоуправления подтверждают, что почти во всех случаях трудная жизненная ситуация носит долгоиграющий характер и социальная работа с людьми, порой, требует дополнительного социального патронажа.

Обращения, поступающие в адрес Уполномоченного по правам человека в Пермском крае за последние 5 лет, свидетельствуют о неудовлетворенности населением предпринимаемыми органами государственной власти и местного самоуправления мерами социальной поддержки. Граждане отмечают несвоевременность и недостаточность социальной поддержки.

Согласно данным Пермстата, несмотря на рост естественной убыли населения, численность бедных в крае за последние годы выросла, откинув край по уровню малоимущих семей назад - в начало 2006 года.

По итогам 2011 года доля малоимущих семей в крае составила 15,3%, что на 1,5 % больше показателей 2010 года и на 2,5 % выше среднероссийского значения.

Официальная статистика, как правило, выделяет лишь мало-

имущих граждан, чей среднедушевой доход не превышает размера установленного прожиточного минимума. Вместе с тем, в крае отсутствует анализ структуры бедности, остаются незамеченными бедные слои населения, чей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума в два и более раз.

Принимая во внимание, что размер прожиточного минимума в Пермском крае, составляющий **6690** рублей не менялся на протяжении последних двух лет и на 4 квартал текущего года вновь утвержден без повышения, несмотря на рост стоимости составляющих потребительской корзины, можно предположить, что доля малоимущих семей была бы еще больше в случае установления адекватного размера прожиточного минимума. Очевидно, что размер прожиточного минимума требует пересмотра.

Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что в крае отсутствует целенаправленная политика по минимизации (сокращению) бедности, не исследуется структура бедности, не выделяется категория бедных и малообеспеченных семей, в том числе имеющих детей, не стимулируется работа по выходу (выведению) семей из состояния бедности.

Все чаще вызывает сомнение вопрос об эффективности государственной помощи в виде социальных пособий. В 2012 году на предоставление государственной социальной помощи в форме социального пособия и натуральной помощи выделено более 26 млн. руб. (в 2011 году – 25,4 млн. руб.)

Поскольку меры социальной помощи в виде пособия, как правило, носят разовый характер и не решают проблемы малоимущих граждан в целом, получив социальное пособие, семья, как свидетельствуют обращения в адрес Уполномоченного, не может самостоятельно преодолеть чрезвычайную ситуацию, в которой она оказалась, число малоимущих семей только увеличивается.

Так, например, в крае отсутствует информация об эффективности технологии «Самообеспечение», Официально утвержденные показатели - количество заявлений-деклараций, поданных в территориальный орган Министерства для участия в технологии; количество заявителей, допущенных к участию в технологии; количество заключенных договоров; общее количество членов семей, принятых в технологию; размер назначенных пособий; размер выплаченных пособий; количество расторгнутых договоров; количество несовершеннолетних детей в семьях, участвующих в технологии; количество неполных семей, участвующих в технологии - не позволяют отследить главный

результат – выход семьи из состояния бедности. **Результаты реализации технологии представлены на краевом уровне лишь количеством лиц, принявших участие в технологии.**

Меры, планируемые по Программе СЭР в части повышения заработной платы бюджетникам, должны сократить количество малоимущих семей из числа бюджетников, но отсутствие конкретных целевых показателей сокращения бедных и малоимущих семей не позволит отследить реализацию данного направления.

Очевидно, что приоритетом социальной политики Пермского края на ближайшие годы должно стать преодоление (минимизация) бедности с установлением в программе СЭР конкретных показателей, таких как снижение уровня абсолютной и относительной бедности, увеличение количества семей, преодолевших состояние бедности в результате участия в целевых программах; процент охвата бедного населения государственными социальными программами и другие.

Системная задача по снижению бедности должна сочетаться с выполнением обязательств по решению жилищных проблем нуждающихся в этом малообеспеченных семей, по предварительным данным (конец 2011 года) более 78 тысяч семей Пермского края стоят в очереди на получение жилья по договорам социального найма, при этом доля обеспеченных в порядке очереди жильем по итогам 2011 года составила всего 0,5 %, а обеспеченность жилыми помещениями внеочередников – 3,8%.

Предлагаемые в настоящее время программы стимулирования жилищного строительства в Пермском крае направлены в первую очередь на привлечение застройщиков на подготовленные строительные площадки и как следствие - рост количества введенных в эксплуатацию квадратных метров жилья эконом-класса, то есть жилья доступного и по площади и по стоимости, так называемому, среднему классу. Принципиально важной становится направленность этих мероприятий на приобретение поселениями вновь строящегося жилья для решения проблем граждан, нуждающихся в социальном жилье малоимущих граждан, инвалидов, участников боевых действий.

Особенно актуальной становится проблема получения временного жилья жителями края, оставшимися вообще без крыши над головой в связи с насилием в семье, утратой единственного жилья, в том числе в связи с пожаром, выселением по судебным решениям, по возвращению из мест лишения свободы, в результате мошеннических действий с их жильём либо по иным основаниям.

По данным органов местного самоуправления на 01.08.2012 года в 13 муниципальных образованиях из 100 % опрошенных отсутствует маневренный фонд, по-прежнему остаются не обеспеченными жилыми помещениями 788 семей или 55,7% от общего количества семей, утративших единственное жилье в результате пожара, из-за отсутствия в поселениях достаточного объема маневренного фонда.

Государственная услуга по предоставлению временного приюта гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, краевыми социальными учреждениями также остается для большинства нуждающихся недоступной по причине значительной территориальной удаленности соответствующих краевых учреждений от места постоянного проживания пострадавших граждан. По данным Агентства по управлению социальными учреждениями Пермского края действует всего два государственных учреждения на 315 койко-мест в г.Перми и г.Березниках. Размещение проживающих на территории Пермского края жителей в учреждениях социального обслуживания, расположенных в краевом центре и г.Березниках, сопровождается разрывом долговременных социальных связей, утратой работы и наступлением других негативных социальных последствий, в связи с чем граждане отказываются от получения временного приюта в этих городах. Возможности размещения семей в социальных центрах не предусмотрено, семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, по сути, предлагают ещё большее ухудшение ситуации разделить семью – детей в детский приют, взрослых в социальную гостиницу.

Выходом из этой ситуации может быть размещение государственного заказа на временный приют семьям или частичное возмещение затрат семьи на съёмное жильё. Например, в конце 2011 года был сформирован государственный заказ на оказание услуги по предоставлению временного приюта гражданам, оказавшимся в трудной ситуации, в 5 муниципальных образованиях и, в результате этого, 118 граждан получили временное жильё. К сожалению, данные инициативы единичны и не носят массовый и постоянный характер, поэтому не обеспечивают гарантии своевременного получения гражданами временного приюта.

Согласно динамике обращаемости в учреждения временного пребывания граждан потребность в указанном виде услуги из года в год возрастает, а пропускная способность учреждений, наоборот, не меняется на протяжении последних трех - четырех лет. В условиях небольшой пропускной способности данных учреждений в масштабах края возникает острый дефицит в данной услуге, на практике который

доказать цифрами довольно сложно, поскольку необходимый учет всех обратившихся за получением услуги граждан, но не получившим ее ввиду отсутствия, например, свободных койко-мест в социальной гостинице, не ведется.

По информации, представленной в экспертном заключении, в течение 2011 года в центрах социальной адаптации Пермского края государственные услуги, в том числе по предоставлению временного приюта, получило 2481 человек, при этом лишь в 20 – 25% случаях удастся разрешить трудную жизненную ситуацию в течение года. Доля повторных обращений граждан в центр социальной адаптации составляет **81,8%**. – недопустимо высокий показатель. Всё это свидетельствует о низкой эффективности работы по ресоциализации граждан и семей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Беседы с проживающими в Центре социальной адаптации г.Перми показали, что комплекс необходимых реабилитационных услуг с пребывающими в центре гражданами не проводится, поскольку отсутствуют соответствующие стандарты. Утвержденные стандарты не позволяют в полной мере восстанавливать социальный статус и преодолеть возникшие проблемы, люди «оседают» в центре, отток граждан за счет устройства, например, в интернатные учреждения, не велик, так же как и невелика степень обратной интеграции людей в общество.

Более глубокое изучение проблемы выявило отсутствие последовательной индивидуальной работы с каждым клиентом, отсутствие необходимых целевых показателей оценки эффективности проводимых мероприятий и оказываемых услуг, а также необходимого межведомственного взаимодействия между центром социальной адаптации, выступающем представителем граждан, и иными органами и ведомствами, например, лечебно-профилактическими учреждениями (поликлиниками по месту жительства), центрами занятости населения, органами местного самоуправления, территориальными подразделениями Министерства социального развития, правоохранительными органами и другими

Таким образом, несмотря на то, что стандарты социального обслуживания лиц, попавших в ТЖС, приняты, в настоящее время существует реальная необходимость их пересмотра и усовершенствования. Также необходимо разработать четкие критерии эффективности работы с каждым человеком, определяя его реабилитационный потенциал и степень возможной социализации.

Представляется, что с целью повышения доступности учреждений социального обслуживания, предоставляющих временный приют, должна быть рассмотрена возможность создания либо филиальной сети таких учреждений в территориях края, например, по кустовому принципу, либо иных механизмов оказания социальной поддержки граждан на «месте», чтобы исключить дополнительные негативные социальные последствия в виде утраты социальных связей.

Отдельно внимания заслуживает проблема передачи государственных услуг в социальной сфере на аутсорсинг.

Стратегическое планирование социально-экономического развития РФ предполагает развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг.

В настоящее время Министерством социального развития Пермского края размещается государственный заказ и предоставляются субсидии на оказание социальных услуг, таких как надомное обслуживание и консультирование граждан пожилого возраста и инвалидов; реабилитация семей и детей, находящихся в социально-опасном положении; консультационная помощь гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию; реабилитация инвалидов и детей-инвалидов; дневное пребывание граждан пожилого возраста; выявление семей, находящихся в социально-опасном положении; постинтернатное сопровождение; предоставление материальной помощи лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию; предоставление временного приюта; сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы и другие.

При определенных преимуществах аутсорсинга таких как, повышение доступности предоставляемых услуг (существует реальная возможность оказания услуг даже в самых отдаленных населенных пунктах с минимальной численностью населения, так как отсутствует норматив и территориальная привязанность социального работника к месту нахождения организации), повышение объема предоставляемых услуг, которые обусловлены наличием конкурентной среды, нельзя не обратить внимание на проблему сохранения качества оказываемых социальных услуг и соблюдения трудовых прав работников, о чём свидетельствуют обращения граждан к Уполномоченному по правам человека.

Особое беспокойство вызывает оценка качества оказываемой консультативной правовой и психологической помощи, оказываемой гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. В адрес Уполномоченного по правам человека в Пермском крае периодически

обращаются лица, освободившиеся из мест лишения свободы, за получением правовой помощи в реализации тех или иных прав, но чаще всего жилищных, поскольку были не удовлетворены качеством оказанных им ранее в рамках краевого проекта по сопровождению лиц, отбывших наказание, консультационных услуг. Более тщательное изучение данного вопроса выявило, что, согласно предъявляемым заказчиком к исполнителю консультационных услуг требованиям, все специалисты осуществляющие оказание государственных услуг по сопровождению лиц, освободившихся из мест лишения свободы, должны иметь профессиональное образование не ниже среднего специального, требования о наличии высшего профессионального образования предъявляются только к юристам и психологам. Таким образом, специалисты, сопровождающие индивидуальные программы реабилитации клиентов, не обязаны иметь высшее профессиональное образование. Мониторинг уровня профессиональной подготовки, равно как и качества оказываемых услуг, заказчиком не проводится. Так, ограничение участия в проекте лиц, освободившихся из мест лишения свободы и нуждающихся в реабилитации (адаптации), временными рамками в 6 календарных месяцев, элементарно не позволяет отследить достижение желаемого результата, например, в решении семейных или жилищных проблем клиента. В существующих формах ежемесячной отчетности исполнитель услуг, подводя итоги своей работы, в качестве показателя результативности и восстановления права на жилище указывает количество подготовленных исков в суд, однако не указывает количество дел, завершенных положительным для клиента исходом, поскольку физически не в состоянии это отслеживать. Отсутствие механизма супервизии и измеримых целевых показателей результативности не позволяют оценить качество услуг. Субъективная оценка работы консультантов происходит, как правило, лишь тогда, когда клиент вынужден обратиться за помощью к другим специалистам (профессиональным адвокатам, сотрудникам государственных надзорных органов, в том числе прокуратуры, аппарата Уполномоченного и другим)

Безусловно, определяя возможность передачи государственной услуги на рынок, необходимо четко понимать, кому и какие услуги передаются, какие виды услуг не могут быть переданы на исполнение сторонним организациям, какие услуги могут взять на исполнение некоммерческие организации, какие требования предъявляются к качеству выполнения услуг и какие квалификационные требования предъявляются к исполнителям.

Таким образом, в программу социально-экономического развития Пермского края необходимо включить понятие социальной безопасности жителей края, предусмотреть программные мероприятия и целевые показатели сокращения бедности и малоимущности в Пермском крае, расширения доступности и качества услуг для граждан и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, повышения эффективности реабилитационной работы учреждений временного пребывания граждан, развития некоммерческого сектора на рынке социальных услуг, а также создания системы социально-психологической поддержки нуждающихся жителей Пермского края.

T.I. Margolina

Ombudsman in Perm region,

professor of Social Work Department, Perm state university, Perm

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SOCIAL POLICY IMPLEMENTATION IN PERM REGION

In the article author analyzes problems of social exposure low-income and poor families, also people in difficult life situations. The author proposes specific measures into social and economic development program of Perm region for social security of its citizens.

Е. П. Агапов,

д.ф.н., заведующий кафедрой социальных технологий,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Современный гуманизм в наибольшей степени связан с идеями Просвещения, которые отражали определённые черты эпохи становления индустриального общества, а также соответствующих ему институтов права, политики, морали, науки и культуры. Эти идеи касались прав, свобод и достоинства личности, рассматривавшихся как естественное условие функционирования гражданского общества. В основе их лежала вера в естественный прогресс общества, который связан с развитием экономики, индустриального производства, про-

свещения и образования. Однако, представление о развитии как экономики, так и духовной сферы у носителей просветительских идей было линейным. С середины 19 в., когда индустриально ориентированные общества вступили в эпоху нарастающих кризисов, эти идеи начинают подвергаться критике. Основное содержание этой критики сводится к тому, что гуманизм несовместим с экономическим и промышленным ростом, а также с официальным образованием и культурой, наукой и рациональностью, поскольку они стандартизируют человеческое бытие, выхолащивая в общественной жизни её индивидуальные, конкретные, духовные формы и черты. Несостоятельность просветительских идей воспринимается как крушение ценностей европейской культуры, сопровождаемое разрушением традиционной религиозности. История двадцатого столетия прошла под знаком уничтожения десятков миллионов людей, которые стали жертвами войн, межнациональных конфликтов и других социальных катаклизмов. Она свидетельствует о том, что утверждение гуманистических ценностей не связано непосредственно с прогрессом промышленности, науки и техники. Человек всё в большей степени становится «винтиком» огромной социальной машины, а не творческой личностью, реализующей свои безграничные возможности.

С середины 20 в. начинают формироваться версии гуманизма, не связанные непосредственно с традициями предшествующих двух столетий. Они явились отражением тех качественных изменений, которые произошли в наиболее развитых в экономическом отношении странах мира. Эти изменения связаны с повышением качества жизни, деятельности, информации, культуры, образования, науки и т. д. Поскольку идея общества как социальной машины исчерпала себя, резервы развития экономики, технологии и науки стали искать в самих людях. Иными словами, современное общество пришло к осознанию того, что без учёта и использования личностных ресурсов людей дальнейшее усовершенствование его различных подсистем оказывается невозможным. Будучи важнейшим ресурсом, интенсификация личностной самореализации индивидов ставит проблему гуманизации экономики, политики, культуры, науки, образования и других сфер жизни общества. Гуманизация общественных отношений представляет собой изменение форм организации общества, направленное на обогащение его содержания ради повышения социальной стабильности. Её необходимость диктуется следствиями социальных катастроф, к которым относится возникновение в 20 в. фашистских и тоталитарных режимов, а также угрозой глобальных кризисов, возникающих

вследствие необдуманной человеческой деятельности. В последнем случае речь идёт об экологических, продовольственных, энергетических, демографических кризисах, угрозе распространения неизвестных до недавнего времени болезней и т. д. Проблема гуманизации общественных отношений возникает также в связи с неправильным пониманием сущности человека, характерным для современного промышленного производства, которое рассматривает его не как личность, а как свою функцию.

Поскольку различные социальные системы вынуждены сотрудничать в решении глобальных проблем, возникает необходимость выработки общих представлений о правах, свободах и достоинстве человека. На основе этих представлений, которые не должны противоречить различным культурным традициям, вырабатываются общечеловеческие ценности. Под общечеловеческими ценностями имеются в виду явления общественной жизни и природы, имеющие непреходящее значение для человека и общества. Эти ценности, сближающие различные народы, религии, культуры и эпохи, нашли своё отражение в документах о правах человека. Основу этих документов образует Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Её основная идея заключается в том, что идеала свободной человеческой личности можно достичь только в том случае, если будут созданы такие условия, при которых каждый человек сможет пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами. Эти права понимаются как закрепление в законодательстве страны таких условий жизни её граждан, которые позволяют каждому человеку свободно развивать свою природу, а также жить со своими близкими в человеческих отношениях, не опасаясь насильственного разрушения своего благосостояния. Их понимание основывается на следующих предпосылках: (1) права человека всеобщи. Они должны осуществляться без какой бы то ни было дискриминации по расовому, половому, языковому, религиозному, политическому, национальному, социальному или любому другому признаку; (2) права человека прирождены. Индивиды получают их не в результате удачного происхождения или каких-либо преимуществ, а в силу того, что они появились на свет в том государстве, которое признаёт их основополагающий характер; (3) права человека неотъемлемы. Никто не должен ущемлять права людей в экономической, социальной и культурной областях или отнимать их; (4) права человека целостны. Ущемление одного какого-либо права или пренебрежение им может привести к тому, что человек не сможет пользоваться дру-

гими правами. Таким образом, права человека можно рассматривать как необходимое условие всестороннего развития личности, необходимость которого вытекает из природы современного общества.

Проблема прав человека традиционно привлекает к себе внимание политиков, а также философов, социологов, юристов и других исследователей. В последнее время она находится в центре внимания такой сферы теоретической и практической деятельности, как социальная работа. Социальная работа представляет собой профессиональную деятельность, направленную на помощь нуждающимся. Её возникновение в странах Запада относится к концу 19 – началу 20 в., а в России – к началу 90-х годов прошлого столетия. Социальная работа возникла на основе предпосылок, сложившихся в истории культуры. К этим предпосылкам относятся различные формы помощи нуждающимся, развивавшиеся со времён древности как на Востоке, так и на Западе. Важнейшими из них являлись благотворительность, а также государственная помощь нуждающимся. Согласно традиционному пониманию, благотворительная деятельность является помощью нуждающимся. Социальная работа также является помощью нуждающимся, но осуществляемой на профессиональной основе. Её объект составляют люди, испытывающие трудности в решении проблем, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни. Типичными для социальной работы являются проблемы охраны здоровья населения, проблемы гуманизации общественных отношений, проблемы современной семьи, проблемы защиты материнства, проблемы защиты детства, проблемы детей-сирот, проблемы несовершеннолетних, проблемы молодёжи, проблемы женщин, проблемы трудоспособных пенсионеров, проблемы инвалидов, проблемы больных людей, проблемы осуждённых к лишению свободы, проблемы бывших осуждённых, проблемы бродяг, проблемы мигрантов, проблемы беженцев, проблемы нормализации межэтнических отношений, проблемы безработных, проблемы пожилых людей, проблемы одиноких людей и др. Однако с ними мы сталкиваемся и тогда, когда говорим о нарушении прав человека, которые включают в себя право на труд, образование, охрану здоровья, социальное обеспечение и т. д. Поскольку несоблюдение этих прав ухудшает благосостояние людей, оказывающихся перед лицом социальных проблем, они попадают в сферу профессиональных интересов социальных работников. Так, нарушение права семьи на защиту со стороны общества и государства, зафиксированное в ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, приводит её к проблемам, в решении которых она может рассчитывать на помощь социальных ра-

ботников. Таким образом, социальную работу можно определить как профессиональную деятельность, направленную на обеспечение прав людей.

E.P. Agapov

*Doctor of Philosophy,
Head of the Department of Social Technologies,
Southern Federal University*

PROBLEM OF HUMAN RIGHTS AND SOCIAL WORK

Problem of human rights has traditionally attracted the attention of politicians and philosophers, sociologists, lawyers, and other researchers. Recently, it has been the focus of such a sphere of theoretical and practical activities, such as social work. Since lack of these rights affects the welfare of people faced with social problems, they fall within the scope of the professional interests of social workers. Therefore, social work can be defined as professional activities aimed at ensuring the rights of people.

В.М. Атаманов

*Доцент кафедры эндокринологии и клинической фармакологии
Пермской государственной медицинской академии им. акад.
Е.А.Вагнера*

ПАТОЛОГИЯ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ – ВАЖНАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, МЕДИЦИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Последние годы характеризовались значительным ростом встречаемости заболеваний щитовидной железы (ЩЖ) среди населения России, наиболее отчетливо выраженным в условиях крупных промышленных центров (Л.В. Савина, 1999; В.И. Бронников с соавт., 2002). По данным исследований последних лет доля аутоиммунного тиреоидита (АИТ) в структуре патологии щитовидной железы увеличивается. Этот фактор, особенно в экологически загрязненных регионах, может быть одной из причин нарастания тяжести зобной эндемии. Обстоятельства такого рода отрицательно влияют на состояние здоровья, репродуктивную функцию женщин, и, что особенно важно, сни-

жают интеллектуальный потенциал населения проживающего в данной местности. Проблему АИТ, эндемического зоба следует признать не только медицинской, но и серьёзной социально-психологической.

Целью нашей работы явилась оценка психологических изменений, вероятных иммунных, профессиональных, лекарственных и иных причин возникновения АИТ.

Материалы и методы: Нами было изучено 39 больных женщин с АИТ (зобом Хашимото) в фазе эутиреоза. Диффузная форма была диагностирована у 19 человек, диффузно-узловая - у 20. Выясняли их профессиональные вредности, длительный прием лекарственных препаратов, сопутствующую патологию. Проводили УЗИ ЩЖ и проверяли уровень гормонов и антител (ТТГ, Т3, Т4, АТ-ТПО). При всех формах АИТ проводили тонкоигольную аспирационную биопсию узлов ЩЖ. Диагноз АИТ выставлен согласно принятому в РФ консенсусу. Контрольной группой явились 30 студентов медицинской академии, а также 20 студентов философско-социологического факультета университета много работающих с компьютером, часто подвергающихся действию иных электромагнитных полей.

В исследовании использовались следующие методы: клинико-анамнестические с применением стандартизованного опросника-интервью, модифицированного для больных, ретроспективно оценивались преморбидные особенности личности больных АИТ с акцентом на изучение эмоционально-волевой и поведенческой сфер.

Алекситимию [4,5] изучали с помощью Торонтской алекситимической шкалы (TAS), предложенной G.Taylor (1985) и адаптированной в Психоневрологическом институте им. В.М.Бехтерева (1994). Алекситимиками считали больных, набравших 74 и более баллов, менее 62 баллов - неалекситимиками, к зоне неопределенности были отнесены набравшие от 63 до 73 баллов. Предельное теоретическое распределение баллов от 26 до 130.

Результаты: в 46,2% случаев больные АИТ выполняли интеллектуальный труд; контакта с вредными факторами никогда не было. У 12,8% обследованных на производстве был контакт с химическими агентами, наиболее часто с продуктами нефти. 33,3% больных АИТ подвергались воздействию лучевой энергии, преимущественно при длительной работе с компьютером. Установлено, что частота гипотиреоза у лиц работающих с компьютером была достоверно чаще, чем у лиц интеллектуального труда: соответственно в 83,3% и 29,4% случаев; кроме того, нередко у них гипотиреоз был субклиническим. Более редкими причинами АИТ были длительное употребление препаратов

группы НПВС, кордарона (7,6%), возникновение АИТ на фоне сахарного диабета 1 типа (5,1%). Установлено, что у студенток - женщин медакадемии, а также технического университета в большом объеме работающих на компьютерах и подвергающихся действию иных электромагнитных полей АИТ встречался не чаще, чем в популяции: в 1% случаев.

При анализе данных проведенного исследования были получены следующие результаты. Среди обследованных больных АИТ алекситимия установлена у 21 больного (54 %), отсутствие алекситимии - у 18 (46 %). В группе с диффузной формой АИТ алекситимия встречалась у 11 (58 %) человек, с диффузно-узловой формой АИТ у 10 (50%). Статистически значимых различий по частоте встречаемости алекситимии при АИТ в зависимости от морфологической структуры железы между группами не выявлено.

Средняя выраженность оценки по шкале TAS во всей изученной выборке составила $72,4 \pm 1,8$, что объясняется низкой выраженностью оценки по шкале TAS в группе неалекситимиков. В контрольной группе алекситимия выявлена у 12 (24%) человек, тогда как она отсутствовала у 38 (76%). Средний балл алекситимии $58,6 \pm 1,7$. Различие между основной и контрольной группой статистически значимо ($p < 0,01$). Анализ влияния возраста и длительности заболевания на проявление алекситимии у больных АИТ выявили следующие закономерности. Средний возраст алекситимиков в основной группе составил $38,5 \pm 1,7$ года, неалекситимиков - $31,2 \pm 2,1$ года ($p < 0,05$). Сравнение параметров длительности заболевания и уровня алекситимии показало, что длительность заболевания больных АИТ не влияла на выраженность алекситимических черт.

Таким образом, степень проявления алекситимии при аутоиммунном процессе зависит от возраста, но не связана с продолжительностью болезни. По всей видимости, это обусловлено тем, что в процессе жизни, с возрастом, увеличивается количество значимых стрессовых событий, возрастает доля психотравмирующих ситуаций, т.е. происходит нарастание суммарного показателя стресса. Вместе с тем, у ряда зарубежных исследователей существует мнение, что частота алекситимии в популяции не коррелирует с возрастом обследованных больных (G.Taylor., 1984).

Учет взаимозависимости проявления алекситимии от морфологической структуры щитовидной железы, не обнаружил, статистически значимых различий между диффузной и диффузно-узловой формой АИТ ($69,1 \pm 1,6$ против $70,2 \pm 1,9$ соответственно). Дифференци-

рованный анализ диффузной и диффузно-узловой форм зоба по шкале TAS показал, что у лиц женского пола уровень алекситимии выше при диффузно-узловой форме ($p < 0,0001$).

Тестирование по методике Спилбергера-Ханина выявило достоверные различия между алекситимиками и неалекситимиками только по уровню личностной тревожности (ЛТ). Средние значения ЛТ были достоверно выше у больных без алекситимии - $46,2 \pm 1,3$ балла по сравнению с больными с алекситимией - $35,5 \pm 1,2$ балла ($p < 0,0001$).

Обсуждение: R. Volpe в 1997 г. предложена гипотеза развития АИТ, разработанная на основе клонально-селекционной теории Барнета (1959). Увеличение ЩЖ независимо от её причины является компенсаторной реакцией организма в ответ на снижение уровня тиреоидных гормонов (ТГ). Даже скрытый гипотиреоз является значимым у женщин фертильного возраста, ибо это неблагоприятно сказывается на развитии мозга будущего ребенка, может явиться фактором снижения интеллектуальных возможностей взрослого человека. Можно предполагать, что переменное электромагнитное создаваемое при работе персонального компьютера, хотя и не имеет большой мощности, но «созвучно» электромагнитным полям клеток органов и тканей человеческого организма. Вероятно, происходит ионизация тканей, активация процессов перекисного окисления липидов, что оказывает повреждающее действие на клеточные структуры ЩЖ.

Вместе с тем, на сегодняшний день предложена единая концепция, которая объясняет развитие этих заболеваний наличием неспецифического фактора. К этому фактору относится личностная predisпозиция в форме алекситимии. Согласно P.Sifneos [5], при этой predisпозиции имеются нарушения в когнитивно-аффективной сфере, что снижает способности к вербализации аффекта. Это приводит к избыточному физиологическому ответу на негативные воздействия внешней среды, обуславливая тем самым появление соматической симптоматики. В то же время, концепции, которая бы полностью объясняла природу феномена алекситимии, пока предложено не было.

Существует дифференцированный подход в оценке алекситимии: на первичный и вторичный процесс. Ведущая роль в развитии первичной (конституциональной) алекситимии отводится генетическим механизмам, дефектам или особым вариантам развития головного мозга.

Выводы. На основании полученных данных можно предположить участие алекситимии в иммунодепрессии, проявляется в нейро-

эндокринной, и психической дезинтеграции, что находит свое отражение в изменении морфологической структуры щитовидной железы с тенденцией к формированию узловых образований, а также в оформлении клинической картины психических нарушений с преобладанием расстройств тревожно-аффективного спектра. Прямой зависимости возникновения АИТ от профессиональных вредных факторов не обнаружено.

V.M. Atamanov

*Senior lecturer of faculty endocrinology and clinical pharmacology
The Perm state medical academy acad. E.A.Vagnera*

PATHOLOGY OF THE THYROID GLAND - THE IMPORTANT SOCIAL - PSYCHOLOGICAL, MEDICAL PROBLEM

39 sick women thyroid autoimmune are surveyed. Estimated a level of hormones and antibodies of a thyroid gland, a level alexitimia, and also premordide, psychological features. The combination of mental infringements of the disturbing - affective spectrum, authentically increased alexitimia and changes of morphological structure of a thyroid gland is revealed.

А.А. Волочков

*докт.психол.н., профессор кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
зав. кафедрой практической психологии,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь*

ЧЕЛОВЕК АКТИВНЫЙ КАК СУБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Важнейшим психологическим аспектом безопасности является ее самооценка, ее восприятие, в том числе самооценка своего психологического здоровья. Почему в условиях постоянного стресса одни люди быстро «сгорают», теряя «чувство безопасности» физическое и

психологическое здоровье, а другие в объективно более сложных условиях чувствуют себя безопасно? Почему профессионал, работающий «на износ», чаще демонстрирует энергию, жизнестойкость, уверенность, оптимизм, чем его «рационально расслабленный коллега»? Основатель концепции салютогенеза А. Antonovsky (1984, 1985) подчеркивает, что в результате успешного преодоления стресса человек может приобрести позитивный опыт. Последствия стресса - будут ли они негативными, нейтральными или позитивными — зависят не от наличия и характера самого стресса, а от индивидуальных способов реагирования на него. Какова роль профессиональной активности среди способов реагирования, определяющих восприятие стрессора и меру его воздействия на психологическое и физическое здоровье? Например, роль профессиональной активности учителя в оценке комфортности, безопасности своей профессии и своего здоровья?

В рамках Пермской составляющей международного проекта исследования стресса учителя (руководитель проекта проф. Кейс ван дер Вольф, Нидерланды, г. Утрехт) был поставлен вопрос: *что позволяет некоторым учителям оставаться физически и психически здоровыми, оптимистичными, малоуязвимыми и «несгораемыми» в условиях постоянно действующего стрессора (общения с наиболее проблемным учеником)?* Вслед за Brophy, Greene, Abidin и Kmetz (1997) на основе эмпирических исследований К. Ван дер Вольф (2003) выделяет 6 типов поведения такого ученика: 1) **«Против шерсти»** (оппозиционность); 2) **«Гиперактивность, отвлекаемость»**; 3) **«Слабый ученик - нуждается в особом внимании»**; 4) **«Легко расстраивается»** - эмоциональная нестабильность; 5) **«Синдром неудачника»**; 6) **«Агрессивная враждебность»**. Наряду с другими характеристиками личности, психологического здоровья и профессиональной деятельности педагогов эти 6 типов диагностировались анкетой «Учителя и ученики». В Пермской выборке дополнительно был проведен «Опросник профессиональной активности учителя», разработанный в соответствии с концепцией целостной активности субъекта конкретной сферы взаимодействия по А.А. Волочкову (2007). Активность в этой концепции понимается как качественно-количественная мера взаимодействий субъекта в определенной сфере. Такая активность (например, активность учителя): *во-первых*, интегрирует наиболее существенные для данной сферы взаимодействий проявления активности; *во-вторых*, акцентирует процессуальную сторону определенных видов деятельности как совокупность обусловленных субъектом моментов ее движения. Опросник состоит из 45 пунктов, образующих 5 первичных (про-

фессиональная мотивация, способности, регуляция активности, динамика реализации, оценка результатов активности) и 2 суммарные шкалы, в том числе - суммарный индекс «Профессиональная активность учителя. В выборке 572 учителей Пермского края опросник показал высокие психометрические качества. Особое внимание уделялось оценке конструктивной валидности. Эксплораторный факторный анализ показал, что 49 пунктов опросника образуют 5 ортогональных факторов, соответствующих теоретическому конструкту. Надежность шкал по их внутренней согласованности (альфа-Кронбаха) в диапазоне от 0,746 (шкала «Самооценка профессиональных способностей») до 0,860 (шкала «Профессиональная мотивация»), а по агрегированной шкале «Профессиональная активность учителя – 0,915. Усредненные межпунктовые корреляции по шкалам в пределах нормы (от 0,196 до 0,413). Суммарные шкалы опросника показали распределение, близкое к нормальному. Таким образом, Опросник профессиональной активности учителя по основным психометрическим параметрам соответствует современным требованиям.

Участники исследования

Пермская выборка (572 участника) репрезентативно отражает территориальную и демографическую неоднородность 34-х административных единиц Пермского края. Учитывались пропорции массовых, элитных и специализированных школ, соотношение традиционных и новых образовательных моделей. Усредненный стаж учительской работы в выборке составил 18 лет. При этом лишь 21 учитель работает в школе от 1 до 3 лет, 78 учителей имеют стаж 5 – 10 лет. Больше всего учителей (161) работают в школе от 15 до 20 лет. Наконец, 125 учителей трудятся в школе 25 и более лет.

Результаты исследования

Образовательная модель оказывает однородный и довольно значительный эффект *на частоту проявления* всех шести типов проблемного поведения ученика, причем в развивающих системах обучения (особенно у «занковцев») такое поведение проявляется реже, чем в традиционной системе. Однако в традиционных классах проблемных учеников значительно больше по причине отсутствия отбора учащихся, который типичен для новых образовательных моделей и элитных школ. Поэтому обнаруженные эффекты свидетельствуют скорее о влиянии образовательной среды в целом – с учетом отбора учащихся, образовательной модели и ряда других факторов.

Общий многомерный эффект фактора «Образовательная модель» на шесть шкал стрессогенности проблемного поведения учени-

ка оказался статистически незначимым: Pillai's Trace $F(24, 2232) = 1.149$, n.s., $\eta = 0.10$. По абсолютной величине данный эффект является также незначительным, объясняя лишь 0,012 % общего разброса данных.

Многомерный эффект фактора «профессиональная активность учителя» на шесть шкал частотности проблемного поведения оказался статистически незначимым и низким по абсолютной величине: Trace $F(12, 458) = 1.565$, n.s., $\eta = 0.20$. Таким образом, сильной взаимосвязи между профессиональной активностью учителя и **частотой** проявления шести типов проблемного поведения учеников не обнаруживается. Тем не менее, в последовательных одномерных анализах ANOVA было показано, что активные учителя несколько реже сталкиваются с оппозиционным или беспомощным поведением.

Многомерный эффект фактора «профессиональная активность учителя» на шесть шкал стрессогенности (оценки силы воздействия) проблемного поведения оказался статистически значимым и значительным: Pillai's Trace $F(12, 458) = 3.968$, $p < .001$, $\eta = 0.97$. Такая большая величина эффекта была получена несмотря даже на то, что один из ковариатов (учительский стаж) также оказался значимым.¹

В числе статистик MANCOVA в соответствии с поставленной проблемой особое внимание уделялось коэффициенту η – стандартизованному «эта-коэффициенту», в котором учтены поправки на численность выборки, переменных и т.д. Его также называют «абсолютной величиной эффекта». Эти величины сопоставимы в различных исследованиях, выполненных в разных условиях и на разных выборках. По критерию Козна величина $\eta = 0,1$ характеризует низкую величину эффекта, 0,3 – среднюю, от 0,5 – высокую (Tabachnick, Fidell 2007). Итоги сравнения четырех параллельных серий MANCOVA, обобщенные на уровне эта-коэффициентов. При этом эффекты среды обучения (образовательной модели) на частоту и стрессогенность проблемного поведения ученика, а также эффект активности учителя на частоту проблемного поведения ученика являются сопоставимыми по величине и приблизительно одинаковыми. С другой стороны, в этой картине взаимосвязей явное преимущество имеет эффект активности учителя на стресс, испытываемый им во взаимодействии с проблемным учеником ($\eta = 0,97$). Очевидно, что именно *активность субъекта*, а не территория проживания или система обучения, отбор учащихся и другие особенности организации среды обучения, играет

¹ Анализ данных проводился совместно со ст..преп. ПГГПУ А.Ю.Поповым

наибольшую роль в учительском восприятии стрессогенного воздействия различных типов проблемного поведения учеников.

Одномерные эффекты фактора «Профессиональная активность учителя» на характеристики различных аспектов восприятия профессиональной среды, в том числе поведенческих нарушений наиболее проблемных учеников, также показательны. Всего в тестовой батарее «Учителя и ученики» было 30 соответствующих переменных. Очевидно, что «Активность учителя» мало влияет на частоту поведенческих нарушений самого проблемного ученика. Только наиболее активным учителям удастся существенно снизить частоту проявления оппозиционности (шкала «Против шерсти»). Другие поведенческие нарушения встречаются одинаково часто у высоко- и среднеактивных учителей. В то же время «Активность учителя» оказывает мощное воздействие на восприятие и оценку стрессогенности всех поведенческих нарушений самого проблемного ученика, а также на восприятие многих аспектов профессиональной среды учителя, диагностированных анкетой «Учитель и ученики». Обнаружены высоко значимые эффекты данного фактора на 26 из 30 характеристик (86,7%)!

Приведем несколько примеров таких эффектов. Так, обнаружен значимый эффект ($p < 0,0000$) фактора «Активность учителя» на шкалу на шкалу «Проблемный ученик меня вдохновляет и мотивирует», который демонстрирует парадоксальную закономерность: чем активнее профессионал, тем больше его поведение мотивирует самый проблемный ученик! Активный профессионал *принимает враждебный вызов*. Активность учителя в этом случае выступает эффективным ресурсом совладания с деструктивной активностью.

Профессиональная активность учителя непосредственно отражается и на оценке нарушений эмоционального здоровья, проявлений эмоционального выгорания, измеряемой по Гольдберг ($p < 0,001$). При этом опять же, наиболее активные учителя чувствуют себя самыми здоровыми среди коллег по профессии. Очевидно, что «неуязвимость» по отношению к наиболее стрессогенному элементу профессиональной среды связана, прежде всего, с основным внутренним ресурсом совладания – с активностью профессионала!

Таким образом, именно активность субъекта, а не особенности организации обучения, территория проживания, отбор учащихся и другие «внешние стимулы», играет наибольшую роль в преодолении стрессогенного воздействия поведения наиболее проблемного ученика. Активные учителя принимают вызов со стороны субъектов противодействующей, деструктивной активности. В итоге их личность, вос-

приятие уровня безопасности в опасной стрессогенной среде, самооценка психического здоровья и большинства аспектов профессиональной деятельности оказываются намного устойчивее, чем у средних и низкоактивных профессионалов, пытающихся трудиться «расслабленно», с меньшими затратами, превращающихся в объекты деструктивной активности проблемных учеников.

С.Е. Гасумова

*к.соц.н., доцент кафедры социальной работы,
Пермский государственный университет*

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ГОЛОСОВАНИЯ В КОНКУРСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА РАБОТНИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПЕРМСКОГО КРАЯ

К сожалению, нужно признать, что работу в учреждениях социального обслуживания населения в России сегодня сложно назвать престижной. Вообще, статус многих профессий в современном российском обществе незаслуженно низок. Вклад специалистов социальных служб в повышение общественного благополучия, развитие человеческого потенциала редко попадает в поле общественного внимания. А между тем, в этой сфере могут работать только люди с особыми душевными качествами, альтруисты, способные к сочувствию, неравнодушные к человеческим проблемам, стремящиеся помочь окружающим. Зачастую они делают свой профессиональный выбор, отчётливо сознавая, что их усилия не всегда будут в полной мере вознаграждены. Такая гражданская позиция, несомненно, заслуживает глубокого уважения, признания и почёта в обществе.

Для изменения сложившейся ситуации и повышения публичного статуса профессий работников социальных служб в Пермском крае нами было предложено использовать технологию открытого интернет-голосования в конкурсе профессионального мастерства и сделать его, таким образом, публичным, привлекая через различные СМИ общественность к голосованию за лучшего работника. Так, Агентством по управлению социальными службами Пермского края в 2012 г. впервые было принято решение провести такой конкурс среди работников учреждений социального обслуживания населения Пермского края «Призвание – 2012» совместно с Пермским государственным нацио-

нальным исследовательским университетом, с использованием процедуры интернет-голосования за номинантов. Конкурс являлся региональным этапом аналогичного всероссийского конкурса.

Конкурс представлял собой цикл мероприятий, ориентированных на повышение профессионального уровня и наиболее полную реализацию творческого потенциала сотрудников учреждений социального обслуживания населения, развитие практических технологий обслуживания, пропаганду профессиональных знаний как обязательной составляющей деятельности социальных служб, способствующей повышению эффективности и конкурентоспособности учреждений социального обслуживания в Пермском крае.

Целью Конкурса являлось создание стимулов к совершенствованию профессионального мастерства, распространение новых технологий в системе социальной работы, развитие творческой деятельности работников социальной сферы.

В 2012 г. были поданы заявки на конкурс в следующих номинациях: 1) «Лучший заведующий отделением учреждения социального обслуживания»; 2) «Лучший специалист по социальной работе»; 3) «Лучший работник учреждения социального обслуживания»; 4) «Лучший врач учреждения социального обслуживания»; 5) «Лучший социальный педагог»; 6) «Лучший психолог учреждения социального обслуживания»; 7) «Лучший воспитатель учреждения социального обслуживания»; 8) «Лучшая медицинская сестра учреждения социального обслуживания»; 9) «Лучшая санитарка учреждения социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов»; 10) «Лучший инструктор по труду».

В рамках конкурса были приняты также заявки на присуждение специальных премий: 1) «Специальная премия «Лучший молодой специалист социальной службы»; 2) «Специальная премия «За долголетие в социальной работе».

Заметим, что совместное проведение конкурса Агентством по управлению социальными службами и Пермским государственным национальным исследовательским университетом обусловлено длительным опытом сотрудничества. Кафедра социальной работы юридического факультета более двадцати лет готовит специалистов по социальной работе с уникальной специализацией «Социально-правовая поддержка населения» для Пермского края. Заведующая кафедрой, доктор социологических наук, профессор З.П. Замараева сама ранее была первым заместителем председателя Комитета социальной защиты населения Пермской области, затем специалистом Министерства

труда и социального развития Российской Федерации, руководителем научно-исследовательского отдела Института социальной геронтологии Московского государственного социального университета и заместителем директора Академии социальной работы Российского государственного социального университета. Руководством организации интернет-голосования занималась автор настоящей статьи.

В результате уникальной особенностью конкурса «Призвание – 2012» стало то, что благодаря сотрудничеству его организаторов, жители Пермского края получили возможность в рамках интернет-голосования за номинантов оценить профессиональное мастерство работников социальных служб, заочно познакомившись со специалистами на сайте университета, и выразить им свою поддержку. Именно поэтому в рамках конкурсных мероприятий ПГНИУ организовал и провёл интернет-голосование за номинантов конкурса – работников социальных служб Пермского края на своём официальном сайте.

Конкурсные заявки представили 28 специалистов из 16 учреждений: межведомственных центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, домов-интернатов для престарелых и инвалидов, психоневрологических интернатов, геронтологического центра. Поразила география конкурса: в нём приняли участие специалисты из социальных служб Перми, Верещагино, Нытвы, Чайковского, Кудымкара, Оханска, Тулumbaихи, Верхних Городков, Кучино, Дуброво, Соликамска, Губахи, Лысьвы, Ильинского.

С портфолио конкурсантов можно было ознакомиться на странице интернет-голосования <http://www.psu.ru/prizvanie/golosovanie/01> (она продолжает оставаться активной), где представлены их фотографии и должности, описан опыт работы, образование, награды, размещены эссе на тему «Мой путь в профессию», характеристики с места работы, презентации и другие конкурсные материалы. Принять участие в интернет-голосовании мог любой посетитель сайта Пермского государственного национального исследовательского университета.

Голосование прошло с 12 по 26 марта 2012 г. и явно привлекло интерес общественности: лидеры голосования получили более четырёх тысяч голосов, всего же за две недели специалисты социальных служб собрали около 23 тысяч голосов.

Особое внимание посетителей сайта привлекли эссе на тему «Мой путь в профессию». В них конкурсанты трогательно и неподдельно просто постарались описать свою жизненную позицию, ценности, взгляды, эмоциональное отношение к выбранной профессии (не-

которые работы были даже в стихах). У большинства из них, в глазах обывателя, сама жизнь похожа на подвиг. Неудивительно, что эссе воспринимались без преувеличения как откровение и завораживали читателя. А в пермских СМИ появились публикации о конкурсе на тему «Пермяков награждают за ежедневный героизм».

Работа в социальной службе – далеко не публичная сфера, и работники таких учреждений не привыкли быть в центре внимания общественности. Поэтому для организаторов конкурса было очень важно провести исследование отношения номинантов конкурса к самому участию в интернет-голосовании, чтобы оценить эффективность применения подобной интернет-технологии в социальной работе. Опрос проводился письменно. Всего были опрошены 14 человек из 28 конкурсантов (50%), в том числе 6 из 12 победителей (50%).

Опрос проводился сразу после окончания процедуры интернет-голосования, но до подведения окончательных итогов конкурса. Подчеркнём, что интернет-голосование было лишь частью конкурсных мероприятий, победители определялись конкурсной комиссией с учётом целого ряда других показателей (таких как опыт работы, наличие публикаций, награды, качество представленных конкурсных материалов и другие).

Один из вопросов анкеты звучал следующим образом: «Изменилась ли как-то ваша жизнь после начала интернет-голосования (например, изменилось отношение окружающих, повысилась собственная самооценка, улучшилось настроение, стало больше энергии, изменились Ваши взгляды на жизнь и т.п.)?» Подавляющее большинство опрошенных – 13 из 14 человек заявили, что их жизнь изменилась, и лишь 1 респондент сообщил, что никаких изменений не произошло. Поясняя более конкретно, какие именно случились изменения, 4 специалиста указали, что у них улучшилось настроение, трое констатировали, что стало больше энергии. А вот самооценка повысилась у шести специалистов (почти у половины), что, соответственно, можно считать главным результатом участия в интернет-голосовании. Трое респондентов заметили, что отношение окружающих к ним изменилось в лучшую сторону: «чувствовалась поддержка знакомых и коллег», «все активно голосовали и переживали», «все ободряли, помогали».

Кроме выявленного изменения самоощущения и восприятия отношения окружающих, описанных выше, важно отметить некие произошедшие изменения ещё в двух сферах: в социальном статусе конкурсантов и в их отношении к собственной профессии. О первом

говорят ряд высказываний респондентов, фиксирующих расширение круга общения, что немаловажно как для организации жизнедеятельности, так и для дальнейшей профессиональной активности. О втором свидетельствуют множество комментариев специалистов, по сути описывающих повышение статуса своей профессии в собственных глазах, возникновение гордости за неё и появление желания повышать квалификацию, совершенствовать профессионализм. Например, специалисты разъясняют: «изменились взгляды на работу, теперь это не просто ответственность перед своими коллегами, а и ответственность перед коллегами края», «появилось больше уверенности в своем профессионализме», «увеличилось желание привносить в свою работу что-то новое», «повысилась значимость работы в сфере социального обслуживания», «повысилась ответственность к работе» (дословно), «хочется сделать еще больше, еще лучше и стремиться к самосовершенствованию».

Соответственно, необходимо зафиксировать крайне любопытный результат. Безо всякого материального стимулирования достигнут такой эффект, когда работники готовы лучше и больше работать, более ответственно и старательно выполнять свои обязанности – то есть повышение производительности труда. Продолжительность этого эффекта, к сожалению, в рамках данного исследования не изучена, хотя она представляет несомненный интерес с точки зрения эффективной организации труда.

На наш взгляд, причина такого эффекта – в повышении моральной удовлетворённости своим трудом и профессией, напрямую связанной с осознанием повышения её статуса в обществе. Свидетельством возникновения почёта к их профессии для специалистов стал, во-первых, сам факт размещения сведений о конкурсантах и их профессиональном мастерстве в медийном информационном пространстве – в общедоступной сети Интернет. А это значит, что данные сведения действительно представляют интерес для широкой общественности. Во-вторых, интернет-голосование сопровождали новостные заметки на сайте университета и Правительства Пермского края, описывающие хронику проведения конкурсных мероприятий и высоко оценивающие профессиональные заслуги и вклад в развитие общества работников социальных служб. Отметим, что в этих заметках работники сравнивались с героями.

Здесь важно добавить, что сами работники социальных служб зачастую живут с гнетущим, мучительным ощущением непрестижности своей профессии, порождаемым низкой заработной платой, боль-

шой текучестью кадров в этой сфере, отсутствием каких-либо очевидных проявлений благодарности со стороны общества за труд в области социальной работы. В этом контексте специалистам бывает сложно с любовью относиться к своему делу, ведь многие из них ощущают себя «неудачниками», не нашедшими лучшей работы, столкнувшись с разочарованным отношением окружающих к их профессиональному выбору. В силу этих причин, для работников социальных служб крайне важна и долгожданна в первую очередь моральная поддержка, уважение и признание со стороны общества. И в-третьих, свидетельством почётного статуса их профессии стали сами многотысячные голоса посетителей сайта, отданные в поддержку конкурсантов. Лидеры голосования за 14 дней успели набрать более 4 тыс. голосов.

Следующие два вопроса позволили выявить, как отреагировали коллеги по работе и близкие люди (родственники, друзья) на участие конкурсантов в интернет-голосовании. Ответы показали, что и те, и другие активно поддерживали участников конкурса. Кроме того, некоторые из них распространяли информацию о конкурсе и интернет-голосовании, что повышает эффективность организации этого мероприятия и способствует привлечению внимания общественности к нему, популяризации профессии. Немаловажно, что технология интернет-голосования предоставляет интерактивную возможность каждому желающему принять участие в мероприятии, не прилагая особых усилий, не беря на себя каких-либо обязательств, и повлиять на итоги конкурса. Это способствует более глубокому осознанию идеи данного специального события интернет-пользователями, запоминанию предметной информации о нём, а соответственно – влечёт некоторые изменения в общественном сознании.

Следующий вопрос затрагивал довольно «болезненную» тему. В нём номинантов конкурса просили описать свои эмоции, чувства, ощущения от того, что их фотографии и сведения о них были размещены во всеобщем доступе в сети Интернет, и за них можно было голосовать всем желающим. Здесь следует отметить, что первоначально, когда идея применения технологии интернет-голосования в рамках конкурса только обсуждалась, некоторыми членами оргкомитета конкурса были высказаны опасения, касающиеся риска срыва конкурсных мероприятий по следующим причинам:

- во-первых, сами номинанты могли отказаться от участия в конкурсе, возражая против размещения довольно подробной и личной информации о себе в Интернете;

- во-вторых, информация о конкурсе могла не вызвать интереса у общественности и интернет-голосование позволило бы собрать только единичные голоса за отдельных специалистов, что было бы некорректно по отношению к ним.

В результате оба опасения не оправдались. С одной стороны, конкурсанты проявили мужество и с честью и без возражений выдержали конкурсное испытание в форме участия в интернет-голосовании. Как отмечалось выше, учитывая непубличность их профессий, нужно отдать им должное и признать, что это, должно быть, было довольно трудной задачей для них. Половина специалистов (7 человек) заявили о том, что в начале голосования они чувствовали страх или тревогу, ещё 5 человек ощущали беспокойство (неуверенность, смущение и тому подобное). Без сомнений - тем полезнее для них подобный опыт.

Лишь двое специалистов из 14 не испытывали неприятных эмоций. У одного из них хватило самообладания, чтобы уже в начале интернет-голосования увидеть и оценить его преимущества: «Было приятно увидеть себя среди лучших специалистов края и тем более на сайте одного из лучших ВУЗов...»

С другой стороны, организаторами интернет-голосования были предприняты усилия для информационного сопровождения интернет-голосования. Информация о проведении конкурса, готовящемся, затем – открывающемся, продолжающемся, завершающемся интернет-голосовании распространялась в социальных сетях (например, «ВКонтакте»), на сайтах Правительства Пермского края, Пермского государственного национального исследовательского университета и других ресурсах, а также посредством интернет-рассылок в органы и учреждения социальной сферы.

Показательно, что к концу голосования эмоции конкурсантов диаметрально изменились. Половина опрошенных конкурсантов (7 респондентов), описывая свои ощущения, употребили слова «радость» и «уверенность». Кроме того, многие сообщили такие свои наблюдения, ради которых действительно стоило участвовать в конкурсе независимо от вероятности победить: «убедились в поддержке коллег, знакомых, родственников» «стойкое ощущение того, что мы работаем не зря!», «была рада, что люди узнают через интернет о моей работе, об учреждении, в котором я работаю», «Появилось понимание важности конкурса», «за меня проголосовало много человек, а это значит, что моя работа ценится», «и я на что-то способна!».

Таким образом, оказалось, что интернет-голосование, изначально нацеленное в первую очередь на привлечение внимания обще-

ственности и изменение общественного мнения о профессии социального работника, в результате неожиданно существенно повлияло на сознание и самооценку самих конкурсантов, их мнение о собственной профессии.

Следующий вопрос был направлен на выявление мнения конкурсантов о том, может ли как-то повлиять на общество сам факт размещения в сети Интернет сведений о работниках социальных служб. 86% респондентов оказались убеждены в том, что такой эффект есть, остальные затруднились ответить. Показательно, что ни один из респондентов, даже самый пессимистично настроенный, не взялся утверждать, что подобный эффект влияния на общество отсутствует, либо что тот эффект негативный. Вероятно, это означает, что все конкурсанты почувствовали некие изменения в окружающей среде в процессе интернет-голосования и эти изменения были позитивными либо нейтральными. Прежде всего, конкурсанты отметили, что «повысился имидж учреждения», «у знакомых прибавилось уважения к моей работе» и у населения появилась возможность побольше узнать о деятельности социальных служб.

Если условно рассмотреть перечисленные изменения как внешние, то важно зафиксировать, что респонденты отметили также как следствие некий внутренний эффект: повышение удовлетворённости собственной профессией и трудом («люди видят, что их работа нужна, она интересна другим»), возникновение чувства коллективизма («сопричастности к общему делу»).

Также выявлен довольно любопытный, неожиданный эффект: повышение интереса у работников социальных служб к конкурсу профессионального мастерства именно в связи с возможностью, условно выразимся, прославиться, то есть стать позитивно известным благодаря размещению в сети Интернет в конкурсных материалах сведений о достижениях специалиста. По оценкам респондентов, интернет-голосование «подстегнуло интерес к конкурсу у работников», «те, кто не попал в этом году на конкурс, получили представления о нём и о том, как это выглядит, и у них появилось желание работать лучше, чтобы попасть на данный конкурс и принять участие в таком увлекательном мероприятии».

В этом контексте не удивительно, что 13 из 14 респондентов заявили в ответах на следующий вопрос, что в дальнейшем целесообразно продолжать подобную практику использования интернет-голосования в рамках конкурса «Призвание» и других мероприятий. Лишь 1 респондент считает эту практику нецелесообразной.

На вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к своей профессии после участия в интернет-голосовании?» положительно ответили 9 человек из 14, отрицательно 4 респондента, затруднился ответить 1 конкурсант (см. Таблицу 6). Большая часть комментариев к этому вопросу связана

- с повышением статуса своей профессии в собственных глазах («я просто ещё больше полюбила свою работу... это мой жизненный путь и правильный выбор», «повысилось осознание ценности и значимости своей профессии», «теперь я иду на работу с ещё большим рвением, чем ранее, теперь я понимаю, что о ней могут узнать многие и это радует»),

- с желанием повысить качество своего труда («появилось желание работать лучше», «стала более ответственно подходить к каждой, даже мелкой работе», «увидела новые возможности в работе», «повысилась ответственность за работу, начинаешь смотреть в будущее: а вдруг еще придется поучаствовать в таком конкурсе... и вольно – не вольно пытаешься всё сделать правильно и качественно) и свою профессиональную компетентность («хочется достигать новых вершин»).

И вновь конкурсанты не могут не отметить, хотя вопрос этого напрямую не касается, изменение отношения близких людей к их работе («кардинально изменилось отношение моих друзей, родственников к моей работе и подопечным» и др.). Это, очевидно, свидетельствует о крайне высокой значимости для респондентов именно данной переменной. Негативное отношение близких к выбору профессии работниками социальных служб, вероятно, является для них исключительно болезненным.

11 респондентов из 14 остались довольны своим участием в интернет-голосовании в рамках конкурса профессионального мастерства среди работников учреждений социального обслуживания населения Пермского края «Призвание – 2012», 1 респондент не доволен и 2 затруднились ответить. Один из затруднившихся ответить прокомментировал свою позицию следующим образом: «Испытываю противоречивые чувства. Мне приятно, что за меня голосовало и переживало так много людей, и очень жаль, что отстала по голосам от своей «конкурентки». Таким образом, даже те конкурсанты, которые отставали по количеству набранных голосов, в целом всё равно были довольны участием. Очевидно, что важным моментом для них была сама возможность рассказать о своей нелёгкой работе, получить общественное признание заслуг, позитивную оценку достижений.

Конкурсантам, набравшим наибольшее количество баллов по итогам участия в краевых конкурсных мероприятиях, в том числе по результатам интернет-голосования, было присуждено 1-е место и звание победителя конкурса в своей номинации. Некоторые из них приняли участие во всероссийском этапе конкурса в Москве под патронатом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, 1 специалист стал победителем в одной из номинаций на всероссийском конкурсе.

С методической точки зрения при подведении итогов регионального этапа конкурса была выявлена одна крайне любопытная, неожиданная закономерность. Практически во всех номинациях мнение экспертной комиссии конкурса полностью совпало с результатами интернет-голосования, а значит – с мнением общественности. Вопреки ожиданиям, пользователи сети Интернет высказали точно такую же оценку заслуг конкурсантов, как руководство ведомства. На наш взгляд, причина этого феномена в том, что наиболее успешные, квалифицированные специалисты, с любовью относящиеся к своей работе и клиентам социальных служб, отличаются довольно высокой коммуникабельностью. Это одна из составляющих их профессиональных качеств, позволяющая им более эффективно трудиться. Обладая высокой коммуникабельностью, они, в свою очередь, имеют широкие социальные связи. Их общительность позволила им вовлечь в процесс голосования самые различные социальные группы, которые их поддерживали. То есть являясь хорошими профессионалами в своей деятельности, они и вне этой деятельности также отличаются успешностью, предприимчивостью и эффективно влияют на результаты интернет-голосования.

Итак, проведённое нами исследование даёт основания выявить высокую эффективность применения технологии публичного, открытого интернет-голосования в рамках проведения конкурсов профессионального мастерства работников социальных служб для

- 1) повышения статуса профессии социального работника, улучшения её имиджа;
- 2) улучшения психологического климата в коллективах социальных служб, повышения удовлетворённости трудом у персонала учреждений социального обслуживания населения;
- 3) информирования граждан о деятельности социальных служб, расширение знаний о социальной работе;

4) морального воспитания общественности, формирования в общественном сознании идей милосердия, гуманизма, альтруизма, толерантности, недопущения дискриминации и насилия;

5) вовлечения различных социальных групп в процесс социального развития региона путем предоставления возможности выразить свое отношение к работникам социальных служб.

Выявленные факторы позволяют рекомендовать органам государственной власти, как федеральным, так и региональным, в дальнейшем использовать данную технологию для повышения статуса социальной работы в обществе и повышения эффективности работы ведомства социальной защиты, тиражировав описанный в настоящей статье опыт.

S.E. Gasumova
PhD (Sociology), associate professor,
Perm State University

EXPERIENCE OF THE INTERNET VOTE ORGANIZATION IN THE COMPETITION OF PROFESSIONAL SKILL AMONG SOCIAL SERVICE PROVIDERS IN PERM KRAI

The scientific and methodical analysis of use of the Internet vote technology in the competition of professional skill among social service providers in Perm Krai "Calling – 2012" is presented in this article; the efficiency of this technology in promotion of the public status and improvement of image of a profession is shown; the results of questionnaire of Internet vote nominees about their impressions about a voting procedure and the changes which have occurred as the result in their private and professional life are considered. On the basis of experience of the Internet vote organization, some recommendations to public authorities on increase of efficiency of social work informatization and positioning of this sphere in the Internet according to requirements of modern society are developed.

Т.Б. Голубева
*к.техн.н., доцент кафедры сервиса и туризма
Института физической культуры, спорта и молодежной политики
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КУРСЕ «ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»

Согласно федеральным государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) учебные планы направлений подготовки 100000 «Сфера обслуживания» в качестве базовой дисциплины гуманитарного блока должны включать предмет «Основы социального государства». Введение данного курса в образовательный стандарт – это попытка систематически и всесторонне проинформировать молодых граждан о базовых понятиях социального государства, социальной политике, деятельности соответствующих органов власти, социальном партнёрстве и социальной ответственности бизнеса и человека, всей совокупности социальных прав и обязанностей человека и гражданина, что, безусловно, должно повышать уровень социальной ответственности молодых граждан и, как следствие, социальной безопасности общества.

Известно, что читать поучения – не лучший способ формировать требуемые компетенции и вообще воспитывать юношество. Поэтому, на наш взгляд, положения новой дисциплины станут лучше осваиваться молодыми людьми при подаче их не в форме готовых истин, а в виде выводов учебных дискуссий. При этом подбор текстового материала и разработка вопросов к разделам курса должны строиться на принципах *новизны материала* (использование, в основном, неизвестных для обучающихся текстов и иллюстраций); *посильности выполнения заданий*; *наличия вопросов разного уровня*; *связи вопросов с выбранным направлением подготовки*. Предлагаемые формы работы со студентами - индивидуальные сообщения по предложенным для подготовки текстам, групповая проработка текстов, обсуждение текстов в виде учебной дискуссии. Вообще, дискуссия – это обсуждение какого-либо спорного вопроса, которое проводится с целью выявить и обсудить различные точки зрения по дискуссионным вопро-

сам. К таковым в курсе «Основы социального государства» можно отнести и проблемы социальной безопасности с существующими в обществе подходами к их решению. В ходе открытого совместного обсуждения дискуссионных вопросов участники дискуссии начинают лучше понимать причины трудностей в жизни общества и конкретных граждан, что поможет им точнее оценить гипотезы и методы, предлагаемые политиками и учёными для их решения. По нашему мнению, дискуссионные формы занятий по дисциплине «Основы социального государства» обогащают учебный процесс более глубоким смыслом и зрелыми эмоциями. Цель дискуссионного занятия не только овладение студентами определённой суммой знаний, но и формирование у молодёжи желания отвечать за обстоятельства собственной жизни, быть полезными обществу и своей стране. В связи с этим предлагаем разбить курс «Основы социального государства» на нижеперечисленные четыре дидактические единицы.

I. Основы теории социального государства с изучением Положений Конституции РФ о курсе на построение социального государства, правах и обязанностях граждан, в том числе права социального обеспечения, федеральных целевых программ, непосредственно затрагивающих социальную проблематику и будущие профессиональные интересы бакалавров. Пример дискуссионного вопроса: прокомментируйте слова философа И.А. Ильина (1948, выделение текста И.А. Ильина): «Самое важное – это *бытие России*. ...Она не может и не должна платить «любую цену» за это псевдо-демократическое разнуздание, которое доктринеры называют «свободой»; от этого разнуздания они сами погибнут первые, если не успеют опять спастись за кордон. Но наша скорбь не о них, а о России. Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз привел уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже *анти-коммунистической*. Мы понимаем, что доктринерам – их доктрина дороже России: на то они доктринеры. *Но нам Россия дороже всего*, и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготовляемых расчленителями гражданских войнах» [1].

II. Равенство и справедливость как базовые потребности личности и общества. Рассматриваются типы справедливости – коммутативная, заключающаяся в формальном равенстве прав, и социальная (распределительная); социальная справедливость как источник социальной политики; перераспределение доходов. Говоря о последнем, необходимо отметить, что данная дисциплина в соответствии с реко-

мендациями УМО по сервису и туризму ставится на первый семестр первого курса. Ввиду слабой подготовленности бывших школьников к рассмотрению серьёзных экономических и социальных вопросов общественной жизни, представлялось целесообразным использование материалов, освещающих проблемы перераспределения доходов в доступной форме, простым и ясным языком, понятным юношеству и в то же время доходчиво излагающих самую суть возникающих вопросов, формирующих правовую культуру и правосознание. Пример материалов для рассмотрения: репродукция картины И.А. Глазунова «Раскулачивание». Пример: дискуссионного вопроса: справедливо ли требование полного равенства людей?

III. Социальное партнёрство и социальная ответственность личности. Социальная ответственность бизнеса – это добровольный учёт организацией интересов общества путём взятия на себя ответственности за последствия результатов своей деятельности, оказывающих воздействие на потребителей, поставщиков, своих работников и акционеров, жителей местной территории, а также на состояние окружающей среды путём софинансирования социальной сферы в дополнение к социальным затратам государства. Однако социальные обязанности и ответственность могут и должны распространяться на все стороны, участвующие в общественных отношениях. Социальная ответственность гражданина включает в себя, с одной стороны, ответственность перед обществом, перед ближайшим окружением, перед самим собой. *Перед обществом* социальная ответственность человека выражается, прежде всего, в соблюдении законов и других правовых норм, а также в передаче гражданином части собственности (в виде налогов) на общественные и социальные нужды. *Перед ближайшим окружением* – перед коллективом, в котором работает человек, и в первую очередь перед семьей, социальная ответственность гражданина выражается в посильной заботе о качестве собственного труда, доходов и имиджа предприятия, материальном достатке членов семьи, в создании благоприятного психологического климата в семье и коллективе, в нравственном воспитании детей и солидарной ответственности поколений. *Перед собой* – за личное материальное и психологическое благополучие, духовно-нравственное совершенствование, состояние собственного здоровья. Пример дискуссионного вопроса: прокомментируйте с позиций концепции социальной ответственности бизнеса деятельность руководства пермского клуба «Хромая лошадь» и организатора фейерверка в нём, арендаторов судна «Булгария» и

лиц, выдавших всем им разрешения на ведение предпринимательской деятельности.

IV. Нравственное состояние граждан. На наш взгляд, нельзя не выделить отдельно тему нравственной ответственности человека как части социальной ответственности гражданина, так как для реального построения и функционирования социального государства необходимо понимание каждым гражданином страны своей роли в их осуществлении этих процессов. У граждан должно быть сформировано сочувствие социально незащищённым слоям населения и желание им помочь, ценность семьи, материнства, отцовства и детства; понимание необходимости сглаживания социального неравенства путем перераспределения доходов между различными социальными слоями через налогообложение, государственный бюджет, специальные социальные программы; позитивное отношение и готовность к участию в благотворительной деятельности и акциях милосердия; участие в реализации межгосударственных экологических, культурных и социальных программ, решение общечеловеческих проблем; ценность сохранения мира в обществе, прежде всего в своих коллективах. Нельзя не отметить, что при построении социального государства в России нужно учитывать не только позитивный, но и негативный опыт западных государств. Так, в США старится уже третье поколение граждан, представители которого никогда и нигде не работали. Они живут за счёт государственных пособий. Пример темы учебной дискуссии: кто виноват в существующих в обществе беспорядках и несправедливостях: конкретные люди, социальные условия или властные структуры? Информация к размышлению: эмоциональные высказывания В.Г. Белинского о решающей роли социальных условий в формировании «гнусной действительности»; отрывок из романа Л.Н. Толстого «Воскресение», в котором он обвиняет во всём зле, даже в конкретных уголовных преступлениях, тогдашние власти страны; описание подвижнической деятельности земского старосты, купца Кузьмы Минина, сыгравшего выдающуюся роль в спасении России от лихолетья Смутного времени; педагогическая деятельность Сергея Александровича Рачинского (1833-1902) по преодолению пьянства и алкоголизма сельского населения Центральной России. Два последних примера показывают, что граждане, обладающие высоким уровнем нравственной ответственности за состояние дел в обществе, способны сделать очень многое изменить в лучшую сторону даже в самой непростой жизненной ситуации.

Опыт проведенных занятий показывает, что курс «Основы социального государства», безусловно, может сыграть весомую роль в формировании у молодёжи представлений, способствующих повышению уровня социальной ответственности, и, как следствие, социальной безопасности всего общества.

T.B. Golubeva
candidate of technical sciences,
docent of service and tourism,
Ural Federal University

PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY IN THE COURSE "FOUNDATIONS OF THE WELFARE STATE"

The article refers to a new training course "Foundations of the welfare state" and its potential role in the formation of social security in the Russian society...

Н.И. Гончарова
к.филос.н., доцент, ученый секретарь
Одесский государственный университет внутренних дел,
г. Одесса (Украина)

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К началу ХХI века мы столкнулись со всеобщим кризисом рационализма. Потеря веры в прогресс означала, что были отброшены как ошибочные прежние суждения о возможных и необходимых улучшениях общества в будущем. Представления о возрастающих возможностях общества в сфере борьбы с преступностью также потерпели крах. Образовавшийся вакуум идейного пространства был заполнен за счет расширения сегментов ультрарационалистических (псевдорационалистических), иррационалистических и мистических дискурсов. Данное утверждение равно справедливо для идеологических установок в сфере научного мышления, общественной психологии или политической практики. Применительно к области права

сходные процессы обуславливают идейные трансформации как в области правовых наук, так и непосредственно в криминальной политике государства.

Первая попытка преодолеть кризис рациональности состоялась в форме обращения к здравому смыслу и его реализации в науке и идеологии – прагматизму. В силу отрицания прогресса (в смысле качественно новых форм социальных отношений) представления о дальнейших условиях существования человечества ограничивались вопросом комфортности быта, техническими новинками и усовершенствованием способов отнятия человеческой жизни оптом и в розницу. А посему в заявлениях ответственных лиц речь пошла не об искоренении преступности, а о «противодействии» ей. Позже – о «противодействии росту преступности» и, наконец, «противодействии темпам возрастания преступности». Т.е. не только «существование», но и «непрерывный рост» преступности не вызывали негативных коннотаций. Речь шла только о том, чтобы на вопрос «каков рост прироста?» бодро ответить «за отчетный период – меньше, чем за прошлый год». Следующим шагом был официально провозглашенный переход к противодействию проявлениям или «симптомам» преступности (отдельным преступным деяниям). И, наконец, «объяснительная реакция» - кризис (политический, моральный, идеологический, и, наконец, глобальный экономический) служил объяснением всему.

Как видим, в течение некоторого периода правоохранительная система все более и более сужала сферу заявленных притязаний, сводя их к некоему теоретическому минимуму. Смена политико-криминологических платформ и идеологических установок на деле явилась всего лишь вербальной реакцией на реальное зафиксированное бессилие существующей правоохранительной системы в плане борьбы с преступностью как социальной дисфункцией и последовавший отказ от этой борьбы, равно как и от попыток найти корень данной проблемы.

Вместе с тем, формирование новых властных структур обусловило настоятельную потребность найти новое идеологическое основание криминальной политики, пусть даже иррациональное. Концепция защиты прав и свобод человека, послужившая в свое время мощным идеологическим тараном в деле разрушения советской системы (вспомним хотя бы деятельность Хельсинской группы) была призвана отечественными криминологами для формирования такого основания. В свете требований криминальной политики она приобрела форму теории криминологической безопасности.

Суть данной теории проста. Индивида не касается, сколько конкретно преступлений совершено на абстрактную тысячу населения, его волнует его личная (как вариант – семейная) безопасность. «Ощущение безопасности, идущее от реальных фактов к убеждению в том, что жизнь может быть безопасной, это понятие криминологической безопасности и есть высшая цель деятельности, а не борьба с преступностью... Речь идет о том, что записано во всех конституциях: человек имеет право жить в полной безопасности от всех угроз, в том числе криминальных. Если мы переносим центр тяжести с борьбы с преступностью на криминологическую безопасность, то мы переносим наши усилия с субъекта нападения – преступника на объект – пострадавшего, в том числе и от того, что живет в небезопасном мире.»

Строго говоря, сформулированное таким образом требование уместней было бы назвать требованием виктимологической безопасности, поскольку речь идет об обеспечении безопасности потенциальной жертвы. Эта терминологическая неточность может быть объяснена просто большей популярностью слова «криминологический», однако она имеет под собой и более серьезное основание, что будет показано ниже.

Очевидная невозможность обеспечения безопасности всех слоев населения в масштабах всей страны определила поле практических рекомендаций данной теории. В целом, их можно разделить на две группы. К первой относятся рекомендации по различным формам индивидуального обеспечения собственной безопасности, от простейших наставлений (например, не носить мобильный телефон в руках) до сложных и дорогостоящих процедур (укрепление дверей и окон квартиры, постановка ее на охрану и т.п.) В эту же группу следует включить требования о разрешении свободной продажи населению огнестрельного оружия – как средства индивидуальной самозащиты. При всей целесообразности отдельных предложений, фактически, в рамках данных рекомендаций, ответственность за безопасность индивида от криминальных покушений перекладывается с государства и правоохранительных органов на самого индивида. Более того, отчасти она перелagается с преступника на потенциальную жертву, поскольку в случае совершения преступления недостаточно укрепленная дверь может рассматриваться как обстоятельство, которое спровоцировало потенциального преступника к совершению кражи.

Вторая, более поздняя по времени, группа рекомендаций предлагает надиндивидуальное (но отнюдь не коллективное) решение проблемы безопасности, а именно: создание зон криминологической без-

опасности. Недостатки данной концепции, апробированной западными странами еще в прошлом веке, успешно игнорируются нашими политиками. А они были определены достаточно давно.

Во-первых, единственным значимым результатом создания зон криминологической безопасности есть перекачивание преступности из одной территориальной зоны в другую. Таким образом, создание зон криминологической безопасности в некоторых районах естественным образом дополняется процессами геттеизации других районов, что не только усиливает дифференциацию общества, но и делает ее более наглядной и территориально-определенной. Следствием данных процессов является повышение социальной напряженности в обществе и усиление протестных настроений той части населения, которая отлучена от значительной доли общественных благ, в том числе и в виде обеспечения криминологической безопасности.

Во-вторых, представления о преступности в данной концепции сужены до сегмента «уличной преступности» (она же «обычная преступность» /Фокс/), что является своего рода криминологическим инфантилизмом и весьма напоминает попытку укрыться от землетрясения под детским одеялом. Для большей части экономических, экологических и должностных преступлений, представляющих на сегодняшний день наибольшую опасность и наносящих наибольший ущерб, границы контролируемой территории не являются препятствием. Особенность данных видов преступности состоит в том, что они имеют глобальный характер и глобальные последствия.

В-третьих, концепция зон криминологической безопасности рассматривает «криминальные проявления» как некую внешнюю угрозу по отношению к населению данных зон. Это справедливо только в части случаев. Даже в категории насильственных преступлений есть деликты, субъектами которых зачастую выступают вполне презентабельные особы (в частности, различные формы домашнего насилия, педофилия и др.) И здесь придется вернуться к различию между требованиями виктимологической и криминологической безопасности. Виктимологическая безопасность предполагает создание таких условий, при которых 1. человек максимально защищен от опасности стать жертвой преступления; 2. в случае, если преступление все-таки совершено – ему гарантирована профессиональная и адекватная помощь (медицинская, юридическая, психологическая и т.д.), а также восстановление нарушенных прав. Криминологическая безопасность, помимо вышеуказанного, должна дополнительно включать в себя 1. гарантии безопасности от того, чтобы быть самому вовлеченным в

криминальную деятельность и стать субъектом правового деликта; 2. если таковое все же случилось – создание условий для социальной реабилитации и возвращения в правовое поле (недопущение возможности рецидива). Такая задача не ставится, да и не может быть решена в рамках территориальных ограничений.

Таким образом, формирование зон криминологической безопасности не столько служит способом обеспечения социальной безопасности в обществе, сколько легитимизирует позицию своеобразного «социального эгоизма» и обеспечивает статусно-территориальное перераспределение виктимности. Внешне благополучная криминологическая обстановка отдельных районов достигается за счет повышения уровня криминальной и виктимной опасности районов неблагополучных.

Тем не менее, при всех недостатках современной криминологической теории безопасности, она значима уже тем, что связывает понятие нормы не с дальнейшим возрастанием преступности, а с обеспечением состояния безопасности от криминальных посягательств. Вслед за социологами криминологи обращаются к феномену безопасности как к базисному компоненту человеческой жизнедеятельности. Выявление сущностных оснований общетеоретического и теоретико-методологического фундамента корректной концепции криминологической безопасности составляет задачу, которую предстоит решать совместно криминологам и представителям общественных наук.

N.I. Goncharova

*the candidate of philosophy, docent, academic secretary
Odessa State University of Internal Affairs,
Odessa, Ukraine*

IRRATIONAL BASES OF MODERN THEORY OF CRIMINOLOGICAL SECURITY

The article examines the theoretical and applied aspects of the existing concept of Criminological security, also the substantial incompleteness of the concept and need for a new theoretical foundation of criminological theory of security are revealed.

М.И. Григорьева
ст.преподаватель кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Социальная работа – это профессиональная деятельность по оказанию помощи индивидам и группам людей, усилению или возрождению их способности к социальному функционированию и созданию благоприятных общественных условий для достижения этих целей. Как и любой другой вид деятельности, социальная работа предполагает оценку качества выполненных действий, будь то оказание помощи или предоставление услуг.

В связи с этим есть необходимость говорить об эффективности социальной работы. В целом, от социальной деятельности, которой, является социальная работа, как правило, ожидают два вида эффекта – социальный и экономический. Отсюда возможность определить социальную и экономическую эффективность социальной работы. Под социальной эффективностью понимают прогрессивные изменения в положении индивида или группы людей; изменения места, занимаемого в социальной структуре, обусловленные переходом из одного социального слоя в другой. Экономическая эффективность определяется при сопоставлении затрат всех видов ресурсов с достигнутым уровнем удовлетворения общественных (или индивидуальных) потребностей. Таким образом, эффективность социальной работы – это соотношение между достигнутыми результатами (эффектами) и затратами, связанными с обеспечением этих результатов, это соотношение фактически достигнутых и необходимых результатов (эффектов) социальной работы, это максимально возможное удовлетворение социальных потребностей населения при оптимальных затратах.

Из вышеперечисленного следует, что первой концептуальной проблемой становится проблема оценки данного соотношения, проблема выбора тех индикаторов, которые позволят специалистам и исследователям сделать вывод об оптимальности затрат. Кроме того, должны быть обоснованы и реально достижимы предполагаемые ре-

зультаты деятельности. Каким образом провести данные действия, избежав субъективизма в оценках?

На основе теоретических разработок практики социальной работы при оценке эффективности деятельности используют ряд критериев и показателей, на основе которых создаются методики оценки эффективности социальной работы. Показателями могут быть различные характеристики демографического, экономического, социально-культурного, духовного развития и образа жизни различных групп населения и общества в целом, а также фиксаторы определенных свойств или меры их выраженности. Поскольку показатели могут быть достаточно общими, используют индикаторы, то есть простые свойства, образующие социальные показатели, доступны наблюдению и измерению характеристики социальных объектов.

Эндрю С. Гроув в своей книге «Высокоэффективный менеджмент» приводит технологию оценки деятельности, которая может быть использована и в социальной работе. При этом он совершенно справедливо утверждает, что «если эффективность имеет какое-то значение для работы, то оценка этой эффективности абсолютно необходима». В основу данной технологии им выносятся два аспекта – сама оценка эффективности работы и способ подачи этой оценки.

В основе оценки эффективности работы – внутренние и выходные критерии. О выходных критериях идет речь тогда, когда конечный результат деятельности специалиста может и должен быть представлен в виде каких-либо внешних показателей – схем, таблиц, документов, качественных изменений объекта воздействия (клиента) и т.д. К сожалению, в российской практической социальной работе применяются, в основном, именно эти показатели: количество людей, получивших помощь, сокращение количества получателей различных благ и услуг и т.д. В связи с этим хотелось бы привести пример французских специалистов в области профессиональной интеграции лиц с инвалидностью (таких, как Национальное агентство по трудоустройству для инвалидов Handipass, г. Париж), которые считают, что количество трудоустроенных клиентов может не быть большим, важно то, что эти люди все-таки трудоустроены, что важен не результат, а процесс работы с клиентом.

Эндрю С. Гроув также придерживается данной позиции, кроме внешних показателей он говорит и о внутренних критериях, то есть о тех действиях, осуществляемых специалистами в ходе подготовки решения, услуги или документа.

Ещё один важный момент, предложенный Э. С. Гроувом, необходимо иметь в виду при оценке эффективности в социальной работе: необходимо выделить деятельность, ориентированную на длительный срок, то которой эффект можно ожидать спустя лишь какое-то время, и краткосрочную эффективность. При этом следует учитывать и тот долговременный эффект, который может давать какая-то деятельность в течение определенного периода времени, не путать его с эффективностью только что внедренных инноваций.

Обобщив вышесказанное можно сделать вывод о том, что имеющееся теоретическое обоснование оценки эффективности социальной работы недостаточно и может быть дополнено новыми методами и техниками. Возможно, возражение относительно того, что каждый вид деятельности, каждая услуга или технология может иметь специфические методы оценки. Все это так, но общее теоретико-методологическое обоснование оценки эффективности социальной работы должно быть выстроено в едином направлении, в соответствии с современными научными исследованиями и практическими разработками.

*Л.В. Данилова,
студентка философско-социологического факультета,
Л.З. Зарипова
ассистент кафедры психологии развития,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПРИ ВОСПРИЯТИИ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ РАЗЛИЧНЫМИ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

Актуальность темы исследования определяется необходимостью понимания механизмов воздействия музыки в связи с расширением пространства его действия и новых форм функционирования. Такие технические средства как радио и телевидение образуют особую форму общения человека, прежде всего с музыкой, которая оказывает на него огромное воздействие. В настоящее время эта проблема усложнилась и приобрела особый смысл, так как в современном обществе восприятие

музыки носит массовый и повсеместный характер, акцентируется его развлекательная сторона, поэтому невозможно, чтобы «потребление музыки каждый раз и в каждом отдельном случае соответствовало реальной потребности в ней».

Новизна исследования в данной работе заключается в том, что впервые изучаются особенности эмоциональных состояний при восприятии народной музыки в этническом аспекте.

Предметом исследования особенности эмоциональных состояний при восприятии народной музыки различными этническими группами.

Гипотеза исследования. Существуют различия в эмоциональных состояниях при восприятии народной музыки между представителями армянской и татарской этнических группах. При восприятии мажорной и минорной народной музыки у представителей армянской и татарской групп будут наблюдаться различия в эмоциональных состояниях. Различия в эмоциональных состояниях при восприятии русской народной музыки проявятся по-разному в армянской и татарской группах.

Теоретико-методологическую основу исследования составили теория Б.М. Теплова о качественных характеристиках музыкальности (1961), теория восприятия музыкальной интонации как смысловой основы музыки А.Н. Леонтьева (1975), оценочная деятельность при восприятии музыки Е.В. Назайкинского (1980), теория музыкальных переживаний Тороповой А.В. (2008).

Для регистрации данных использовались методики из арсенала психологии субъективной семантики: Методика «Самочувствие. Активность. Настроение (САН)»; методика «Визуально-ассоциативная самооценка эмоциональных состояний», цветовой тест Мироновой Л.Н.

Подробнее остановимся на описании методов исследования:

1. Методика САН - является разновидностью опросников состояний и настроений. Разработана В. А. Доскиным, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай и М. П. Мирошниковым в 1973 г. В данном исследовании был использован классический вариант методики. В ходе исследования каждому испытуемому перед непосредственным прослушиванием музыки и после прослушивания всех предложенных музыкальных фрагментов предлагалось ответить на вопросы методики САН, тем самым позволяя проанализировать динамику состояния самочувствия, активности, настроения респондента.

2. Методика разработана Н. П. Фетискиным и предназначена для экспресс-диагностики ряда эмоциональных состояний на основании

выбора эталонных масок, соответствующих, по мнению испытуемого, его состоянию в данный момент.

3. Цветовой тест Л.Н. Милонова. В данной работе цель этого метода заключалась в выборе цветowych карточек после прослушивания каждого музыкального фрагмента.

Таким образом, для изучения особенностей эмоциональных состояний при восприятии музыки был применен блок диагностических методик, доказавших свою валидность многолетним опытом применения в отечественной и зарубежной психологии. Все диагностические средства, используемые в данной работе, пригодны для обследования особенностей эмоциональных состояний у людей разных этнических групп.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе и систематизации существующих направлений теоретических и эмпирических исследований восприятия народной музыки. Выполнен анализ методов изучения особенностей эмоциональных состояний при восприятии народной музыки различными этническими группами.

Практическая значимость проведенного исследования особенностей эмоциональных состояний при восприятии народной музыки различными этническими группами напрямую связана с задачами более детального изучения особенностей эмоциональных состояний при восприятии народной музыки, что обосновывает междисциплинарный характер эмпирического исследования (связь музыкальной психологии и этнической психологии и т.д.).

С целью исследования особенностей эмоциональных состояний при восприятии народной музыки различными этническими группами было проведено собственное исследование, в котором приняли участие 40 респондентов в возрасте от 18 до 45 лет. Из них 20 мужчин и 20 женщин татарской и армянской национальности в юношеском возрасте и в возрасте ранней зрелости (по классификации Г. Крайг), проживающих на территории Пермского края. Возраст испытуемых – от 18 (60% выборки) до 45 (40% выборки) лет. Средний возраст испытуемых – 26 лет. Каждая группа рандомизирована по полу, возрасту и этнической принадлежности.

Исследование проводилось нами в апреле-мае 2012 года. В исследовании приняли участие 40 человек (20 женщин и 20 мужчин) армянской и татарской этнических групп.

В соответствии с требованиями к проведению психодиагностических исследований, исследование проводилось с каждым испытуемым индивидуально. Респондент предлагалось прослушать 3 музы-

кальных фрагмента. До и после данной процедуры испытуемому предлагалось заполнить методику САН, методику «Визуально-ассоциативная самооценка эмоциональных состояний» и выбрать цветовой индикатор эмоционального состояния в данный момент. Таким образом, обследование каждого человека занимало не более 30 минут, что соответствует стандартным временным ограничениям при проведении психологических обследований.

В результате исследования были получены следующие результаты.

Общее поле эмоциональных состояний при восприятии народной музыки у армян и татар характеризуется положительной оценкой, эмоциональной отзывчивостью. Группа армян характеризуется меньшей эмоциональной динамичностью, постоянством эмоциональных состояний в отличие от группы татар. Наблюдается тенденция «светлой грусти и спокойствия» при прослушивании как своей минорной мелодии, так и русской народной музыки. Группа испытуемых-татар характеризуется большей эмоциональной динамичностью, широким спектром эмоциональных состояний в ответ на собственную народную мажорную мелодию, в то же время в ответ на собственную минорную музыку группа реагирует отрицательно. С точки зрения этнической психологии этот факт свидетельствует о том, что армянскую народную музыку отличают благородной уравновешенностью, внешней фактурной сдержанностью при большой внутренней экспрессии её структуры (Тагмизян Н.К., 1987). В отличие от татар, где в старинных песнях и фольклорах выражается яркая эмоциональная жизнь народа (М.Н. Нигмедзянов, 1984).

Восприятие русской народной музыки в группе респондентов-армян состоит в том, что эмоциональные состояния безмятежности и спокойствия проявляются как в собственной минорной, так и в русской народной музыке. В группе татар наблюдается динамика эмоциональных состояний, от восторженности, радости до неудовлетворенности, скуки и спокойствия.

А.В. Дубовцев
студент философско-социологического факультета,
Л.З. Заринова
ассистент кафедры психологии развития,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МАКИАВЕЛЛИЗМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В наше время понятие «макиавеллизм» используется в различных гуманитарных науках и смежных с психологическим знанием сферах: образовании, бизнесе, экономике, праве, политике и т.д. Изучение склонности к макиавеллизму актуальная проблема в решении вопросов межличностного взаимодействия.

Каждый человек оказывается в ситуации личностного выбора и необходимости выработки своего отношения к социальным переменам, а также способов взаимодействия с другими людьми. Эти перемены способствуют большому росту внимания к проблемам манипуляции, использованию манипулятивных приемов и различных способов противодействия с другими людьми.

Макиавеллизм – черта, поведенческая установка, выражающаяся в использовании психологической манипуляции в качестве основного средства достижения своих целей, часто в ущерб интересам других субъектов (Знаков В.В., 2001, 2005).

Феномен макиавеллизма давно исследуется зарубежными психологами. В психологии понятие «макиавеллизм» стали применять американские психологи Р. Кристи и Ф. Гейз, разработавшие специальную «Шкалу макиавеллизма» (Акименко А.К., 2008). По мнению авторов, смысл понятия заключается в трех ключевых психологических составляющих (факторах): 1) Поведение. Использование манипулятивных техник в процессе межличностного взаимодействия. Макиавеллист манипулирует всегда осознанно с целью достижения выгоды для себя, применяя утонченные техники лести, обмана, подкупа, подлога. 2) Отношение. Циничное отношение к другим людям как к слабым и зависимым от социального давления. Макиавеллисты относятся

к другим людям с подозрением, эмоционально отчужденно, ориентируясь не на партнера, а на свою выгоду, которой они могут получить через него. То есть в процессе манипуляции партнер по взаимодействию выступает для макиавеллиста не более чем инструмент, благодаря которому можно достичь желаемого результата. Игнорирование социальной морали, когда она мешает достичь желаемого результата (Акименко А.К., 2008).

В современной России она обозначилась и актуализировалась сравнительно недавно, однако за последние годы произошло увеличение количества работ в данной области. Основоположником изучения проблемы макиавеллизма в отечественной психологии следует считать В.В. Знакова. По его мнению, макиавеллист – это «субъект, который манипулирует другими на основе кредо, определенных жизненных принципов, которые служат ему оправданием манипулятивного поведения» (Знаков, В.В., 2002).

Иногда макиавеллизм определяется как стратегия социального поведения, включающая манипуляцию другими в личных целях, зачастую противоречащую их собственным интересам. Макиавеллизм следует рассматривать как количественную характеристику. Каждый в разной степени способен к манипулятивному поведению, но некоторые люди к нему более склонны и способны, чем другие (Знаков В.В., 2001, 2002).

Макиавеллизм ученые рассматривали как психологический синдром, личностную черту, тип личности, стратегию поведения. Однако почти всегда авторы априорно выбирали одну из установок – поиск положительных или отрицательных особенностей макиавеллистов. При этом даже в рамках одного подхода эти установки определяли, в контексте каких психологических феноменов исследовался макиавеллизм и как в конечном итоге оценивалось это явление (Ларина А.Д., 2010).

Основные направления исследования макиавеллизма:

1. Макиавеллизм как качество, необходимое лидеру. Социально-психологический подход.
2. Макиавеллизм как критерий успешности психосоциальной адаптации. Клинико-психологический подход.
3. Макиавеллизм как эволюционно стабильная стратегия. Эволюционный подход.
4. Макиавеллизм как фактор имморализма. Социально-психологический подход.

5. Макиавеллизм как индивидуальная особенность, приводящая к личностным дисфункциям. Клинико-психологический подход.

Таким образом, существует несколько подходов к пониманию обсуждаемого феномена. В одних работах макиавеллизм рассматривается как положительное явление, необходимое для успешного функционирования, а в других – как негативное, приводящее к личностным и социальным дисфункциям. Однако эти позиции могут быть объединены в трактовке макиавеллизма как механизма психологической защиты (Ларина А.Д., 2010).

Главными психологическими составляющими макиавеллизма как свойства личности являются: 1) убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) навыки, конкретные умения манипуляции.

Макиавеллизм как личностная характеристика в целом отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей. Высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с экстернальностью, подозрительностью, враждебностью. Такие субъекты более эффективно обманывают других, в межличностном общении чаще используют лесть и в целом успешнее влияют на людей (Давыдов В. В., 2011). Вместе с тем, в отличие от людей с низкими показателями по шкале макиавеллизма, люди с высокими значениями оценок по Мак-шкале более коммуникабельны и убедительны, независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут. Они более честны и точны в восприятии и понимании себя и других; в социальных взаимодействиях они более целеустремлены, конкурентоспособны и направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами (Беденко С.В. 2005). В литературе также хорошо описывается положительная корреляция макиавеллизма с внешним локусом-контроля, с психотизмом и экстраверсией, и отрицательная со шкалой лжи по Айзенку. На уровень макиавеллизма отрицательно влияет степень импульсивности.

Исследования, посвященные связям макиавеллизма со свойствами личности, надежно установили связь макиавеллизма с доброжелательностью (склонностью к согласию). Чем выше макиавеллизм, тем ниже доброжелательность. В ряде работ показатели разных шкал макиавеллизма отрицательно коррелируют с сознательностью, контролем импульсивности. Аналоги этого фактора – доверие, честность,

ценности, как правило, не обнаруживают связи с макиавеллизмом (Доценко Е.Л., 2007).

При оценке и прогнозировании поведения считается целесообразным рассматривать макиавеллизм вместе с двумя психологическими чертами – нарциссизмом и психопатией, понимаемыми как субклинические черты. Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия образуют синдром, названный «Темной триадой». Структура личности, определяемая «темной триадой», характеризуется ориентацией на социальную доминантность со всеми сопутствующими ей особенностями, например межгрупповой враждебностью. Триада обнаруживает связи с асоциальным поведением и склонностью к насилию. Однако в норме сочетание трех черт может определять адаптивное и успешное взаимодействие (Грачев Г.В., 2009). Показано, что при значительной выраженности одной из черт триады наблюдаются высокие значения и двух других. Тем не менее, структуры их связей различаются, что свидетельствует о том, что эти конструкты не совпадают, а лишь пересекаются. При этом полного согласия относительно структур связей черт «Темной триады» в результатах разных исследований нет (Берн Ш., 2001).

Получена отрицательная связь макиавеллизма с эмоциональным интеллектом, как и с другими характеристиками, связанными с определением невербальных и, особенно, эмоциональных составляющих социального взаимодействия (Аверченко Л.К., 2009).

Часто в результатах исследования макиавеллизма видны противоречия. Они могут быть связаны с тем, что взаимосвязи макиавеллизма с разными частными психологическими признаками меняются в зависимости от выраженности других психологических черт. Так, при высоком макиавеллизме в зависимости от эмоционального интеллекта и тревожности может меняться успешность распознавания эмоций. Связь удовлетворенности работой и макиавеллизма опосредуется интернальностью–экстернальностью, а также мотивационными характеристиками и позитивной и негативной эмоциональностью (Вихман А.А., 2009).

Интересно, что макиавеллистские убеждения и навыки могут не совпадать и реализоваться в поведении «автономно». Как показано в исследованиях, посвященных развитию макиавеллизма личности в онтогенезе, одни дети перенимают от родителей систему убеждений, которая не прямо, а косвенно влияет на их поведение. Другие - непосредственно копируют у родителей успешные способы манипулиро-

вания людьми, но не перенимают у них макиавеллистские убеждения (Билоконь И.В., 2005).

По мере изучения макиавеллизма в психологическом портрете макиавеллиста появлялись новые штрихи – в частности, доминантность, агрессивность и асоциальность (Знаков В.В., 2009).

Одно из направлений исследований, раскрывавших предположение о склонности макиавеллистов игнорировать этические нормы, связано с изучением связи макиавеллизма и лживости. Исследования Ф. Гейз и Т. Мун, проведенные в 1981 г., работа В. В. Знакова 1999 г. и диссертационное исследование А. К. Акименко 2008 г. показывают, что макиавеллисты более склонны лгать, чем немакиавеллисты. При этом было обнаружено, что макиавеллисты вызывают доверие, а их ложь обычно выглядит правдоподобной (Знаков В.В., 2009). Исследования поведения макиавеллистов в деловой сфере, демонстрируют, что макиавеллисты ведут себя в соответствии с корпоративными ценностями, только если в организации существует этический кодекс, а та же макиавеллизм положительно связан с коррупцией (Знаков В.В., 2010).

В этой связи, к перспективам данной проблемы стоит отнести исследование связи феномена макиавеллизма и уверенности в себе. Для этого мною будут использованы методика исследования макиавеллизма личности по В.В. Знакову и тест уверенности в себе В.Г. Ромека. К гипотезам исследования мы отнесли положение о положительной корреляции макиавеллизма с такими чертами личности, как уверенность в себе, социальная смелость и инициатива в социальных контактах.

З.П. Замараева
*доктор социологических наук, профессор,
зав. кафедрой социальной работы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ

Устойчивое развитие общества, его способность надёжно гарантировать высокую социальную защищённость населения страны являются фундаментальным критерием оценки многих научных доктрин и общественной практики. Данные обстоятельства актуализируют необходимость изучения специфики существующих норм и основных правовых механизмов формирования современной системы социальной защиты населения.

Актуальность проблемы, обусловленная противоречиями в нормативно-правовом обеспечении деятельности современной системы социальной защиты населения, обусловили выбор темы, определили цель выступления.

Как известно, социальная защита затрагивает сферу жизненно важных интересов населения. Ее качественные и количественные характеристики свидетельствуют об уровне социального, экономического, правового развития общества и государства. Право на социальную защиту – признанная международным сообществом и гарантированная государством возможность человека удовлетворять свои физиологические, социальные и духовные потребности в объеме, необходимом для поддержания достойной жизни.

В отечественной научной литературе термин "социальная защита" относительно новый. Его появление обусловлено изменениями, происшедшими в общественном устройстве страны в 90-х гг.

В условиях трансформации системы общественных отношений происходило активное формирование разных аспектов жизнедеятельности населения и, в первую очередь, социального законодательства по вопросам социальной защиты.

Совокупность норм, определяющая эту деятельность, впервые была обозначена Постановлением Совета министров РСФСР «О пер-

воочередных мерах по созданию государственной системы социальной помощи семье» (1991 г.).

В последующем стратегия реформирования системы социальной защиты, отразившая позиции целого ряда политических деятелей, общественных организаций и формирований, нашла свое выражение в Конституции и законодательстве Российской Федерации.

Данные документы продекларировали переход от принципов всеобщего социального обеспечения к *европейской системе социальной защиты*, определив ее как государственную сферу, включающую в себя органы власти различных уровней, обеспечивающих государственную поддержку различным категориям людей, а также предприятий и учреждений. Решение определяемых Конституцией и Законами Российской Федерации задач осуществляется, с одной стороны, через реализацию конституционных прав и социальных гарантий в сфере жизнеобеспечения населения, с другой – через создание условий для развития собственных ресурсных возможностей человека, направленных на самообеспечение.

Уже к середине 90-х годов были заложены основы законодательного регулирования социально-экономического положения отдельных объектов социальной защиты (пенсионеры, беженцы, инвалиды, пожилые граждане, вынужденные переселенцы и др.). В первую очередь, эти законодательные акты устанавливали основы нормативно-правового регулирования в области социального обслуживания населения, а также осуществления государственной системы социальных гарантий.

Значительным событием в развитии данного процесса стала разработка и реализация национальной программы социальных реформ в Российской Федерации на 1996-2000 годы. Ее принятие внесло кардинальные изменения в существующую систему социальной защиты. Она предусматривала совершенствование государственных социальных гарантий, поддержку благосостояния семей с детьми, развитие новых социальных технологий, формирование сети специальных учреждений социального обслуживания, увеличение объема и расширение перечня оказываемых социальных услуг. Одновременно с этим осуществлялось формирование новых элементов социальной инфраструктуры, учреждений социального обслуживания граждан. При этом реорганизация концептуальных основ социальной защиты проводилась с учетом приоритета предоставления каждому конкретному человеку установленных государством социальных норм и гарантий его жизнеобеспечения.

Для ее реализации была создана необходимая нормативная база. Приняты федеральные законы «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и «О государственной социальной помощи». Эти законы заложили основу для правоприменения прожиточного минимума при осуществлении мер социальной защиты населения, что обусловило вступление в силу целого ряда норм, реализация которых непосредственно связана с осуществлением социальной защиты населения. Актуальными были данные законы и для субъектов РФ, поскольку почти каждый регион страны относительно обособленно разрабатывал социальные стандарты, систему важнейших социальных индикаторов жизнедеятельности населения, используя при этом разные методики определения качества жизни, минимального прожиточного бюджета и т. п.

Это обстоятельство обусловило разработку своей нормативной базы по вопросам социальной защиты населения на региональном уровне, способствующей упорядочению процесса в данной области.

К сожалению, в условиях социальной дезадаптации общества и сужения возможностей самообеспечения активных социальных субъектов в региональном законодательстве значительную долю составили нормы, направленные на социальную защиту малообеспеченных слоев населения (пенсионеры, инвалиды, семьи с детьми). Нормативные документы были построены по единому образцу, они фиксировали право жителей регионов на получение разовой или постоянной помощи в случае, если совокупный душевой доход семьи, ниже установленного на территории прожиточного минимума. Отмечалось, что получателями помощи являются лица, ставшие малообеспеченными по независящим от них обстоятельствам. В ряде законов ограничен круг получателей помощи.

Несмотря на очевидные достоинства нового социального законодательства, оно не отвечало современным требованиям развитого общества. Во многом только что принятые законы носили декларативный отсылочный характер к тем нормативным актам, которые еще не приняты и, как следствие, не имели прямого действия. В конечном итоге такая практика снижала уровень социальной защищенности граждан и эффективность процесса становления отрасли.

Появилась потребность в новом механизме государственного правового регулирования в социальной сфере, который позволил бы обеспечить баланс между федеральным и региональным законодательством. При этом предстояло активнее задействовать все уровни социальной защиты населения (федеральный, региональный, мест-

ный), определить по каждому из них задачи, полномочия, механизмы реализации, источники финансирования.

Упорядочению данного процесса способствовало внесение изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 года №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В результате социальная защита населения выведена из сферы компетенции органов местного самоуправления, основная социальная нагрузка и ответственность возложена на властные региональные структуры.

Кроме того, принятые в 2005 году Федеральные законы № 122 и № 141 внесли кардинальные изменения в социальное законодательство России. Были заменены такие, уже ставшие привычными для россиян понятия «права», «льготы», новым определением «монетизация льгот». В соответствии с документами льготные категории населения с января 2005 года вместо натуральных льгот стали получать по желанию денежную компенсацию, так называемый социальный пакет, включающий 450 руб. на лекарственное обеспечение, санаторно-курортное лечение, стоимость проезда в пригородных электропоездах.

Развивая и конкретизируя положения Конституции в области социальной защиты, социальное законодательство пока не смогло в равной степени полноценно решить этот вопрос. Одним из существенных противоречий социального законодательства является и тот факт, что большинство федеральных законов не обеспечено реальным финансированием.

Наиболее острой проблемой серьезно влияющей на процесс формирования и развития новой системы, стали противоречия нормативного характера.

Во-первых, проблема разграничения полномочий в области социальной защиты. В законах зачастую использовалось обобщенное понятие «органы государственной власти» без выделения федерального и субфедерального уровня. Отсутствовала регламентация оказания видов социальной защиты населению, не было указания на компетенцию каждого уровня управления в организации социальной защиты, равно как и в части объема социальных услуг и социальной помощи, качества социального обслуживания, что, безусловно, сказывалось на реализации социальных гарантий гражданам России.

Во-вторых, требовали отдельного согласования многие направления совместной деятельности в сфере социальной защиты, которые

были отнесены к предметам совместного ведения между федеральным центром и регионами, до момента изменения законов.

Одним словом, предполагались серьезные преобразования на федеральном и региональном уровнях существующих законов и нормативных актов по социальной защите населения для приведения в соответствие социального законодательства. В сложившейся правовой ситуации не исключены были «конфликты», когда старые нормы вступят в противоречие с новым законодательством.

Возникла реальная необходимость уточнения правового поля и границ компетенции в условиях разграничения полномочий формирующейся системы социальной защиты.

Следует вывод о том, что в современном российском обществе сложилась тенденция, свидетельствующая о бессистемном и противоречивом нормативно-правовом обеспечении формирующейся системы социальной защиты населения, не соответствующая уровню развития российской и международной нормативной практики. Противоречия нормативно-правового характера обусловили необходимость периодического обновления и уточнения правового механизма по мере изменения социально-экономической ситуации в стране.

По Пермскому краю.

В настоящее время функционирование системы социальной защиты и социального развития осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством.

На федеральном уровне в сфере социальной политики принято и осуществляется реализация 37 законов, указов Президента РФ, постановлений правительства РФ; 37 региональных законов, указов Губернатора Пермского края, постановлений и распоряжений правительства Пермского края, приказов министерства социального развития Пермского края.

По данным Министерства социального развития в Пермском крае предоставляется 52 меры социальной поддержки населения, из них 34 меры на региональном уровне, в отношении 33 категорий населения. Численность граждан, пользующихся различными мерами социальной помощи и поддержки, составляет более 959,8 тыс. чел.: из них получателей компенсаций и выплат из федерального бюджета более 210,6 тыс. чел., из регионального - более 749,3 тыс. чел.

По сравнению с 2008 годом численность получателей мер социальной помощи и поддержки в 2011 году увеличилась на 6,3%. (Численность льготополучателей в 2008 году – 902,6 тыс. чел., в 2009 году – 914,3 тыс. чел., в 2010 году – 914,3 тыс. чел.).

В 2008 году 902,6 тыс. чел. являлись получателями различных мер социальной помощи и поддержки, в том числе на региональном уровне – 660,7 тыс. чел., на федеральном уровне – 241,9 тыс. чел.

В 2009 году 914,3 тыс. чел. являлись получателями различных мер социальной помощи и поддержки, в том числе на региональном уровне – 676,4 тыс. чел., на федеральном уровне – 210,6 тыс. чел.

В 2010 году число получателей различных социальных выплат составило 944,9 тыс. чел., из них на региональном уровне – 734,4 тыс. чел., на федеральном уровне более 210,6 тыс. чел.

Увеличение числа получателей объясняется тем, что с 1 января 2010 года в Пермском крае введены меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, которые предоставляются в форме ежемесячной денежной компенсации и дополнительной ежемесячной денежной компенсации. Кроме того, в 2011-2012 годах введены дополнительные меры социальной поддержки семьям, имеющим детей.

Также с 2012 года приняты дополнительные меры социальной поддержки в соответствии с Законом Пермского края от 12 сентября 2011 г. № 806-ПК «О мерах социальной поддержки детей защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны».

На предоставление мер социальной помощи и поддержки в 2012 выделяется более 13 млрд. руб., в том числе: около 9,4 млрд. руб. это средства регионального бюджета, около 3 млрд. руб. средства федерального бюджета, в 2009 году расходы регионального бюджета на указанные меры составляли 6,9 млрд. руб., в 2010 году – 9,2 млрд. руб., в 2011 году – 9,5 млрд. руб.

В настоящее время сложилась недостаточно эффективная система мер государственной социальной помощи в виде различных пособий, выплат, предоставляемых на основании федеральных и региональных законов и социальных программ. В большинстве своем получателями являются малообеспеченные граждане и семьи, в том числе трудоспособные, у которых среднедушевой доход ниже уровня прожиточного минимума. Уровень мотивации на самообеспечение, у данной категории населения также низкий, что вызывает социальное иждивенчество, снижает стремление к самостоятельному развитию. В связи с этим необходим пересмотр традиционных подходов к оказанию социальной помощи малообеспеченным гражданам на региональном уровне, увеличение охвата участников технологии «Самообеспечение» и внедрение иных мер социальной помощи на основе

социального контракта. Эксперты предлагают увеличить размер социальной помощи, предоставляемой по технологии «Самообеспечение».

О.П.Ильиных,
*к.ф.н., доцент кафедры социальной работы,
проректор по внеучебной работе,
Л.Е.Граматчикова*
*ст.преподаватель кафедры социальной работы,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

**УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ
НЕМЕДИЦИНСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ
И ПСИХОТРОПНЫХ СРЕДСТВ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО
ПОВЕДЕНИЯ ЗА СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ
(ИЗ ОПЫТА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
В ВУЗАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ)**

Специалисты сферы высшего профессионального образования в своей деятельности по профилактике немедицинского употребления наркотических средств и психотропных средств руководствуются государственными документами, определяющими государственную политику в этой сфере и направления ее реализации. Стратегия государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года «проблему распространения немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации рассматривает как угрозу, направленную на все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, и которая требует системного подхода в ее решении»¹.

Перед образованием поставлена стратегическая задача по созданию государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотических и психотропных веществ с приоритетом мероприятий первичной профилактики. Целью такой деятельности

© Ильиных О.П., Граматчикова Л.Е., 2012

должна стать реализация мероприятий, направленных на антинаркотическую пропаганду и рекламу; организация профилактической работы в организованных (трудовых и учебных) коллективах; укрепление здоровья, создание условий для формирования мотивации к ведению здорового образа жизни; организация сети кабинетов мотивационного консультирования, которые способствуют раннему выявлению предрасположенности к потреблению наркотиков.

Развивающаяся экономика Прикамья, обуславливает интерес граждан из республик Среднеазиатского региона и Ближневосточных, Центральноафриканских стран, а также стран Юго-Восточной Азии к получению высшего профессионального образования в пермских вузах. Студенты из этих стран в силу традиционных устоев в повседневной жизни могут употреблять курительные смеси, что создает потенциальную угрозу немедицинского потребления психоактивных веществ в студенческой среде вуза.

Однако, по мнению руководителей и преподавателей вузов, в Пермском крае существует проблема в предоставлении информации в отношении студентов, совершивших административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, так как в оперативно-справочных учетах ИЦ ГУ МВД, не производится разбивка по данной градации. Поэтому, представляется целесообразным, с целью исключения возможности студентам, как иностранным гражданам, так и гражданам РФ, вести антиобщественный образ жизни, употреблять наркотические вещества, и для своевременного принятия мер по предупреждению вовлечения в данную категорию новых студентов, организовать в органах здравоохранения учет студентов, выявленных в состоянии наркотического опьянения, а также находящихся на лечении в наркологических учреждениях, с последующим информированием руководства ВУЗа, в котором обучается студент.

В обобщенном виде формы работы вузов Пермского края по профилактике немедицинского употребления наркотических средств и психотропных средств представлены следующими направлениями:

1. Учебная и научная деятельность по профилактике немедицинского употребления наркотических и психотропных средств в вузах Пермского края. Учебная и научная деятельность предусматривает использование педагогических технологий, имеющих воспитательный потенциал с учетом индивидуально-личностного опыта и интересов студентов. Так, в Пермской государственной медицинской академии преподаватели и студенты приняли участие во втором Всероссийском интернет-уроке «Имею право знать», проведенном УФСКН

по Пермскому краю, и во II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной вопросам организации Всероссийского антинаркотического волонтерского движения молодежи.

Вопросы профилактики наркомании включены в учебный процесс практически всех вузов региона. Ведущие позиции по профилактике наркомании среди молодежи занимает медицинская академия. При участии руководства академии, ученых составляются региональная и городская целевая Комплексная программа профилактики алкоголизма, наркомании и токсикомании. Академия ежегодно проводит межвузовскую студенческую научно-практическую конференцию «Молодежь против СПИДа и наркотиков» при активном участии кафедры эпидемиологии под руководством профессора И.Фельдблюм. Тематика выступлений затрагивает самые различные направления – медицинское, социальное, экономическое, правовое.

Научные разработки в области противодействия незаконному обороту наркотиков в течение многих лет ведутся и в Пермском государственном педагогическом университете профессором, доктором юридических наук, членом российской криминологической ассоциации, членом РАЮН, профессором кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права В.И.Омиговым. Он ежегодно осуществляет руководство научно-исследовательской работой студентов отделения «Педагогическая юриспруденция» по выполнению ими курсовых работ: так в 2012 году защищены следующие темы: «Незаконный оборот наркотиков», «Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков», «Современные проблемы борьбы уголовно-правовыми средствами с незаконным оборотом наркотиков», «Проблемы реформирования органов ФСКН». Преподавателями кафедры осуществляется методическое руководство социально-правовым студенческим проектом «Without drugs» (Без наркотиков).

В ПГНИУ кафедра социальной работы юридического факультета ежегодно проводит международную научно-практическую конференцию «Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности».

В свете компетентностного подхода подготовки бакалавров в содержание ООП по направлению 050100.62 – Педагогическое образование (профиль «Право») включены профильные дисциплины «Криминология», «Профилактика преступлений и правонарушений несовершеннолетних». Дисциплины направлены на формирование специальных компетенций (СК-3 «готов осуществлять юридическое

консультирование по вопросам образования, систем образования, профилактики правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав»; СК-5 «способен осуществлять культурно-просветительскую деятельность по предупреждению антиобщественных действий и преступлений несовершеннолетних, мероприятия по профилактике социально-опасного положения несовершеннолетних и их защиты»). Практическая составляющая этих компетенций реализуется во время прохождения учебной практики студентами ПГПУ в УФСКН по Пермскому краю и других правоохранительных органах.

В Пермском государственном институте искусства и культуры студенты защитили такие выпускные квалификационные работы как «Индивидуально-личностные особенности людей, страдающих наркотической зависимостью», «Особенности механизмов психологической защиты наркопотребителей», «Исследование копинг-поведения у людей с наркотической зависимостью», «Личностные особенности наркозависимых и их оптимизация в социуме», «Акцентуация характера наркозависимых».

Для курсантов Пермского института ФСИН России ведется преподавание дисциплин, в рабочих программах которых, выделены блоки по профилактике злоупотребления психоактивных веществ, по воспитанию здорового образа жизни.

2. *Консультирование и добровольчество как средство профилактики немедицинского употребления наркотических и психотропных средств.* Профилактика социально-негативных явлений в студенческой среде – одно из важнейших направлений в системе внеучебной работы современного вуза. Такая деятельность осуществляется социально-психологической службой вуза и ее главным назначением является психологическая поддержка через оказание индивидуальной и групповой психологической помощи. Работа социально-психологической службы способствует созданию в вузе благоприятного социально-психологического климата и содействует снижению возможного проявления асоциального поведения среди студентов.

По инициативе Совета ректоров вузов Пермского края в 2011 году был проведен опрос в региональных вузах. Полученные данные показывают, что, в вузах Пермского края действуют социально-психологические службы, консультации, клиники, однако количество профессиональных психологов, оказывающих помощь студентам в них, составляла всего 35 человек на примерно 32 тысячи обучающихся (выборка по 12 вузам). Конечно, такое количество специалистов не удовлетворяет спрос студентов на психологическую поддержку.

Вместе с тем, на наш взгляд, результат по оказанию социально-психологической поддержки достаточно объемен. Так, например, Юридическая клиника при юридическом факультете является самостоятельным структурным подразделением в составе ПГНИУ, созданным для обучения студентов практическим навыкам будущей профессии и оказания правовой помощи социально незащищенным слоям населения. Одним из направлений деятельности этой клиники является участие в решении социальных проблем Пермского края за счет расширения сферы оказания бесплатной юридической помощи социально незащищенным слоям населения и, что очень важно для нашего исследования, обеспечивает консультирование по вопросам: уголовного и уголовного процессуального права, административного права.

При РИНО ПГНИУ действует Центр психологического образования, который в частности проводит курсы «Методы ведения индивидуального психологического консультирования».

Еще один помощник в профилактической и консультационной работе ПГНИУ - Университетский Волонтерский центр. Цель волонтерского центра: пропаганда идей волонтерского труда на благо общества и привлечение студентов, преподавателей и сотрудников Университета к решению социально-значимых проблем общества, в том числе и проблем студенчества. Направления деятельности центра-это: педагогическое сопровождение (поддержка детей и подростков); просветительская работа по различным направлениям; оказание психологической помощи; оказание социально-правовой помощи; оказание юридической помощи; телефонное консультирование; организация и проведение различного направления и формата мероприятий, направленных на решение социально-значимых проблем (интеллектуальные, спортивные, творческие мероприятия с различными категориями граждан, а также организация досуга детей и молодежи) и др.

В 2012 года Волонтерский центр ПГНИУ и студенты кафедры социальной работы юридического факультета провели совместно с Главным управлением МВД России по Пермскому краю и Министерством социального развития Пермского края профильную смену «Путь героя» в ДОЛ «Огонек- ПМ». Участниками смены стали подростки, состоящие на учете в органах ПДН и находящиеся в социально опасном положении. Основной тематикой смены была профилактика асоциальных проявлений детей и молодежи. Программа смены включала тематические (в т.ч. интерактивные) занятия: знакомство с деятельностью специальных подразделений ГУ МВД России по Перм-

скому краю, спортивные состязания, психологические тренинги, медиатренинги, юридическую консультацию.

Большая работа по консультированию и добровольчеству проводится в педагогическом университете. Студенты ПНИПУ проводят выездные мероприятия по программе «Школа лидера» с различной тематической направленностью, в том числе проведение выездной тематической «Школы здоровья».

3. Физкультура. Спорт. Здоровье. В общей системе формирования личности занятия физкультурой и спортом являются действенными факторами не только физического, но и психического состояния молодежи. Занятия физкультурой и спортом – это и условия и мотивация к здоровому образу жизни: отношение молодежи к здоровью как к ценности, определяющей ее образ жизни. Например, ежегодная Комплексная спартакиада ПГНИУ – это сохранение и приумножение спортивных достижений студентов факультетов, мобилизация волевых качеств и умения верно расставить жизненные приоритеты.

Спорт и участие в спортивно-массовых мероприятиях дает возможность студентам не только реализовать свой потенциал, заполнить «свободное время», но и становится серьезным барьером для вовлечения их в асоциальную среду и приобщения к наркотикам.

Поэтому во всех вузах Пермского края занятия физкультурой и спортом рассматриваются как приоритетные, а физическая культура выступает как составная часть общей и профессиональной культуры студента. Количество и виды таких мероприятий невозможно описать в одной статье, этому можно посвятить целые монографии. Но для примера можно перечислить хотя бы ежегодные традиционные и инновационные спортивные события в жизни вузов.

В ПГНИУ – это получение официального статуса «ВУЗ Универсиады» и активное участие во всех спортивно-массовых мероприятиях по подготовке к «Универсиаде 2013». В ПНИПУ ежегодно проводится более 180 спортивно-массовых мероприятий и реализуется авторская инновационная программа включения студентов в физкультурную жизнь вуза «Ни дня без спорта!». Пермский институт ФСИН России проводит показательные выступления профессиональных кинологов с собаками по обнаружению наркотических веществ. Студенты вузов Пермского края принимают участие в международных, российских, региональных, городских соревнованиях, межвузовских эстафетах, а также занимаются в спортивных секциях, группах здоровья, тренажерных залах.

Участие студентов в спортивной жизни дает молодежи возможность приобретать позитивную созидательную энергию, с помощью которой она может управлять своей жизнью, а это значит, что любое заболевание, стрессовое состояние будет находится под контролем.

4. Информационная составляющая профилактической деятельности в вузе. Вовлечение студенчества в активные действия по созданию информационного пространства по профилактике немедицинского употребления наркотических средств и психотропных средств как фактор во многих вузах Пермского края проходит через их участие в работе в молодежных и социальных сайтах, в видеоклубах, дискуссионных клубах, редакциях радио и газет. Создавая, например, социальные видеоролики против употребления наркотиков, студенты не только формируют способность усваивать культурные ценности, но и учатся сопереживать. Формируется чувство ответственности и долга, ориентации на здоровый образ жизни.

В ПГНИУ уже давно работает студенческий медиацентр «Радио ПГУ». Систематически, через радиоэфир университета транслируются циклы передач на антинаркотическую тему, составленные самими студентами. Это: «Истинные ценности», «ЗОЖ – это модно!», проходят информационные сообщения об уголовной ответственности за незаконное приобретение, хранение, перевозку и распространение наркотических веществ. Медиацентр ПГНИУ выпустил серию видеороликов «Наркотики не нужны!», «Скажи себе – хватит!». В 2011 году «Радио ПГУ» заняло первое место в номинации «Цикл радиопередач антинаркотической направленности» на городском конкурсе среди журналистов и СМИ на лучший материал антинаркотической направленности.

В ПНИПУ ежегодно проводится конкурс социальной рекламы и творческих работ среди студентов под названием «Я это вижу», который разработали сами студенты. Конкурс проходит по трем номинациям: «Счастье есть», «Пусть всегда будет чисто», «Я не такой», «Я такой». Форма рекламы самая разнообразная: видеоролики, коллажи, плакаты, фотографии. Другой ежегодный конкурс – конкурс видеороликов на социально значимые темы (курение, алкоголь, наркомания, ВИЧ-инфекция, СПИД и др.). Значимой по вовлеченности студентов и масштабы охвата в ПНИПУ является ежегодная акция «Мы – за жизнь без наркотиков», где ребята-волонтеры раздавали ленточки с символикой ПНИПУ и слоганом «Я – за жизнь без наркотиков». В результате каждый второй студент ПНИПУ носил (носит) ленточку, своим примером показывая, что он за здоровый образ жизни, где нет

места наркотикам.

Волонтерские группы студентов ПГМА проводят антинаркотические акции в других вузах, где показывают видеоролики и презентации: «Эпидемическая обстановка по ВИЧ- инфицированным в Пермском крае на современном этапе», «Риск заражения детей от ВИЧ – инфицированных родителей «Наркозависимость», «Наркомания в Пермском крае», «Диагностика наркозависимости», «Половое воспитание» и др.

ПГИИК традиционным сделал концерт для студентов всех вузов Прикамья «Музыка против наркотиков».

Таким образом, формирование ответственного поведения молодежи – одна из важных задач внеучебной работы любого вуза в Пермском крае. Студенческая среда представляет собой сложное соединение моделей поведения, которые проявляются как реакция на весь комплекс реальных событий, происходящих в жизни молодых людей. Многообразие жизненных обстоятельств, окружающих студента, и необходимость активного решения вопросов профилактики наркомании и других видов зависимостей среди молодежи и есть формирование безопасной среды.

О.Н. Калинкина

*соискатель кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ МЕЖСЕКТОРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

За прошедшее десятилетие в Пермском крае произошли существенные изменения, связанные с оформлением трех самостоятельных секторов. Заложена правовая база, регулирующая не только статус и условия их деятельности, но и принципы взаимодействия между ними. В подавляющем большинстве современные общественные организации Пермского края в своей работе выбирают не методы протеста, а ищут конструктивные пути налаживания партнерских отношений с властью и бизнесом в решении социальных проблем. Одним из основных принципов межсекторного взаимодействия в Пермском крае вы-

ступает принцип множественности технологий, который подразумевает использование набора социальных технологий, что позволяет сделать взаимодействие секторов эффективным и полезным.

В группу конкурсных механизмов входят социальный заказ, гранты, конкурсы социальных проектов, тендеры, конкурсы авторских вариативных программ краевого и муниципального уровня и др. В рамках использования конкурсных механизмов в Пермском крае проводятся: краевой конкурс гражданских и общественных инициатив, который впервые был проведён в 2001 году, а с 2007 года он получил статус ежегодного; краевой конкурс социальных проектов «Все начинается с семьи»; с 1991 года в Перми проводится конкурс социально-значимых проектов «Город – это мы». Метод проектов позволяет более эффективно распределять финансовые и иные ресурсы, планировать осуществление мероприятий в ходе реализации проекта, контролировать целевое расходование государственных финансовых средств, обеспечивает прозрачность денежных потоков. Привлечение общественных организаций к реализации социальных проектов за счет грантов позволяет активизировать гражданскую инициативу населения, улучшить имидж региона в целом, дает дополнительный импульс социально-экономическому развитию региона, в том числе через создание новых рабочих мест.

Социально-технологические механизмы, используемые в практике межсекторного взаимодействия Пермского края, базируются на социальной технологии, созданной общественным сектором. К ним относятся разнообразные действия по защите окружающей среды, социальные исследования, специальные модели социализации и многое другое. Примером использования общественным сектором социально-технологического механизма служат:

- деятельность Пермской общественной благотворительной организации «Хоспис» по оказанию медико-социально-психологической поддержки онкологических больных и их близких, а также по развитию и обучению паллиативной помощи;

- организация общественной экологической экспертизы Пермским отделением Русского географического общества в 2002 году проекта генерального плана г. Перми, разработанного фирмой «Энко» (г. С.-Петербург), который вызвал острые дискуссии специалистов вокруг различных спорных экологических, социально-географических, транспортных и прочих аспектов. В заключение общественной экологической экспертизы были сформулированы претензии к проекту, которые не нашли отражения в заключении государ-

ственной экологической экспертизы Комитета природных ресурсов по Пермской области;

- проекты Пермского регионального отделения Международной Лиги защиты культуры по социальной работе с детьми и молодежью;

- благотворительная программа «От сердца к сердцу» для детей Пермского краевого детского онкодиспансера с использованием целевых возможностей арттерапии в реабилитации больных детей;

- ежегодный детский конкурс социальных, культурных научно-исследовательских проектов «Молодежная творческая мастерская», способствующий развитию социальной активности и инициативы детей, раскрытию их творческого потенциала, вовлекающий молодежь в общественно-значимую коллективную деятельность.

Используя *организационно-структурные механизмы* межсекторного социального партнерства, общественные организации Пермского края совместно с властными структурами и бизнесом создают объединения, которым передаются задачи по решению социальных проблем. В Перми создан Центр социального партнерства на базе Пермского государственного университета. Его организаторами и участниками являются: областной совет профсоюзов, некоммерческое партнерство «Сотрудничество», представители администрации края и Пермского государственного университета. Центр призван выполнять информационное и аналитическое обеспечение сторон социального партнерства, проводить социологические и мониторинговые исследования.

Процедурные механизмы межсекторного взаимодействия, применяемые в Пермском крае, включают правила сотрудничества секторов при решении определенного класса задач. Данные механизмы чаще всего воплощаются в качестве договоров. Примером применения процедурных механизмов в межсекторном взаимодействии служат разные комитеты, круглые столы, координационные и общественные советы, Общественная палата, Молодежный парламент и т.п. В последнее время возрастает интерес к такому виду процедурного механизма межсекторного взаимодействия как общественные советы. Данный механизм существенно отличается от всех прочих консультативно-совещательных советов, создаваемых при органах власти. Во-первых, по составу и порядку формирования, - в состав общественного совета входят представители независимых общественных структур, а не просто эксперты или специалисты в какой-либо области. Во-вторых, цель функционирования общественного совета – получение

рекомендаций, преломленных под углом интересов отдельных социальных групп либо общества в целом. Для эффективности деятельности любого общественного совета важным является «человеческий фактор». На сегодняшний день в крае действуют десятки разнообразных Советов, среди них: Общественный совет по молодежной политике, созданный в феврале 2009 года при краевом Министерстве культуры и массовых коммуникаций для повышения эффективности реализации государственной молодежной политики на территории региона; Совет муниципальных образований Пермского края; Общественно-консультативный совет при Пермской антимонопольной службе и др.

В качестве примеров *комплексных или комбинированных механизмов* межсекторного взаимодействия, которые несут в себе черты как минимум любой пары вышеназванных механизмов, можно назвать фонды местного сообщества, фонды общественно-активных школ, выставки, ярмарки социальных проектов и т. п. Впервые в России ярмарка социальных проектов была организована в 2000 году в Перми. В 2003-2004 гг. в Перми были проведены ярмарки-форумы социальных и культурных проектов, которые продемонстрировали власти возможности общественного сектора. Принципиально новым в формате ярмарки стало проведение переговорного процесса между органами власти, бизнесом и общественностью по перспективным направлениям краевой социальной политики. В результате были достигнуты договоренности о выработке поправок в федеральные законы «Об альтернативной гражданской службе», «О товариществах собственников жилья», а также в Закон Пермской области «Об историко-культурно-природном наследии населения Пермской области» и др.

Важную роль в развитии межсекторного социального партнерства в Пермском крае играют *правовые механизмы*. Общественные организации края сегодня оказывают значительное воздействие на региональное правотворчество, как напрямую – через участие в парламентских слушаниях, участие в работе комитетов и комиссий законодательного органа власти, так и посредством проведения общественной экспертизы законопроектов и общественного контроля, а также, работая с депутатами, и, вовлекая заинтересованные группы населения в процесс обсуждения законопроектов и выдвижения законодотворческих инициатив. Важной задачей гражданского общества остается общественный контроль. Пермский край – один из первых субъектов РФ, где была создана и начала свою активную работу Общественная наблюдательная комиссия по осуществлению общественного контроля в местах принудительного содержания, но в современ-

ных условиях важно расширить и усилить общественный контроль в крае всей правоохранительной системы, включая МВД, Прокуратуру, Федеральную службу исполнения наказаний, Федеральную миграционную службу и Вооруженные силы.

Оценивая практику использования механизмов межсекторного социального партнерства в Пермском крае, стоит отметить наличие обоюдного стремления сторон к созданию новых и дальнейшему совершенствованию существующих механизмов гражданского участия в решении проблем региона. Участники межсекторного социального партнерства стараются сделать его более содержательным, предметным и регулярным. Кроме того, система межсекторного взаимодействия постепенно пополняется новыми технологиями, что способствует психологическому размыванию границ и расширению дискуссионного поля межсекторного взаимодействия.

O.N. Kalinkina,
*applicant of social work department,,
Perm State National Research University*

PRACTICE OF USE OF MECHANISMS OF INTERSECTOR INTERACTION

In article the short characteristic of mechanisms of intersector social partnership which are used in regions is given. The accent is made on features of their practical application.

Т.В. Калугина,
*педагог-психолог муниципального бюджетного образовательного
учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и
медико-социальной помощи Психолого-медико-социальный Центр»,
г. Пермь*

ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕНИНГОВ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕБЕНКА

Раннее табакокурение, пивной алкоголизм, а в последнее время употребление детьми токсических веществ и наркотиков стали широко распространенным и открыто обсуждаемым явлением нашей жизни.

ни. Все больше семей лицом к лицу сталкиваются с трагедией употребления психоактивных веществ.

К моменту обучения в школе большинство детей слышало о наркотиках и наркоманах, токсикоманах и ВИЧ-инфицированных. Источники этой информации: СМИ, сверстники, старшие братья и сестры, родители. В первую очередь родителям становится понятно, что развитие ранней социальной компетентности, профилактика злоупотребления психоактивных веществ, пропаганда здорового образа жизни – тема бесед не только для старшеклассников.

Ранняя профилактика социально обусловленных заболеваний становится жизненно необходимым моментом современной жизни. Предупреждение об употреблении наркотиков и других вредных веществ – важная задача не только образовательных учреждений, но и отдельных семей.

Современные профилактические программы разрабатываются с учетом социальных и психологических причин приобщения детей к психоактивным веществам. Как показало время, эффективными являются именно психосоциальные программы, направленные на позитивную профилактику социально обусловленных заболеваний. На наш взгляд, традиционные – нравственный и эмоциональный подходы к профилактике, применяемые в образовательной среде должны быть существенно дополнены социально-психологическим подходом.

Окружающий детей социум – это, прежде всего, их семьи. Профилактика социально обусловленных заболеваний, развитие ранней социальной компетентности должно начинаться в семье. Реабилитация семьи, профилактика нарушений семейных отношений вообще, социально-психологическое сопровождение семей – вот, по-нашему, смысл социально-психологического подхода к профилактике.

Как нам представляется, создать условия для развития личности, адаптированной к социальной среде, помогут профилактические программы сюжетно-игровых занятий с элементами тренингов социальных навыков, проводимых совместно родителями с детьми. Ситуативные тренинги поведения, мини-беседы считаются наиболее эффективными методами в профилактической работе с детьми старшего дошкольного возраста (6-7 лет).

Имеется немало психопрофилактических программ злоупотребления психоактивными веществами для подростков. Однако актуальным является подготовка педагогов и родителей для проведения профилактической деятельности среди детей дошкольного возраста. Программ тренинговой работы для детей, направленных на развитие

ранней социальной компетентности старшего дошкольного возраста – явно недостаточно.

Создать условия для повышения педагогической и психологической компетентности родителей, привлечь их в качестве эффективных воспитателей для своих детей, развивать коммуникативные качества во взаимодействии детей и взрослых – эти задачи трудны, но цели такой программы наиболее нравственны, гуманны по сравнению с малоэффективным запугиванием еще не окрепших нравственно душ шестилетних детей.

Нами предлагается описание опыта по реализации проекта «Здоровье с ранних лет» в МДОУ «Детский сад № 305» Индустриального района г. Перми. Куратором проекта выступал Центр психолого-медико-социального сопровождения «Озарение». В качестве эксперимента участвовали 93 воспитанника МДОУ – 46 детей из старших групп и 47 детей из подготовительных групп. Участниками проекта являлись администрация МДОУ, педагоги-психологи, воспитатели старших и подготовительных групп, дети, их родители, куратор по проекту (автор статьи). Воспитательно-образовательный процесс осуществляли 10 педагогов. В ходе проекта внедрялась авторская программа по ранней профилактике социально обусловленных заболеваний для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста **«Сказка – ложь, да в ней намек»**. Программа создавалась по мотивам народных и литературных сказок.

Сказкотерапия – это один из современных методов, с помощью которого возможно развитие творческих способностей взрослых и детей. Есть технологии использования сказок в психокоррекционной работе. С помощью сказкотерапии можно провести психодиагностическую, психокоррекционную и развивающую работу, найти способ коррекции эмоционального состояния, подсказать выход из сложной ситуации, психологически готовить ребенка к действиям в стрессовых ситуациях.

Фольклор является прекрасным средством создания мнимых ситуаций, проигрывания этих ситуаций, примеривания на себя сказочных ролей. Любую сказочную ситуацию можно профилактически преобразовать. Она замечательно будет принята детьми. Сюжетные игры строятся именно по мотивам сказок. «Как-будто» вспоминается сказка, начинается ее преобразование и придумывание новой сказки с соединением сказочных и реалистических элементов. Поистине, сказка – ложь, да в ней намек... Программа создана по алгоритму сюжетно-

игрового занятия с элементами тренинга социальных навыков, что позволяет проигрывать профилактические ситуации по сюжету сказок.

Сюжетно-игровые социально-психологические занятия программы имеют своей целью **развитие ранней социальной компетентности детей:**

- осознание правил поведения в социуме и потребности их выполнения;

- формирование нравственных качеств (милосердия, толерантности и т.п.) и новых навыков взаимодействия детей и взрослых в группе.

Для реализации поставленной цели используются следующие методы: психологические игры (сюжетно-ролевые), анализ конкретных ситуаций, мини-лекционный метод подачи знаний, дискуссионный метод обсуждения различных проблем.

Программа реализует психосоциальную модель коррекционно-развивающей программы ранней профилактики, позволяет развить чувство уверенности у детей, формирует позитивные детско-родительские отношения.

Трехлетний опыт работы с группами родителей и детей позволяет сделать выводы, что косвенная скрытая профилактика социально обусловленных заболеваний гораздо более эффективна, чем прямая профилактика. Можно говорить детям: «нельзя пить пиво, нельзя курить», а можно – сформировать позитивные установки, такие черты характера, которые в определенное время подскажут ребенку «не пей, не кури».

За время реализации проекта «Здоровье с ранних лет» с 2008-2009 учебного года по настоящее время повысился уровень информированности родителей на 15%, педагогов – на 24%, информированы о проведении системы занятий по ранней профилактике в рамках проекта все педагоги МДОУ, охват воспитанников программами ранней профилактики 93 человека, что составляет 44% от всех воспитанников; охват родителей, участвующих в профилактических мероприятиях – 63%.

Программа «Сказка – ложь, да в ней намек» предназначена для тех, кто решил заняться с детьми пропагандой здорового образа жизни: педагогических работников дошкольных образовательных учреждений и педагогов начального звена обучения, психологов, социальных педагогов, родителей детей дошкольного возраста.

T.V.Kalugina
teacher and psychologist
of Centre of psychological, pedagogical medical and social help
for children in need
Perm

FROM EXPERIENCE OF REALIZATION OF TRAININGS OF SOCIAL SAFETY OF THE CHILD

Early prevention of socially caused diseases becomes the vital moment of modern life. The prevention of the use of drugs and other harmful substances – an important task not only educational institutions, but also separate families.

О.С. Котыченко,
аспирант кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Семейное неблагополучие является одной из острейших социальных проблем любого общества, так как его прогрессивное развитие зависит от конструктивного и продуктивного функционирования семьи. В последние годы интерес к данному явлению значительно вырос, что обусловило необходимость более тщательного исследования. Сегодня многими исследователями отмечаются тенденции кризиса семьи как базового социального института. Одним из факторов негативных трансформаций института семьи является неблагополучие. Проблема семейного неблагополучия многоаспектна и носит междисциплинарный характер, так как находится в сфере различных научных интересов педагогов, социологов, психологов, философов, правоведов и т.д. Но, несмотря на внимание к данной проблеме широкого круга специалистов, имеющиеся исследования понятия «семейное неблагополучие» в отечественной научной литературе недостаточны и еще не отражают в полной мере все стороны этого явления.

Семейное неблагополучие обусловлено множеством различных факторов, которые в совокупности вызывают данную проблему. В частности, можно выделить психофизиологические факторы, которые обуславливаются состоянием психического и физического здоровья членов семьи, социокультурные и социально-экономические. Специфика семейного неблагополучия заключается в совокупном влиянии каждого из факторов. Комплексное изучение данной проблемы требует углубленного конкретизированного анализа каждого из них в отдельности.

Актуальным является вопрос о способах преодоления семейного неблагополучия. Одним из таких способов является индивидуальная профилактическая и реабилитационная работа с семьями, находящимися в социально опасном положении. Работа с семьями в социально опасном положении представляет собой комплекс социальных услуг, направленных на восстановление их успешного функционирования. И здесь, на наш взгляд, особую роль играют мероприятия по формированию здорового образа жизни.

В качестве определения "здоровый образ жизни" в данной статье мы используем следующее: "это деятельность, направленная на сохранение, улучшение и укрепление здоровья людей". ЗОЖ формируется двумя путями: во-первых, через уменьшение и исключение факторов риска; во-вторых, через создание условий для сохранения и укрепления здоровья индивидом. ЗОЖ предполагает социальную, трудовую, физическую активность, удовлетворенность трудом; индивидуальный психологический комфорт и благополучие в семье; отсутствие вредных привычек; рациональное, сбалансированное питание. Формирование здорового образа жизни – сложный социально-психологический процесс, результат взаимодействия значительного числа факторов.

Необходимость проведения мероприятий по формированию здорового образа жизни в семьях, находящихся в социально опасном положении, определяется тем, что семья, в свою очередь, является одним из основных факторов, под воздействием которых формируется состояние здоровья и отношение к здоровью. Семья формирует, поддерживает и развивает здоровье своих членов. В основе данных процессов лежат устойчивые взаимосвязи здоровья со структурой семьи (число членов семьи, число поколений, состав по полу, возрасту, профессии), циклом развития (фаза создания, эволюции), реализацией функций (экономической, репродуктивной, медицинской, социальной, психологической). Семья, как непосредственная среда жизни челове-

ка, обуславливает наследование индивидом здоровья своих родителей (и косвенно – родственников других поколений), изменение здоровья под влиянием материальных условий семьи (жилье, питание, величина дохода и пр.) и формирование здоровья (поддержание определенных традиций, сохранение элементов санитарно-гигиенической культуры, обучение соответствующим навыкам). В современных условиях семья приобрела еще одну функцию психологического убежища от неизбежного стресса, переутомления, перегрузки, сложностей адаптации, т.е. сохранения здоровья.

Для усиления роли семьи в формировании здорового образа жизни необходимо повышать образовательный уровень родителей (в том числе потенциальных), в этой связи понадобится проведение широкой просветительской работы, ориентированной на здоровье семьи. Кроме того, требуется создание банка данных о здоровье каждой семьи, в этом контексте рекомендуется также изучение и предупреждение наследственных заболеваний.

Мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни в работе с семьями в социально опасном положении, определяются в рамках индивидуальной программы реабилитации по результатам диагностики состояния семьи. В большинстве случаев данные мероприятия включают консультации со специалистами медицинских учреждений по вопросам планирования семьи, рекомендации специалистов по санитарно-гигиеническим вопросам и профилактические беседы о вреде злоупотребления алкоголем, употребления психоактивных веществ и табакокурения. Также при необходимости специалист по реабилитации осуществляет меры по содействию диспансеризации несовершеннолетних и проведению плановых медицинских осмотров членов семьи. Однако данный комплекс мероприятий реализуется в индивидуальной реабилитационной работе зачастую в неполной мере, а в ряде случаев не предполагается вообще.

В результате контент-анализа индивидуальных программ реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении и состоящих на учете в отделе Территориального управления Министерства социального развития Пермского края, было установлено, что существует корреляция между наличием мероприятий по формированию здорового образа жизни в программе реабилитации и успешности проведения индивидуальной работы с семьей. Так, было проанализировано 116 документов (ИПР), из которых 72 программы включают мероприятия по формированию здорового образа жизни (А-программы), остальные 44 программы включают только рекомендации

по санитарно-гигиеническим вопросам или не содержат мероприятий по формированию здорового образа жизни (В-программы).

По результатам анализа А-программ было установлено, что реализация 63 % (45 семей) из них была успешной, так как семьи в данном случае были сняты с учета по истечении прогнозного срока реабилитации. А по результатам анализа В-программ успешная реализация была зафиксирована только в 34 % случаев (15 семей), с остальными 29 семьями реабилитационная работа была продолжена в рамках стабильного патронирования.

Таким образом, можно предполагать, что реализация мероприятий по формированию здорового образа жизни способствует успешному преодолению семейного неблагополучия.

O.S. Kotychenko

*graduate of social work department,
Perm State University National Research*

THE IMAGE OF HEALTHY WAY OF LIFE IN FAMILY DISADVANTAGE PROBLEM SOLVING

This article contains concepts of family disadvantage, preventive and rehabilitative work with families, that are in socially dangerous status, investigations of measures' efficiency, aimed at formation of healthy way of life in overcoming of family troubles.

И.Л. Кром,
д.м.н., профессор кафедры социальной работы и социального права,
руководитель Центра медико-социологических исследований
Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове,
Центр медико-социологических исследований

И.Ю. Новичкова,
д.соц.н., зав. кафедрой социальной работы и социального права,
Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове

Т.Н. Ильина,
к.с.н., ст. преподаватель
кафедры социальной работы и социального права,
Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове

СТРАТЕГИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ХРОНИЧЕСКИХ НЕИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

Социально-экономические, научные достижения способствуют улучшению профилактики, диагностики и возможности лечения многих заболеваний. С середины XX века ведущее место в структуре болезней и причин преждевременной смерти стали занимать хронические неинфекционные заболевания. С 90-х годов XX века в России отмечается прогрессивное возрастание заболеваемости и смертности, стабильно высокий уровень первичной инвалидности при хронических неинфекционных заболеваниях. Некоторые государства-члены ВОЗ рассматривают хронические неинфекционные заболевания в качестве одного из важнейших аспектов развития и определяют необходимость их включения в скорректированный перечень Целей тысячелетия в области развития.

Детерминанты неинфекционных заболеваний обобщены в обзоре по эпидемиологии хронических заболеваний, опубликованном Американской Ассоциацией общественного здравоохранения (American Public Health Association). Низкий социально-экономический статус приведён в качестве фактора риска практически во всех исследованных группах заболеваний.

В многочисленных зарубежных исследованиях отмечается, что представители нижних социальных слоев имеют худший доступ к ресурсам медицинского обеспечения. Различия в доступности медицинского обслуживания и его качества, по мнению авторов, являются

фактором усиления неравенства в здоровье и продолжительности жизни.

Несмотря на прогресс медицинской науки в XX в. возросшие расходы на здравоохранение, снижение темпов смертности, различия в состоянии здоровья между социальными слоями остаются или усиливаются (M.G. Marmot, M. Kogevinas, M.A. Elston). По мнению Г. Штайнкампа, «влияние пространственно-временных характеристик социального слоя на здоровье и продолжительность жизни служит... доказательством значения социальной окружающей среды». Три главных составляющих социально-экономического статуса: образование, род занятий и уровень доходов оказывают влияние на здоровье, определяя образ и условия жизни разных слоёв населения.

Не вызывает сомнения, что состояние здравоохранения ответственно за более высокий уровень заболеваемости представителей нижних социальных слоев, однако значительные различия в состоянии здоровья социальных слоев отмечены и в тех странах (например Швеция, Финляндия), где отсутствуют социально-экономические барьеры в доступности медицинского обслуживания. Значительное улучшение доступа малообеспеченных групп населения к системе медицинского обслуживания в Англии, США не привели к изменениям стратификационного градиента относительно продолжительности жизни (M.N. Naan).

Бедность, являясь глобальной социальной проблемой, активно исследуется и имеет много сходных черт во всем мире (Н.М. Давыдова). В многочисленных исследованиях бедность определяется как низкий уровень доходов и расходов, отсутствие необходимых ресурсов, невозможность поддержания желаемых жизненных стандартов, определенное самоощущение в социуме. Результаты исследований свидетельствуют о том, что уровень доходов определяет различия в жизненных стандартах. Эти различия обуславливают неодинаковые возможности адаптации людей к природной и социальной среде, способность справляться с физическими и эмоциональными нагрузками. Кроме того, неравенство в жизненных стандартах определяет и разные возможности лечения и профилактики заболеваний. Длительное состояние страха, неуверенности, низкая самооценка, социальная изоляция, невозможность принимать решения и контролировать ситуацию, связанные с бедностью являются факторами риска психосоматических заболеваний.

В условиях России, в отличие от большинства развитых стран, различия в здоровье определяются факторами социокультурного ха-

рактера, которые наряду с экономическими, экологическими, природно-климатическими условиями жизни создают общую ситуацию в области здоровья различных групп населения (В. Школьников с соавт.).

При одинаковых экологических, социально-экономических, бытовых и прочих факторах, при одинаковой наследственности субъекты имеют разное здоровье, что определяется различиями самосохранительного поведения (наличие или отсутствие вредных привычек, ценности здоровья и степени активности для его поддержания и т.д.). Здоровье для лиц с низкими стартовыми возможностями часто рассматривается как дополнительный жизненный ресурс, средство для достижения определенных целей (Л.С. Шилова).

Хронические неинфекционные заболевания являются мультикаузальной патологией. Современные медико-экологические стандарты образа жизни, социально-экономический статус, уровень доходов и неравенство в их распределении, бедность, высокие психоэмоциональные нагрузки, неравенство в распоряжении ресурсами здоровья, различие в доступности специализированной медицинской помощи – ведущие социальные предикторы хронических неинфекционных заболеваний в современной России.

По утверждению Г. Штайнкампа, более трех четвертей случаев болезни и смерти вызываются заболеваниями, «которые при всем различии причин их возникновения, протекания и завершения имеют три общие черты:

- Они, до сих пор, как правило, средствами лечебной медицины не могут быть ни предотвращены, ни излечены...

- Истоки длительной и многозвенной цепи хронических разрушительных болезней лежат всегда далеко от их проявлений. Они находятся полностью или большей частью не в физиологии индивида, а именно в условиях жизни, труда и окружающей среды.

- Риск заболеть или умереть, возможность индивидуально преодолеть нагрузки, а также шансы физически, психически и социально осилить болезнь распределены социально неравным образом. Распределение неравенства прочно увязано как с принадлежностью к слою, так и с полом».

В связи с зависимостью возникновения болезней от политических, экономических, экологических, культурных и социальных условий, улучшение в состоянии здоровья населения следует ожидать от изменения данных условий, а не от вмешательства в уже запущенную болезнь.

В рекомендациях ВОЗ (1992 г.) по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний, разработанных для национальных правительств, подчёркивается «жизненно важная роль правительств и парламентов стран» в организации программ профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, финансового и правового обеспечения. В «Рекомендациях» отмечено, что наиболее важная роль в профилактике сердечно-сосудистых заболеваний принадлежит популяционной стратегии (первичная профилактика) и всеобъемлющей вторичной профилактике.

Действия, которые ВОЗ предлагает для государств в XXI веке, включают меры первичной и вторичной профилактики с акцентом на медико-социальную помощь, оказываемую институтом медико-социальной работы. Формирующийся в современной России институт медико-социальной работы предполагает решение социальных проблем, определяющих уровень здоровья, и повышения эффективности систем здравоохранения для обеспечения большего равенства в уровне здоровья, доступности медико-социальной помощи, уменьшения социального расслоения и социальной уязвимости отдельных социальных групп населения, введение требований безопасности физической и социальной среды и защиту населения от воздействий, угрожающих их здоровью, смягчение последствий неравенства в состоянии здоровья, приводящих к дальнейшему социальному расслоению.

Люди также ожидают от своего правительства государственной политики, охватывающей все уровни – от местного до наднационального. Сюда входят меры государственной политики, необходимые для обеспечения надлежащего функционирования систем здравоохранения; для организации действий в области общественного здравоохранения, приносящих максимальную пользу всем; а также – за пределами сектора здравоохранения – политики, способной содействовать укреплению здоровья и чувства безопасности, при одновременном адекватном решении таких проблем, как урбанизация, изменение климата, гендерная дискриминация или социальное расслоение (Т. Stehl).

За последние десятилетия во многих странах достигнут значительный прогресс в области охраны здоровья, однако эти достижения распределены неравномерно. Увеличился разрыв в уровне здоровья населения между отдельными странами и социальными группами в рамках одной страны. Значительный прогресс в секторе здравоохранения, достигнутый в последние десятилетия, носит крайне неравномерный характер: большая часть стран мира продвинулись по пути улучшения состояния здоровья, но в то же время значительное число

стран во все большей степени отстают по этим показателям или теряют прежние позиции. Профилактическое направление медико-социальной работы по версии ВОЗ предполагает необходимость реформ, способствующих достижению равенства в отношении здоровья, социальной справедливости и ликвидации социальной изоляции, обеспечения всеобщего доступа и социальной защиты здоровья; обеспечивающих реорганизацию медицинской помощи в медико-социальную помощь, учитывающую потребности и ожидания людей, повышение социальной значимости этой помощи; повышению уровня здоровья путем интеграции деятельности в области общественного здравоохранения с медико-социальной помощью. Фактически «Рекомендации» ВОЗ предлагают концепцию медико-социальной помощи на социетальном уровне.

Исследования, доказывающие возможность объективизации медико-социальной работы с больными, страдающими хроническими инфекционными заболеваниями, проводятся авторами в Центре медико-социологических исследований.

Irina Krom

*doctor of medical science; professor of social work and social law
department,*

*Director of Centre for Medical-Sociological Studies
Institute of Social Education (branch) of Russian State Educational
Institution in Saratov,
Centre for Medical-Sociological Studies*

Irina Novichkova

*doctor of sociology science, head of social work and social law de-
partment,*

*Institute of Social Education (branch) of Russian State Educational
Institution in Saratov*

Tatyana Ilyina

the candidate of sociological sciences

*senior lecturer of social work and social law department,
Institute of Social Education (branch) of Russian State Educational
Institution in Saratov*

CHRONIC NONINFECTIOUS DISEASES MEDICAL-SOCIAL WORK STRATEGICS

The article discusses the concept of medical-social work with the patients with the chronic noninfectious diseases, developed by World Health Organization on macro level. Objectification of the approaches to medical-social work on meso and micro levels are **proved** in the author's researches.

Е.В. Кузнецова,

*ст.преподаватель кафедры социальной работы,
Кировская государственная медицинская академия,
г. Киров*

БЕЗРАБОТИЦА МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Особенностью современного российского общества является противоречивость, нестабильность и неравномерность в обеспечении устойчивого развития. Несмотря на достаточно высокие темпы экономического роста, наблюдающегося с начала XXI в., социально-

экономическая ситуация характеризуется неблагоприятными тенденциями: ростом дифференциации доходов населения, усилением социальной напряженности, ростом безработицы, в том числе молодежной.

Молодежь, выступая в качестве инновационного потенциала общества, является одной из самых уязвимых групп на рынке труда в силу своих возрастных, социально-психологических и профессиональных особенностей. В России количество молодых безработных ежегодно увеличивается и составляет более половины от общего числа зарегистрированных безработных. Высокий уровень молодежной безработицы опасен своими экономическими и социальными последствиями, которые затрагивают интересы, как самой молодежи, так и всего государства. В связи с этим актуальным и стратегически важным становится осуществление государственного регулирования молодежной безработицы, направленного на решение проблемы безработицы молодежи и обеспечение ее занятости, социальной защиты, а также сохранение и развитие трудовых ресурсов страны.

Переход России к рыночным отношениям существенно изменил социально-трудовую сферу. Дефицит рабочей силы сменяется дефицитом рабочих мест, что в свою очередь и приводит к возникновению безработицы. Создается ситуация, когда обеспечение всех граждан рабочими местами уже не есть нечто само собой разумеющееся. В связи с этим актуальными становятся рассмотрение современных процессов, происходящих на рынке труда, исследование последствий роста безработицы и выявление специфики социальной деятельности с определенными категориями безработных граждан, особенно с молодежью.

Тема безработицы молодежи особенно актуальна, так как именно молодежь – это будущее нашей страны. Сегодня молодежь РФ – это 39,6 миллиона молодых граждан – 27% от общей численности населения страны, и она в скором времени займет ведущие позиции как в экономике и политике, так и в социальной, духовной сферах общества.

По данным Федеральной службы государственной статистики России средний возраст безработных в июле 2012 г. составил 33,7 лет. Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 33,7%, в том числе в возрасте 15-19 лет - 7,8%, 20-24 лет - 25,8%. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15-19 лет (27,0%) и 20-24 лет (14,0%). По сравнению с июлем 2011 г. уровень безработицы в возрасте 15-19 лет сократился на 6,4 процентного пункта, в возрасте 20-24 лет увеличился на 0,2 процентного пункта. В среднем среди моло-

дежи в возрасте 15-24 лет уровень безработицы в июле 2012 г. составил 15,8%. Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе 15-24 лет по сравнению с уровнем безработицы взрослого населения в возрасте 30-49 лет составляет 4 раза.

Сложившаяся ситуация на российском молодежном рынке труда является достаточно напряженной. Проблемы занятости молодежи во многом связаны с объективными процессами – сокращением рождаемости, ухудшением физического и психического состояния здоровья, снижением уровня жизни населения и влиянием социально-экономических факторов на образ жизни молодого человека. Трудовая социализация молодежи происходит в условиях противоречивых и неоднозначных структурных изменений в политической, экономической, социальной и духовной сферах. А поскольку молодежный контингент крайне неоднороден по возрасту, образовательному и профессиональному уровню, каждый нуждается в особом индивидуальном подходе к решению проблемы занятости.

В решении данной проблемы играет государство, а также поддержка местных органов самоуправления. Вследствие этого социальная поддержка безработным принимает разнообразные пассивные и активные формы. Пассивная помощь проявляется, прежде всего, в государственной поддержке источников существования. Большинство безработных имеют страховку по безработице, которая предусматривает выплату специальных пособий. Но наряду с пассивными формами помощи, возрастающее значение приобретает активная политика занятости. Она сводится к созданию благоприятных условий для включения в общественное производство трудоспособного населения. Мероприятия, направленные на решение проблемы занятости молодежи, должны дополнять друг друга. Целесообразно их совместное комплексное и целенаправленное применение. В государственные и федеральные социальные программы должны привлекаться средства не только из федерального бюджета, но и средства частных предприятий и инвесторов. Например, Стратегия государственной молодежной политики разработана на период до 2016 года. Она определяет совокупность приоритетных направлений, которые ориентированы на молодежь, и включающие задачи, связанные с участием молодежи в реализации приоритетных национальных проектов. Настоящая Стратегия ориентирована преимущественно на граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет, в том числе на молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также на молодые семьи.

Большую роль в решении проблемы трудоустройства молодежи играют федеральные и городские службы занятости. Работа государственных служб занятости имеет много направлений, связанных с трудоустройством и социальной поддержкой граждан, ищущих работу (содействие занятости молодежи, профессиональной подготовке, создание рабочих мест для молодежи, привлечение к общественным работам и другие). Социальные работники занимаются преимущественно устранением социальных и личных последствий безработицы. Так, консультанты помогают молодому безработному получить соответствующее пособие, выплатить долги; медики и социальные работники решают эмоциональные, межличностные и семейные проблемы. Усилия социальных работников направлены на то, чтобы вовлечь молодых безработных в общественные проекты, полезные и дающие моральную поддержку.

Складывающаяся ситуация на рынке труда нуждается в принятии компенсационных мер со стороны государства, которые могут и должны проявляться в реализуемой молодежной политике, направленной на создание правовых, экономических, социальных и организационных условий и гарантий для самореализации молодого человека, что будет способствовать поддержанию социального согласия в обществе.

В связи со стремительным старением населения и неблагоприятными демографическими тенденциями сегодняшние 14 – 25 летние жители страны станут основным трудовым ресурсом России, их трудовая деятельность – источником средств, необходимых для социального обеспечения детей, инвалидов и старшего поколения. От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований.

E.V. Kuznetsova

*Senior lecturer of social work department,
Kirov State Medical Academy*

YOUTH UNEMPLOYMENT AS A SOCIAL PROBLEM

Youth, speaking as an innovative potential of society, is one of the most vulnerable groups in the labor market because of their age, socio-psychological and professional features

In Russia, the number of young unemployed is increasing annually, and more than half of the registered unemployed. The high level of youth unemployment is dangerous for its economic and social consequences that affect the interests of both the youth and the entire state.

In this regard, relevant and strategically important is the implementation of state regulation of youth unemployment, address the problem of youth unemployment and provision of her employment, social protection, and the preservation and development of the country's labor force.

В.Н. Кукьян,

*д.ф.н., профессор кафедры философии
Пермской государственной сельскохозяйственной академии имени
академика Д.Н. Прянишникова;*

Н.А. Швецова,

*к.ф.н., старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Пермского института ФСИН России,
г. Пермь*

ИНФОРМАЦИОННАЯ АГРЕССИЯ КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сегодня информация служит мощным фактором любых изменений в обществе. Осознание этой истины привело к появлению концепции информационного общества. Прямолинейный подход к объяснению общественных процессов и общественных отношений, основанный на материальных балансах труда и капитала, сменили более сложные схемы, учитывающие ментальность, духовный потенциал общества и его культурно-информационный ресурс.

Происходящие в культуре изменения несут с собой новые сложные проблемы, такие как интернет-зависимость, пропаганда СМИ агрессии, порнографии, экстремизма; компьютерная преступность (хакеры и др.).

Информационному обществу присущи специфические противоречия: между обилием накопленной информации и дефицитом необходимой, или между информацией желанной и навязываемой, инте-

ресной и скучной, понятной и потому доступной и очень сложной, требующей специальной подготовки для ее понимания. При бесконечном повторении информация становится привычной, безразличной, как например, реклама. Дефицит необходимой информации тормозит общественное и личностное развитие, служит одной из причин нестабильности и конфликтности.

Не менее важная проблема заключается в переизбытке информации. Растущий объем доступной информации существенно превышает человеческие способности ее восприятия и эффективного использования.

Различия между многообразием, глубиной жизни и средствами внешнего социального бытия порождают сложность, противоречивость и рассогласованность связей, которые ответственны за обеспечение гармонии личности, общества, природы.

Существует еще ряд противоречий, связанных с научно-техническим прогрессом, новейшими средствами фиксации и потребления информации. Новые технологии, совершенствуя информационный обмен, одновременно ставят человека в зависимость от качества, надежности материально-технического устройства. Ныне особенно опасна неотехницистская идеология электронно-компьютерного глобализма, поскольку в ее фундаменте лежат меркантильные интересы гигантских транснациональных корпораций. Через электронно-информационные сети команды заинтересованных лиц из финансовых центров мира воздействуют на экономическое и повседневное поведение людей. СМИ широко используют методы манипулирования сознанием масс с целью обеспечения заданных поведенческих реакций. По мнению ряда исследователей, осознание возможности информационных манипуляций рождает компьютерного сверхчеловека, признающего лишь способность управлять созданием информационных сетей и проникать в них, формировать информационные поля, создавая информационную цивилизацию, действующую по отличным от исторически сложившихся норм жизни. Возникает фундаментальная проблема типа ментальности компьютерного сверхчеловека, агрессивного к реальному миру. Ведь он, как и все люди, подвержен влиянию привычек и стереотипов, субъективных представлений, а в данном случае субъективизм одного человека может стать причиной злоключений и даже катастрофы всего общества. Вместе с тем информационная культура снимает полярность социокультурных установок централизма и децентрализации, индивидуализма и коллективизма. Если, например, создается база данных с огромным объемом информации, то это –

проявление централизма. Вместе с тем, если ею может пользоваться любой потребитель, – это уже выражение реальной децентрализации. Культура становится элементом информационного поля: она выходит из своей этнической, национальной, социальной сферы и попадает в универсальную информационную среду. Информационное поле не имеет цели вне себя самого. Формирование глобальных информационных полей меняет духовную ситуацию современного мира: индивиды получают возможность своей самоидентификации в универсальных терминах. Человек в своем самоопределении становится все менее зависим от языка, культуры, этнической принадлежности. Информационная культура вызывает эрозию традиционных – религиозных и идеологических – критериев, определявших иерархию смыслов, порядок высших и низших ценностей.

Подобная стратегия планируется и пропагандируется во имя абсолютизированного технического прогресса, который ведет к подавлению человеческой личности, индивидуального творческого начала в человеке, оскудению его духовной культуры. Поэтому задача гуманитарных наук, образования, просвещения в формировании общественных и личностных установок на гуманное использование информации и информационных технологий. Однако трудность в том, что новые технологии внедряются быстрее, чем исследуются и просчитываются их возможные последствия для окружающей среды и здоровья человека. Понимание объективных противоречий информационного общества вооружает нас знанием путей и условий успешного распространения и усвоения положительной информации, организации ее воздействия на общество и отдельных людей.

Анализ особенностей культуры информационного общества показывает, что с одной стороны, новые информационные технологии предоставляют невиданные ранее возможности для раскрытия индивидуальности, позволяют учитывать своеобразие человека во всех видах жизнедеятельности – экономических, политических, научных, эстетических и т.д. С другой стороны, стирание временных и пространственных границ, объективная потребность единых стандартов в мировом масштабе создает благоприятные условия для манипулирования людьми, использования своих технических приоритетов для эксплуатации менее оснащенных в информационном плане обществ.

Информационная агрессия через СМИ, Интернет, информационные технологии оказывает негативное влияние на духовную сферу жизни общества, на ментальность. Ментальность, понимаемая как стереотипы, установки людей, умонастроения масс, как особое нере-

флексируемое, неочищенное мировидение, эмоции, идеалы, ценности этноса трудно выделяется из понятия менталитет. Менталитет как специфическая форма коллективного сознания влияет на оценку событий, и в этом обнаруживается его связь с ценностными ориентациями и мировоззрением.

В динамике российского менталитета обострена проблематика идентификации, кризиса духовности, поиска устойчивых духовных основ и идеалов, образцов поведения и образа жизни. Произошел очевидный и демонстративный отказ от национальных и культурно-исторических традиций на фоне и под воздействием массированного внедрения и проникновения в общественное сознание шаблонов западной «массовой культуры» посредством СМИ, информационных технологий. За ним последовал бурный рост стереотипов и новых форм мифологического сознания, деструктивных элементов религиозных верований и культовых учреждений.

Иными словами, национальные интересы России в области духовной жизни, культуры и науки заключаются в духовном обновлении общества, сохранении его нравственных ценностей, утверждении в обществе идеалов высокой нравственности, патриотизма и гуманизма, развитии многовековых духовных традиций Отечества. Не случайно Концепция национальной безопасности Российской Федерации принятая в 1997 г., включает:

- анализ духовной жизни, её позитивных и негативных сторон;
 - защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни и в том числе:
 - введение запрета на использование эфирного времени в электронных средствах массовой информации для проката программ, пропагандирующих насилие, эксплуатирующих низменные проявления.
- (Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24).

Содержание приведенной Концепции направлено на воспитание толерантности как антипода агрессивности и развитие диалога культур и социальных образований, на создание позитивного образа, отношений между людьми и социальными общностями.

Средствами противостояния информационной агрессии в вузовской практике эффективны:

- позитивное содержание вузовской газеты, сайта в Интернете; студенческое ТВ, консультации специалистов в интернет-отделах библиотек и культурно-информационных центров вуза (КИЦ);

- развитие информационно-образовательной среды как средства профессионального и личностного развития путем активного взаимодействия студенческого самоуправления и педагогического менеджмента;

- соединение стратегии государственной молодежной политики, в том числе и информационной с личностно-ориентированным педагогическим менеджментом, органически включающем информационный фактор в учебно-воспитательный процесс;

- воспитание толерантности как антипода агрессивности.

Необходим аналитический подход к преодолению информационной агрессии, выяснение её причин для последующей выработки стратегии, создание позитивного образа отношений между людьми в профессии, национальных отношениях, быту.

V.N. Kukyan,

*Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department
of Perm State Agricultural Academy named after Academician D.N. Pryanishnikov;*

N.A. Shvetsova,

PhD, Senior lecturer of the Department of the Humanities, Social and Economic Disciplines of Perm Institute of the Federal Penal Service

INFORMATION AGGRESSION AS A FACTOR OF PERSONALITY DESTRUCTION AND THE MEANS OF ITS OVERCOMING

Particular attention is paid to the essence of information aggression and the means of its overcoming in post-industrial society, in personal aspects and interpersonal relations and also in higher education institutions activity.

Ю.П. Куликова,
*соискатель ученой степени к.э.н.
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва*

АНАЛИЗ ЭТАПОВ АВТОРСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Инновационная деятельность высшей школы на основе интеграции образования и науки оказывает значительное социальное и экономическое влияние на национальную инновационную систему. При этом высокий уровень развития высшего образования в Российской Федерации, во многом сохранившийся в период перехода к рыночной экономике после распада СССР, делает возможным использование потенциала высшей школы для достижения задачи модернизации экономики страны.

Международные сравнения показывают, что высокий уровень образования среди населения является одним из основных конкурентных преимуществ РФ. Например, в Глобальном инновационном индексе INSEAD, отражающим восприимчивость экономики к производству и потреблению инноваций, РФ занимает 56 место, при этом по уровню развития человеческого капитала и научных исследований – 38 место. Последняя позиция складывается из трех показателей: научные исследования и разработки – 44 место, образование – 46 место, высшее образование – 19 место.

Таким образом, инновационное развитие высшей школы имеет стратегическое значение для формирования к 2020 г. эффективной национальной инновационной системы.

Важность инновационного развития высшей школы осознается правительством. В статье В.В. Путина «О наших экономических задачах» отмечается, что «восстановление инновационного характера нашей экономики надо начинать с университетов – и как центров фундаментальной науки, и как кадровой основы инновационного развития. Международная конкурентоспособность нашей высшей школы должна стать нашей национальной задачей».

Для выявления проблем и возможностей дальнейшего инновационного развития высшей школы нами выделено три исторических этапа формирования современной системы высшего образования РФ с точки зрения государственного управления (таблица 1).

Таблица 1 - Характеристика основных этапов развития государственного регулирования инновационной деятельности в высшей школе

Этапы	Ключевые стратегические документы	Нормативно-правовая база
Первый	Федеральная программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 гг.»	1992 г. - Федеральный закон "Об образовании" 1996 г. - "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" 1996 г. - Указ Президента РФ "О государственной поддержке интеграции высшего образования и фундаментальной науки"
Второй	Концепция научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации на 2001–2005 гг. Федеральная целевая программа развития образования на 2001-2005 гг. 2002 г. - Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Федеральная целевая программа «Интеграция науки и образования России на 2002-2006 гг.» 2005 г. – «Основные направления политики России в области развития инновационной системы на период до 2010 г.» Федеральная целевая программа развития образования на 2006-2010 гг. 2006 г. - Национальный проект «Образование» (один из приоритетных национальных проектов) 2006 г. - Стратегия развития науки и инноваций до 2015 г. Федеральная целевая программа "Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007-2013 гг."	Постановление Правительства РФ от 17 сентября 2001 г. N 676 "Об университетских комплексах" 2003 г. – подписание РФ Болонской декларации Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. N 308-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции образования и науки"
Третий	2008 г. - Концепция долгосрочного	Указ Президента РФ от

	социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. Федеральная целевая программа "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 гг. Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 гг. 2011 г. - Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.	07.05.2008 №716 "О федеральных университетах" Указ Президента РФ от 7 октября 2008 года о реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов Федеральный закон РФ от 2 августа 2009 г. N 217-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности" Постановления Правительства от 9 апреля 2010 г. № 218 (кооперация вузов и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства), № 219 (развитие инновационной инфраструктуры вузов), № 220 (гранты вузам по привлечению ведущих мировых ученых).

Высшее образовательное учреждение, реализующие целенаправленную деятельность по обучению, воспитанию и развитию личности на основе осуществления эффективных научно-исследовательских, учебно-познавательных и учебно-воспитательных процессов, обеспечивают интеграцию интересов субъектов практической профессиональной среды, государства, отдельной личности. Задачей высших образовательных учреждений является подготовка для различных отраслей национальной экономики высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда, интеллектуальный, творческий и личностный потенциал которых адекватен инновационной модели развития общества. Потенциал выпускников высших образовательных учреждений должен обеспечить формирование потенциала будущих инноваций, обеспечивающих повышение технико-технологического уровня производства, производительности труда, конкурентоспособности России на мировом рынке товаров и услуг и, в конечном счете, качества жизни российских граждан.

Данная миссия выражает ценности и взгляды, сложившиеся в обществе, определяет организационную культуру высших образовательных учреждений, методы, стиль, формы и средства обучения, механизмы взаимодействия образовательных организаций с различными типами потребителей образовательных услуг.

В современных условиях деятельность российских высших образовательных учреждений, также как и образовательных центров фундаментальных и прикладных исследований, получает логическое продолжение, охватывая создание, освоение и распространение инноваций. Высшее образовательное учреждение, являющиеся потребителями и производителями знаний, становятся инновационно-активными хозяйствующими субъектами.

Высшая школа России проводит работу, связанную с развитием инновационной деятельности и, включающая в себя:

- подготовку и переподготовку кадров по инновационной деятельности;
- создание инновационной инфраструктуры, в которую входят университетские технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, центры коммерциализации и трансферта технологий, центры сертификации и консалтинга, инновационных компетенций, фонды поддержки инновационной деятельности;
- разработку научно-методического и нормативного обеспечения научно-исследовательской и инновационной деятельности;
- организацию и выполнение в рамках высшей школы научно-исследовательских и инновационных проектов и программ, направленных на поддержку инновационной деятельности университетов, технопарков и других структур;
- выполнение проектов, в том числе бизнес-проектов, направленных на создание наукоемкой продукции.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие за последнее время в системе образования России, эффективность инновационной системы высшей школы является низкой. Развитие высшего образовательного учреждения можно считать инновационным, если большая часть прироста показателей его деятельности обеспечивается за счет инновационной деятельности, тем не менее, подавляющее большинство высших учебных заведений развивается экстенсивно. Высшая школа до настоящего времени реализует модель «догоняющего развития». Одна из главных причин такого положения – это отсутствие комплексного инновационного подхода ко всем сферам дея-

тельности высшего образовательного учреждения. Инновационное развитие высшего образовательного учреждения – это процесс системного (комплексного, взаимоувязанного, взаимосогласованного) внедрения инноваций и инновационной деятельности во все его сферы: научную, образовательную, сферу управления, финансовую, воспроизводство научно-педагогических кадров.

Поскольку инновации являются результатом многостороннего и неоднозначного взаимодействия между участниками инновационной деятельности, это обуславливает активизацию процессов вертикальной и горизонтальной интеграции в рамках инновационных систем. В центре внимания зарубежных и отечественных ученых находятся проблемы интеграции образования, науки и производства и формирования сложных университетских комплексов. Вместе с тем определенный интерес представляет рассмотрение особенностей горизонтально-межвузовского взаимодействия, наблюдающегося в развитых зарубежных странах в последние десятилетия.

Подобное взаимодействие нацелено на повышение конкурентных преимуществ вузов и позволяет выполнять более амбициозные образовательно-инновационные задачи, а также приводит к взаимопроникновению различных областей знаний. Основным мотивом развития межвузовского взаимодействия является расширение участия университетов в инновационных системах стран и регионов.

В одной из работ американских ученых, проводивших изучение 2,4 млн. научных исследований, изданных в 110 ведущих университетах США в 1981-1999 гг., отмечается, что за эти 19 лет в два раза возросло число ученых, входящих в одну исследовательскую группу. С начала 1990-х гг. отмечается активизация межтерриториального и международного взаимодействия, что объясняется быстрым развитием средств коммуникации. [1]

Сотрудничество университетов может осуществляться на формальной и неформальной основе, объединять государственные и негосударственные вузы по различным принципам и достигать разной степени интегрированности в зависимости от целей и ресурсов участников. С организационной точки зрения формальное сотрудничество может осуществляться в виде образования коалиций, партнерств, ассоциаций, сетей взаимодействия, консорциумов и т.д.

Виды взаимодействия с территориальной точки зрения можно подразделить на региональное, межрегиональное, национальное и международное сотрудничество.

Межвузовское сотрудничество может рассматриваться как инструмент активизации инновационной деятельности в конкретном регионе. Примером служит региональная ассоциация «Университеты для Северо-Запада» (Unis4NE), образованная в 1998 году в Великобритании в районе, значительно отстающим от остальных районов страны по показателям развития инновационного предпринимательства [2]. Ассоциация объединяет шесть университетов. Целью создания ассоциации является стимулирование и координирование сотрудничества между самими университетами, а также между вузами и другими участниками региональной инновационной системы. Совместная деятельность университетов способствует формированию согласованных стратегических целей научно-образовательной деятельности, развитию предпринимательства в регионе, позволяет увеличить объемы привлечения государственных грантов, частных контрактов и число обучающихся.

На Юге Великобритании создано объединение пяти инновационных университетов – Партнерство «SETsquared». Основными направлениями сотрудничества являются: создание малых инновационных предприятий на базе университетов, развитие лицензирования и бизнес-инкубирования, а также распространение среди преподавателей и студентов практических навыков инновационной деятельности. Среди проектов, реализуемых партнерством, проекты в области коммуникаций, здравоохранения, экологии и транспорта.

Британское объединение Консорциум Университетов Белой Розы (White Rose University Consortium) является примером создания межвузовской инновационной инфраструктуры. На базе консорциума созданы:

- Совместный Фонд Белой Розы (White Rose Collaboration Fund), предоставляющий начальные средства группам ученых для совместных исследований на конкурсной основе;

- Технологический Посевной Фонд (Technology Seedcorn Fund), образованный за счет выигранного бюджетного гранта и средств университетов-участников, предназначенный для венчурных инвестиций в начинающие предприятия;

- Центр развития обучения на предприятиях (Centre for Excellence in Teaching and Learning in Enterprise) – собственником разработок являются факультеты, программа обучения «встроена» в предприятие;

- Центр Низкоуглеродистых материалов (Centre for Low Carbon Futures) – исследовательский центр, созданный с целью междисциплинарного объединения возможностей университетов.

Наиболее крупными платформами для сотрудничества университетов в Великобритании являются Группа Рассел (Russell Group) и Группа 1994 (1994 Group), сформированные в 1994 г.

Группа «Рассел» является группой взаимодействия двадцати ведущих университетов Великобритании (лидеров международных рейтингов). Деятельность университетов группы Рассел вносит значительный вклад в интеллектуальное, культурное и экономическое развитие всей страны. Целью группы является лидерство в области научных исследований, максимизация доходов участников группы, поддержание высоких стандартов обучения за счет привлечения лучших преподавателей и студентов, создание самостоятельно управляемой среды для снижения вмешательства государства.

Образование и обучение всегда означает изменение самого обучающегося, обеспечение широты и глубины понимания, необходимого уровня мышления и соответствующей самостоятельности в суждениях. Важно привить студентам культуру ведения бизнеса, основанную на социальной компетентности и аналитическом мышлении, знании информационных технологий, иностранных языков, способности социокультурной адаптации, толерантности, понимании важности социальной ответственности бизнеса.

Таким образом, утверждается идея о приоритетности фундаментального образования, которое обладает большим временем выживаемости, более консервативно и которое при его правильном формировании позволяет реализовать принцип образования «через всю жизнь», не допуская критического отрыва образовательного процесса от практики. При этом консерватизм в данном случае не противоречит требованиям инновационности, а, наоборот, как это ни парадоксально, лежит в основе адаптации высшего образовательного учреждения к изменяющейся предпринимательской среде и определяет интенсивность потребления знаний, созданных в отраслях высоких технологий.

В связи с этим, конкурентоспособность отечественных предприятий на мировом рынке в условиях экономики, основанной на знаниях, непосредственно зависит от инноваций, осуществляемых в сфере образования. В процессе обучения в высшем образовательном учреждении слушатель приобретает уникальный опыт инновационной деятельности, т.к. на протяжении 3-5 лет обучения осваивает новые методы усвоения и генерирования знаний, может оценить эффек-

тивность различных методов обучения, учиться работать в команде и развивать лидерские качества.

Таким образом, следует выделить шесть главных предназначений высшего образовательного учреждения в реализации инновационной стратегии развития национальной экономики:

сохранение и преумножение культурного и образовательного национального потенциала;

формирование научно-технического базиса для создания новых наукоемких технологий;

повышение конкурентоспособности товаров и услуг и увеличение объемов продаж отечественной продукции на российском и зарубежных рынках;

повышение производительности труда и доходов работающего населения;

стабилизация занятости и сокращение безработицы;

создание предпосылок для повышения качества жизни.

Дискретные изменения конкурентного ландшафта, в частности дерегулирование в области промышленности, глобализация, растущее значение новых рынков (например, Бразилии, ЮАР, Китая и Индии), усиливающаяся конвергенция технологий, размывание границ между отраслями, требуют трансформации менеджмента, предпринимательского подхода в управлении организацией.

А.И. Куричева,

студентка философско-социологического факультета,

Л.З. Зарипова,

ассистент кафедры психологии развития,

Пермский государственный национальный исследовательский

университет,

г. Пермь

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ И МИРЕ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Важность изучения представлений о мире обусловлена их ролью в построении окружающей действительности, которая позволяет ребенку отражать объективную реальность, устанавливать между ними зависимости.

Представления детей о важнейших явлениях природы и общества тесно взаимосвязаны: обогащение, развитие какого-либо одного из них ведет к заметным положительным сдвигам в развитии других (Л.М. Кларина, Е.И. Корзакова, А.И. Липкина и др.).

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к изучению войны. В школах вводится военно-патриотическое образование, проводятся различные конкурсы и смотры на военную тему, вместе с этим, актуализируется значимость мира и толерантности. Всё это свидетельствует о важности изучения и понимания того, какими представляются война и мир подрастающему поколению. Интересным представляется исследование обыденного знания о войне и мире. Так в одном из исследований, посвященном изучению представлений о причинах войн (аналитический центр "ТАСС-Урал", 2007 г.), проведенном на детях младшего школьного возраста, были получены следующие данные. Дети 7-11 лет, считают, что люди воюют, чтобы защищать свою страну. По мнению некоторых детей, у войны есть и свои положительные стороны: война нужна, *"чтобы отделять хороших людей от плохих"*, *"чтоб фашисты не забрали нашу страну"*. Рейтинг наиболее распространенных ответов школьников (по убыванию):

- Люди воюют, чтобы *"завоевать земли"*
- Война нужна, чтобы *"защищать Родину"*
- Люди воюют *"из-за богатства"*
- Война нужна, чтобы *"доказать, кто сильнее"*
- Война *"не нужна"*
- Люди воюют *"из-за власти"*
- Люди воюют, потому что *"невозможно найти компромисс"*
- Война нужна, чтобы *"восстановить справедливость"*
- Люди воюют, потому что *"хотят прославиться"*

С целью исследования представлений о войне и мире, нами было проведено специальное исследование на базе средней общеобразовательной школы. Мы предположили, что существуют значимые различия в представлениях о войне и мире у младших школьников в зависимости от пола.

В исследовании приняли участие 60 учеников младших классов (1-3 класс), в возрасте от 7 до 9 лет (средний возраст 8,2 лет). Респонденты были распределены на две группы по 30 человек, по половому признаку. В данном исследовании использованы следующие методы психологического исследования социальных представлений:

- методика свободного рисунка;
- методика «Незаконченное предложение».

Основными преимуществами данных методик является относительная простота в обработке. К недостаткам методик можно отнести отсутствие «шкал лжи», качественный характер методик, что не исключает возможности ответов респондентов с позиции социальной желательности.

Обработка результатов была проведена с помощью метода контент-анализа, в качестве инструмента математической статистики - ф-угловое преобразование Фишера.

После выделения категорий нами была проведена экспертная оценка. Для экспертной оценки была сформирована группа экспертов из четырех человек. Для анализа экспертам была предложена выборка текстов и рисунков, случайно отобранных из общего массива, с инструкцией выделить в них законченные по смыслу высказывания и распределить их по соответствующим категориям. Экспертам предлагались таблицы уже выделенных в текстах самоотчетов категорий с инструкцией, как распределить их по соответствующим подкатегориям.

Были выделены следующие категории представлений *о войне* у младших школьников по рисуночной методике:

- взрыв,
- схематическое изображение раненого человека,
- «разрушенная» природа
- разбитые дома.
- В представления *о войне* по методу незаконченных у младших школьников входят следующие категории:
- оружие,
- прилагательные отрицательной окраски,
- боевые действия,
- упоминания ветеранов.

При применении методики «Незаконченное предложение» также были выделены категории контент-анализа.

- Победа,
- прилагательные положительной окраски,
- отсутствие войны,
- описание природных явлений.
- В представлениях о мире выделены следующие категории графических изображений:
- природа,

- семья,
- животные,
- дом.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

– Большинство школьников, изображая войну, выражают свои представления через взрывы, схематическое изображение раненого человека, в редких случаях встречаются разрушенная природа и разбитые дома.

– При словесном описании девочки и мальчики демонстрируют разные представления о войне. Для мальчиков война – это оружие и боевые действия. Девочки чаще связывают войну с отрицательными характеристиками, выраженными в прилагательных. Война в представлении девочек младшего школьного возраста связана с образом ветерана.

– Большинство школьников, изображая мир, выражают свои представления в образе природы и в изображении нормальных домов, тогда как животные и семья имеют незначительный процент встречаемости.

– При словесном описании девочки и мальчики демонстрируют разные представления о мире. Для мальчиков мир – это победа и отсутствие войны. Тогда как девочки чаще связывают мир с положительными прилагательными, а также мир в представлении девочек младшего школьного возраста связан с описанием природных явлений.

– При этом также прослеживается смешение в представлении младших школьников двух понятий «мир – антипод/противоположность/антоним войны» и «окружающий мир».

Статистическое сравнение выявило наличие следующих различий в представлениях о войне и мире у детей младшего школьного возраста в связи с полом:

- Мальчики чаще при словесном описании войны упоминают предметы: оружие, боевые машины, девочки чаще прибегают при описании войны к прилагательным, носящим ярко выраженную отрицательную окраску.
- Мальчики чаще при словесном описании мира упоминают победу, группа девочек напротив чаще при описании мира обращаются к прилагательным, носящим положительную окраску.

*Д.В. Лапин,
аспирант,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск*

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Процессы глобализации расширяют экспансию транснациональной массовой культуры, усиливают рост самосознания народов и динамику иммиграционных потоков, неизбежно обостряя имеющиеся в поликультурных обществах этнические проблемы.

Глобализацию рассматривают, как потерю сопряженности социальных процессов к конкретному физическому пространству. По мнению А. Аппадурай в рамках глобализации складывается «глобальный культурный поток», который можно разделить на различные культурно-символические пространства-потоки (landscapes): этнопространство (ethnoscape) образуется потоком туристов, иммигрантов, беженцев, гастарбайтеров; технопостранство (technoscape) – потоком технологий; финансовое пространство (finanscape) – потоком капиталов; медиапространство (mediascape) – потоком образов; идеологическое пространство (ideoscape) – потоком идеологов [1].

Ключевым в сложившейся межкультурной ситуации пространством-потоком или подпространством является медиапространство, которое необходимо рассматривать, как процесс динамического взаимодействия разнообразных форм коммуникативной деятельности содержащих в себе большое количество различных культур, каждая из которых располагает определенными обычаями, традициями и моделями взаимодействия.

Над спецификой содержания медиапространства рассуждали Э. Тоффлер, У. Масуда и другие исследователи. Д. Рошкофф рассматривает последствия увеличения объемов информации, грозящих возникновением опасных медиавирусов, искажающих восприятие реальности.

Медиапространство может быть рассмотрено как особая мультикультурная реальность, объединяющая представления субъектов инаковости и социальные практики, включенные в сферу создания и потребления информации в поликультурном социуме.

Основанием данного медиапространства является концепция мультикультурализма, направленная на обеспечение равных статусов национальных меньшинств и доминирующего большинства при однозначных возможностях сохранения их культур.

Мультикультурное медиапространство, как сфера отношений создателей и потребителей контента принимает конфигурацию институтов гражданского общества и правительственных структур, в условиях, взаимодействия которых функционирует. Следовательно, его содержание будет напрямую зависеть от степени сформированности установок субъектов инаковости на межкультурный диалог.

Сеть Интернет является важнейшим и самым влиятельным сектором медиапространства, для которого характерны: программированность, интерактивность, способность оказывать значительное влияние на остальное социальное пространство.

Мультикультурное медиапространство включает в себя следующую структуру: мультикультурный контент; средства массовой коммуникации; социальные отношения субъектов инаковости возникающие в контексте вовлечения в информационную среду.

В процессе проникновения мультикультурного контента на микроуровень поликультурной среды, от его содержания будет зависеть эффективность распространения информационных потоков нивелирующих межэтническую разобщенность.

На микроуровне мультикультурное медиапространство превращается в гипертекст, создающий мировоззренческую конструкцию - отношения к другим субъектам культурной инаковости, в реальности это выражено в мультикультурном поведении индивида.

D.V. Lapin
graduate student,
Novosibirsk State Technical University

MULTICULTURAL MEDIA ENVIRONMENT AS A FACTOR OF ETHNIC STABILITY

The article considers the multicultural media space in the era of globalization. Considered as part of the Internet media space. Shown that the media space can form no barrier environment conducive to ethnic stability in a multicultural society.

*Л.С.Лебедева,
преподаватель,
Пермский педагогический
колледж №1,
г. Пермь*

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛЮДЬМИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Проживающие в сельской местности граждане старшего поколения, остаются наименее обеспеченной частью населения, а село - зоной расширения и углубления экономической бедности. Во многих сельских районах исчерпан внутренний потенциал демографического воспроизводства, наблюдается значительный поток миграции, особенно молодых людей в город, растет смертность сельского трудоспособного населения. И как следствие растет доля пожилых людей в структуре сельского населения. За годы экономических реформ в нашей стране в сельской местности практически разрушена система бытового обслуживания населения, ограничен доступ к медицинским, образовательным, культурным, правовым услугам. Низкий уровень территориальной мобильности сельского населения, а пожилых людей особенно, резко ограничивает доступность к учреждениям, обеспечивающим базовые социальные услуги, сдерживает развитие выездных технологий обслуживания. В социальной работе на селе, как считает Е.И.Холостова, важно учитывать специфику образа жизни в сельской местности, традиции, роль церкви, природы и быта, а также социальные «приспособительные приемы»: образцы взаимопомощи, вынужденная щедрость, общинная земля и разделение труда. В условиях села сложно, как по финансовым причинам, так и по проблемам кадрового обеспечения и коллективистского прошлого, организовать специализированные центры социального обслуживания. Поэтому центры социального обслуживания на селе, по сути, должны представлять собой комплексные службы, способные разрешать многосторонние проблемы. Они должны стать центром культурного досуга, медико-социальной помощи, образовательной деятельности, физкультуры и спорта, благотворительной работы.

Весь комплекс мер, направленных на эту помощь пожилым людям и инвалидам, можно условно разделить на 5 основных направлений:

1. Лечебно-организационные мероприятия, направленные на своевременный учет нуждающихся в медико-социальной помощи пациентов, изучение их потребностей, оказание лечебно-оздоровительных мер, определение тактики ведения и этапности оказания помощи, межведомственное сотрудничество.

2. Социально-психологическая работа (моральная поддержка, развитие адаптационных возможностей к элементам самообслуживания, ухода, приготовления пищи). Психологическая помощь, должна быть направлена на подготовку пожилого человека к смене социального статуса в связи с выходом на пенсию, на формирование адаптации к потере близких, болезням, одиночеству, потере дееспособности.

3. Санитарно-просветительная работа по вопросам личной гигиены и гигиены жилища, профилактики заболеваний, здорового образа жизни, вреда самолечения.

4. Рекомендации по сохранению трудовой и социальной активности (продолжение посильной трудовой деятельности, работа на дому и ведение приусадебного хозяйства, участие в общественной жизни).

5. Социально-правовая подготовка (ознакомление с правами, льготами по вопросам медицинского и лекарственного обеспечения).

Социальное обслуживание и медико-социальная работа с людьми пожилого возраста в регионах России имеет свою специфику. Рассмотрим этот опыт. Ведущая роль в социальной работе с пожилыми людьми в Челябинской области принадлежит центрам социального обслуживания. Центры многопрофильны, в их структуре имеются отделения социальной помощи на дому, дневного пребывания, срочной социальной помощи, помощи семье и детям, отдел льгот и компенсаций. Интересен опыт организации работы на селе в Варненском районе. В штатном расписании центра социального обслуживания 12 специалистов по социальной работе, осуществляющих деятельность по участковому принципу. Участковые специалисты работают в тесном контакте с сельской администрацией, учреждениями здравоохранения, культуры, образования. Специалистами начата работа по созданию банка данных на всех жителей района, нуждающихся в социальной поддержке. В состав центра входит Геронтологиче-

ское отделение на 35 мест. При центре есть подсобное хозяйство, включающее птице – и животноводческие фермы, огород, хлебопечкарню. Продукция используется в интересах центра социального обслуживания. В центрах социального обслуживания *Ростовской области* используются различные организационные формы оказания медицинской помощи этой категории граждан: создание специальных помещений для медицинских кабинетов, выделение лекарственных препаратов поликлиниками и частичная закупка их центрами. Обязательно медицинское обслуживание всех граждан, посещающих центр или обслуживаемых им на дому. Есть возможность оказания консультативно-лечебной помощи всем остальным престарелым и инвалидам, живущим в данном районе, создание на базе лечебных учреждений «социальных коек». Широкая сеть этих специализированных коек позволила многим престарелым пройти курс медико-социальной реабилитации. Во всех центрах Ростовской области при отделениях созданы физиотерапевтические кабинеты, фито-бары, во многих проводятся занятия по лечебной физкультуре. Специалисты одного из дневных отделений центра социального обслуживания *Костромской области*, обеспечили одновременное пребывание 50 человек в течение месяца. В отделении есть медицинский блок, регулярно ведут прием врачи, проводятся занятия физкультурой, хорошо организован досуг пожилых людей: проводятся вечера и концерты. Созданы условия для посильного труда в небольшой швейной мастерской. К услугам пожилых людей две комнаты для отдыха, есть библиотека, газеты, журналы и телевизор. Проводятся лекции, беседы и необходимые консультации. Интересен опыт социальной работы *села Юкаменское, Удмуртия*. Комплексный центр социального обслуживания населения села Юкаменское имеет три отделения по оказанию помощи людям преклонного возраста: отделение временного проживания; отделение социальной помощи на дому; два специальных дома в селах Юкаменское и Ежево. Работа комплексного центра социального обслуживания населения ведется по следующим направлениям: предоставление социальных услуг гражданам пожилого возраста, инвалидам, детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; информирование населения об услугах, оказываемых структурными подразделениями; организация спортивного и культурного досуга; организация групп самопомощи и взаимопомощи. Проведенный подворный обход некоторых населенных пунктов Юкаменского района, заведующими отделениями социальной помощи, позволил внедрить

систему учета и оценить потребности пожилых граждан в социальных услугах.

Опыт социальной работы и медико-социального обслуживания в различных регионах России, показывает, что идет поиск новых эффективных форм работы с пожилыми людьми, и в результате значительно возрастает объем и разнообразие помощи, оказываемой центрами социального обслуживания.

Обобщение практического опыта работы по социальному обслуживанию населения позволяет выделить некоторые положительные моменты: работа комплексного центра социального обслуживания населения достигает значительных результатов, если осуществляется в тесном контакте с учреждением социальной защиты населения или главами муниципальных образований района; социально-психологическая поддержка пожилого человека осуществляется с применением методов консультативной, развивающей и коррекционной работы; положительные результаты дает применение таких технологий, как экстренная социальная помощь нетрудоспособным, социокультурная реабилитация, использование современных прогрессивных физкультурно-оздоровительных методик, вовлечение пожилых людей в организацию самопомощи и взаимопомощи; в организации социального обслуживания используют специфику сельской местности: близость к природе и тесное знакомство жителей друг с другом. В тоже время присутствуют некоторые негативные моменты. Они связаны с отсутствием контроля за качеством социального обслуживания и степенью удовлетворенности им клиентов, недостатком квалифицированных специалистов, высокой стоимостью образовательных услуг, недостаточным финансированием сферы социального обслуживания.

*В.А. Леденцова,
ассистент кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
ассистент кафедры практической психологии,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь*

К ВОПРОСУ О СТИЛЕ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ

Стиль копинг-поведения стал предметом исследований со второй половины двадцатого века. Первоначально, стиль копинга рассматривался в рамках диспозиционного подхода (К. Menninger; V. Vaillant; Т. Kroeber; N. Naan) как устойчивое личностное образование. Однако, с 1970-х годов все большее число ученых приходило к заключению, что способы копинга не определяются полностью личностными факторами (Л.И.Вассерман, В.А.Абабков, Е.А.Трифонов), что послужило основанием для переосмысления понятия и функций стиля копинга и развития исследований в данной области в рамках интегративного и динамического подходов. Интегративный подход (J. A. Schaefer, R. H. Moos) исходил из того, что наряду с личностными факторами на способ копинга влияют и ситуационные, при этом, способ копинга представлен относительно устойчивыми личностными предпосылками (traits), предопределяющими реакцию человека на тот или иной стрессовый фактор. Динамический подход определяет копинг в качестве динамического процесса, зависящего как от ситуационного фактора и его специфики, так и от когнитивной оценки стрессора самим человеком. Р. Лазарус и С. Фолкман (R. Lazarus, S. Folkman) как представители когнитивно-феноменологической теории стресса отмечали, что существуют личностные переменные, наряду с социальными переменными, предопределяющими предпочитаемые человеком стратегии совладания со стрессом.

Учитывая значительное индивидуальное разнообразие поведения в стрессе, Р. Лазарус выделяет два глобальных способа копинга: проблемно-ориентированный (problem-oriented coping) и эмоционально-ориентированный (emotion-oriented coping): первый способ направлен на рациональный анализ проблемы, связан с планированием, из-

менением и разрешением трудной ситуации, второй – на регуляцию эмоционального состояния, на изменение способа интерпретации ситуации. Развивая идеи Р. Лазаруса и С. Фолкман, Ч. Карвер (Ch. Carver) дополнил способы копинга еще одним – дисфункциональным и, первым обнаружил связь между устойчивыми способами копинга, названными им диспозиционными стилями копинга, и ситуативными стратегиями Р. Лазарус и С. Фолкман при корреляционном анализе. Следует отметить, что первоначально основатели динамического подхода отрицали таковую гипотезу.

В рамках становления психологии совладающего поведения в отечественной науке стилевой аспект копинга относится к области исследований ряда ученых – Т.Л.Крюкова, Е.В.Куфтяк, М.А.Холодная и др. Согласно представлениям Костромской школы психологов и, в частности, Т. Л. Крюковой, копинг-стили есть привычные способы, используемые индивидами в стрессовых ситуациях, являющиеся более устойчивыми, обобщенными личностными (диспозиционными) образованиями объединяющими наиболее часто применяемые копинг-стратегии. Исходя из указанного понимания стиля копинг-поведения основываясь на типологии способов копинга Р.Лазаруса и С.Фолкман, Т.Л.Крюкова, рассматривает три базовых стиля: 1) проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы, связан с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляется в таких формах поведения, как самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации; 2) эмоционально - ориентированный стиль является следствием эмоционального реагирования на ситуацию и проявляется в виде погружения в собственные переживания, самообвинении, вовлечении других в свои переживания; 3) избегание как стиль совладания проявляется в виде ухода от проблемы, попыток не думать о проблеме вообще, желания забыться во сне, растворить свои невзгоды в алкоголе или компенсировать отрицательные эмоции едой, спрятаться за спиной компетентных людей, гарантирующих социальную поддержку, нередко это поведение характеризуется наивной, инфантильной оценкой происходящего, порой являясь проявлением антиципации угрозы и осторожное поведение. Нередко, указанные стили называют соответственно продуктивным, непродуктивным и избеганием (Е.В.Куфтяк и др.)

Вклад Т.Л. Крюковой в понимание стиля копинга заключается, по нашему мнению, в ведении активности как детерминанты, предопределяющей выбор способа копинг-поведения, его стратегий. Так,

данный ученый отмечает, что стиль совладающего поведения не является пассивным интегратором внутренних и внешних условий существования человека, хотя и представляет собой результат аккумуляции наиболее типичных способов сознательного поведения в трудной жизненной ситуации, сформировавшихся у субъекта и не может произойти при пассивной позиции индивида и включает не только (и не столько) приспособительную активность, но активность, преобразующую окружающий мир (ситуацию), и себя как субъекта этой активности.

Альтернативное выделение стилей копинга предлагает, М. А. Холодная, понимая копинг-стиль как тенденцию действовать определенным и последовательным образом в трудных ситуациях, в зависимости от того, как ту или иную ситуацию оценивает сам человек, – в какой мере он воспринимает ситуацию как объективно разрешимую или неразрешимую и свои возможности с ней справиться или не справиться (в терминах опросника ACS): проблемно-ориентированный стиль (ситуация разрешима и могу справиться); мобилизационный стиль (ситуация неразрешима и могу справиться); социотропный стиль (ситуация разрешима и не могу справиться); эмоционально-доминантный стиль (ситуация неразрешима и не могу справиться).

Стилевой аспект изучения копинга наиболее близок Пермской научной психологической школы В.С.Мерлина – Б.А.Вяткина. В рамках представлений данной школы копинг-поведение, согласно научным взглядам А. А. Волочкова, является сложным комплексом активности субъекта в сочетании с его индивидуальными особенностями и опытом, где в противодействии стрессу участвует не только личность – активна вся индивидуальность, а стиль целостной активности субъекта в условиях стрессовой ситуации является механизмом той или иной копинг-стратегии.

На сегодняшний день вопрос актуальности исследования копинг-стиля дискуссионный. Так, Л.И.Вассерман, В.А.Абабков, Е.А.Трифоновна заключили, что копинг стиль имеет слабую прогностическую ценность в отношении специфических эпизодов стресса, однако отмечают, что если исследователь ставит задачу по прогнозированию результатов в более глобальной перспективе, стилистические особенности копинга могут оказаться высокопрогностическими (на примере вероятности нарушения психосоциальной адаптации из-за инвалидизации). Е.А.Сергиенко, А.Л.Журавлев, напротив, отмечают, что среди феноменов изучения стресса стилевой аспект копинга остается недостаточно изученным и перспективным.

Таким образом, по нашему мнению, альтернативный взгляд на стилевой аспект копинг-поведения и преодоление ряда критических оценок возможны при обращении в качестве теоретико-методологического основания для исследований данного предмета к теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина и концепции целостной активности субъекта бытия А.А.Волочкова, где копинг рассматривается как форма активности субъекта, а стиль активности рассматривается как системное, многоуровневое и многокомпонентное образование, обусловленное определенными симптомокомплексом разноуровневых свойств интегральной индивидуальности.

V.A. Ledentsova

assistant of social work department,

Perm State University,

assistant of practical psychology department,

Perm State Humanities Pedagogical University

TO THE QUESTION ABOUT COPING-STYLE

The researches of coping-style are more than fifty years. There are many definitions (K.Menninger; V.Vaillant; T.Kroeber, N.Haan, J.A.Schaefer, R.H.Moos, R.Lazarus, S.Folkman and others) and classification (T.Kroeber; N.Haan, R.Lazarus, S.Folkman, T.L.Krucova, M.A.Holodnaya and others) of coping-style, but this research area is actual and promising in our country in views of E.A.Sergienko and A.L. Juravlev. Thus, in our opinion, an alternative view of the stylistic aspect of coping and overcoming a number of critical assessments are possible when applying as a theoretical and methodological basis for research of this subject to the theory of integral individuality(V.S. Merlin) and the concept of integral activity of the person (A.A. Volochovcv), where coping is seen as a form of activity, and the style of activity is considered as a system, multi-level and multi-component structure, determine to certain a certain set of features the combination of manifestations of multilevel properties of integral individuality.

В.Е. Макаров,
д. полит. н., профессор,
профессор кафедры социальных технологий,
Российский государственный социальный университет
г. Москва

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОМИНИРОВАНИЯ
С БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА
НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА**

За всю многовековую историю у России никогда не было легких, проторенных путей, гарантирующих безопасность государственности, благополучия семьи, защищенность главного достояния - российского гражданина и человека.

Мы всегда были на перепутье трех дорог, в поисках непростого, зачастую трагического выбора – «идти на ВЫ», подчиниться обстоятельствам или пойти на вынужденный компромисс, дающий иллюзию безопасности и благополучия.

Вот и у будущего России три вектора развития:

- открыть Россию для внешней этнической экспансии и получить через некоторое время другую страну с другим народом;
- пустить процесс на самотек, прикрывшись удобным и универсальным тезисом «защиты прав человека», добавив к этому аргументы о мировых тенденциях изменения института семьи, снижения рождаемости;
- сломать навязанные стереотипы и сохранить Великую Россию как государство с исторически сложившимся этносом, как многонациональную общность носителей уникальных культурных и интеллектуальных ресурсов, без которых немыслима мировая цивилизация.

В осмыслении этого третьего пути развития интегративное значение имеет решение задачи жизнеобеспечения и защиты человека. Вот это свойство российского дискурса следует выделить отдельно. Сегодня общество не располагает именно таким теоретическим обоснованием: как обеспечить в исторически приемлемые сроки образование для всех, благополучие для всех, безопасность для всех граждан и народов России. Причина такого свойства дискурса в отсутствии кон-

солидации и сосредоточения общества, в отсутствии, прежде всего, объединяющей российской идеологии. Ключ, это решение проблем социальной безопасности и благополучия человека и семьи, общества и государства.

По мнению многих исследователей, главным итогом глобального анализа гуманитарных взаимодействий народами России и многих стран мира стало оформляющееся понимание смысла личной, общественной, национальной, региональной и международной безопасности как социальной безопасности человека, как социальной безопасности для всех, для каждого человека.

Итогом такого осмысления сути всех перемен в стране и в мире стало конструктивное творчество в сфере строительства новой архитектуры безопасности Российской Федерации. Именно социальная безопасность каждого человека (социальная безопасность для всех) может стать конструктивным ядром для строительства и всеобщей безопасности.

Первое десятилетие XXI века оформило потребность человеческого сообщества в новых моделях безопасности. Это связано с востребованностью нового качества безопасности, ее динамики; наличия учета особенностей в изменении субъекта и объекта безопасности. При этом ориентация идет на характер научной парадигмы, которая содействует как исследованию самого феномена новой безопасности, так и среды безопасности. Все эти проблемы могут быть сведены к следующим программным положениям: «Выживание человека на Земле, сохранение его как биологического вида потребует смены основных цивилизационных парадигм, новой структуры целей и ценностей человеческой деятельности».

С учетом новых опасностей и угроз, и прежде всего для России, важно рассмотреть возможность конструктивно и своевременно осуществить программу обеспечения социальной безопасности современной России.

Основное внимание во многих вариантах возможных стратегий социальной безопасности обращено на необходимость перераспределения доминирования с социальной безопасности государства на социальную безопасность человека.

Социальная безопасность человека становится всеохватывающим условием, связывая воедино тенденции развития человека, личной безопасности, его прав и свобод. Национальной безопасности недостаточно для осуществления гарантий социальной безопасности человека. Индивидам необходима защита от произвола власти (госу-

дарства) через верховенство закона, через защиту насущной сути человеческой жизни, через обеспечение человеческого достоинства и вопросов культуры, веры и любви.

Потенциал науки, новых информационных технологий может содействовать в коренном преобразовании стратегии осуществления социальной безопасности человека: в переходе от пассивных стратегий реагирования (вызов - ответ, опасность - ответ, угроза – ответ) к эффективным стратегиям превентивности и предотвращения – к новой культуре безопасности, основанной на культуре мира, диалоге людей, культур и цивилизаций; к культуре предотвращения.

Социальная безопасность человека начинается с понимания исходного факта, что сам человек активный участник обеспечения своей безопасности и безопасности других людей. Способность каждого человека действовать в сфере безопасности от своего имени, а также от имени других людей является важнейшей особенностью новых подходов к современному пониманию безопасности XXI века.

По итогам комплексного исследования безопасности человека в XXI веке, осуществленного рядом исследователей в нашей стране и за рубежом, был сделан вывод о том, что безопасность человека ставит людей на центральное место, фокусируя внимание институтов на людях и сообществах повсюду. Подход к безопасности человека призывает усилить и перенаправить политику и институты, при этом помещая человека в центр внимания. Права человека и развитие человека переориентировали правовые, экономические и социальные действия, чтобы рассмотреть цели с перспективами их влияния на людей. Подход к безопасности человека признает взаимозависимость и взаимосвязи между миром людей и строится на этом, стараясь продвигаться вперед к альянсам, которые совместно могут обладать гораздо большей силой.

Итоги отечественных и зарубежных исследований по социальной безопасности человека содействовали, как представляется, обоснованию возможности безопасности по нескольким направлениям.

Во-первых, обоснование социальной безопасности человека как глобальной цели в контексте целей в области развития, сообщает концептуальным основам новой безопасности XXI века весь интеллектуальный потенциал и научное сопровождение во всех странах.

Во-вторых, исследование устойчивой и взаимообусловленной, всесторонней связи социальной безопасности человека и развития человека достаточно полно и обоснованно вводит в процесс движения к безопасности для всех реальный потенциал политологической науки.

В-третьих, важность зависимости состояния социальной безопасности человека от уровня и качества его образования состоит в том, чтобы дети, молодежь и взрослые имели возможность приобретать знания и навыки, необходимые для повышения уровня и качества жизни и участия в создании более мирного и равноправного общества.

Итоги этих исследований явились важнейшей гуманитарной инновацией.

Кардинальная трансформация моделей мира, мироустройства и миропорядка в XXI веке актуализирует изучение взаимодействий состояния и изменений социальной безопасности с учетом влияния внешней и внутренней среды.

Как известно, национальная безопасность, это ключевое, базисное понятие, характеризующее защищенность и развитие всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, их целей, идеалов, ценностей, интересов от внутренних и внешних угроз, способность противодействовать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям, закономерностям мирового и национального развития. Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа.

Социальная безопасность это основной вид национальной безопасности, представляет собой состояние общественных отношений, обеспечивающих защищенность и устойчивое развитие жизненно важных социальных интересов личности, социальных групп, общностей и общества, и государства от внешних и внутренних угроз в реальных условиях социально-политического и социально-экономического развития страны. Основными опасностями, вызовами и угрозами социальной безопасности Российской Федерации в современных условиях являются: углубление социального расслоения общества, социальная поляризация населения, критический рост разрыва в доходах между слоями самых богатых и самых бедных граждан, торможение процесса формирования среднего слоя как основы социальной стабильности, люмпенизация и маргинализация значительной части населения; высокий уровень социальной агрессивности в стране, значительные масштабы распространения социального экстремизма, девиантного поведения; усиление неконтролируемой массовой миграции из ближнего и дальнего зарубежья, нарушение этнической и демографической стабильности в стране, формирование новых межэтнических противоречий, усиление этнической преступности; ухудшение состояния здоровья населения, нарастание тенденций депопуляции;

широкомасштабное распространение криминогенных процессов в обществе, усиление влияния организованной преступности в обществе; длительное сохранение широкомасштабных социальных конфликтов на основе этнических, конфессиональных, социально-экономических, трудовых противоречий с массовыми (в том числе противоправными) формами проявления; высокий уровень социальной апатии, размывание социальных идеалов и ориентиров у значительной части населения, в том числе молодежи.

Рассматривая защиту целей, идеалов, ценностей, интересов личности, общества и государства как высший приоритет внешнеполитического курса России, Концепция внешней политики РФ в качестве одной из главных целей международной деятельности провозглашает обеспечение надёжной безопасности человека, социальных групп, общества и государства, сохранение и укрепление его суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы.

V. E. Makarov,
the doctor of politic sciences, professor of the department of social technologies of the Russian State Social University

THE METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE NEW PARADIGM OF SECURITY: NEED FOR REDISTRIBUTION OF DOMINANCE FROM THE SECURITY OF THE STATE TO THE HUMAN SECURITY

In this article the main attention is paid to the need for redistribution of dominance from the security of the state to the human security through the transformation of strategy of passive reaction to effective strategies of preclusiveness and prevention.

*К.П. Малышев,
руководитель НПП «Антинаркотические программы»,
О.В. Корнева,
К.А. Лошкарева,
студентки IV курса специальности «Социальная работа»,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

**НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
«СХЕМА ПЕРЕНАПРАВЛЕНИЯ ЗАДЕРЖАННЫХ
НАРКОПОТРЕБИТЕЛЕЙ
В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗА ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ»**

Наркопотребление тесно связано с противоправным поведением. Помимо незаконного приобретения и хранения наркотиков, потребители наркотиков часто совершают хищения с целью приобретения наркотиков. Такие правонарушения отличаются высокой степенью рецидива.

Потребители наркотиков представляют собой закрытую уязвимую группу людей, которая не афишируется, а наоборот находится в тени, и не обращается в медико-социальные учреждения. Тем самым затрудняется их участие в профилактических мероприятиях. А именно в мероприятиях вторичной и третичной профилактики.

Свой доступ к данной социальной группе имеют сотрудники органов внутренних дел. Многие из наркопотребителей попадают в поле зрения органов внутренних дел, задерживаются и доставляются в дежурные части отделов полиции по подозрению в совершении противоправных действий. Момент доставления дает хорошую возможность для доступа к наркопотребителям и работы с ними в целях вовлечения в лечебно-профилактические мероприятия. Вовлечением в лечебно-профилактические мероприятия занимаются общественные организации. В Перми - это некоммерческое партнерство «Антинаркотические программы», работающее с потребителями инъекционных наркотиков, и являющееся мостиком между правоохранительными органами и медико-социальными учреждениями.

Активизация работы с наркопотребителями с целью профилактики и вовлечения в лечение в сотрудничестве с силовыми структурами и ведомствами в различных странах приходится на последнее десятилетие XX и начало XXI века. В Великобритании с 1930г., в США с 1972г. и в Австралии с 1999г. Это обусловлено как активным распространением наркопотребления, так и пристальным вниманием исследователей к его медико-социальным последствиям.

Такая форма работы в России впервые стала применяться с 2007г. в Воронежской, Челябинской, Иркутской, Московской областях, Пермском крае и Республике Татарстан.

В 2009 г. в Пермском крае стал реализовываться пилотный проект «Схема перенаправления потребителей наркотиков, задержанных правоохранительными органами, в государственные и общественные организации за медико-социальной помощью». Данный проект – это партнерская инициатива между общественной организацией и правоохранительными органами. Он способствует организации доступа к медико-социальной помощи лицам, задержанным органами внутренних дел по подозрению в совершении правонарушений (при наличии достаточных оснований предполагать, что правонарушитель употребляет наркотические средства и психотропные вещества). Схема направления на лечение реализуется в рамках партнерства между правоохранительными органами и организациями, оказывающими медико-социальную помощь наркопотребителям.

При реализации проекта используется технологическая схема, в которой консультирование задержанных наркопотребителей консультантом общественной организации осуществляется на территории отдела внутренних дел, после проведения всех оперативных мероприятий по отношению к ним и с их согласия. Объем консультации может быть самым различным: от простого знакомства и предоставления соответствующей информации, до детальной оценки и направления в соответствующие службы и учреждения к доверенным специалистам. Такая деятельность не является альтернативной производству по уголовному делу или делу об административном правонарушении, а лишь облегчает доступ задержанного к учреждениям, оказывающим медико-социальную помощь при наркозависимости.

В Пермском крае в 2010г. консультантами некоммерческого партнерства «Антинаркотические программы» были проконсультированы 150 задержанных наркопотребителей. При обработке анкет выявлено, что средний возраст клиентов-мужчин – 30лет, женщин – 27лет. Из всех клиентов проекта 53% состоят на наркологическом уче-

те. Более половины опрошенных уже имели на момент задержания судимость. Проконсультированным и проанкетированным задержанным было выдано 236 направлений к доверенным врачам и специалистам партнерских организаций. Воспользовались направлениями – 23 наркопотребителя.

Проект «Схема перенаправления потребителей наркотиков, задержанных правоохранительными органами, в государственные и общественные организации за медико-социальной помощью» является уникальным и инновационным с точки зрения социальной технологии взаимодействия силовой структуры и общественной организации. В «Схеме» общественная организация является доверительным каналом для наркопотребителя. Клиент должен поверить, что ему хотят помочь.

В процессе реализации проекта выявились определенные трудности. И главной трудностью проекта является «человеческий фактор», в результате которого получается уменьшенное количество вызовов консультантов дежурными сотрудниками отделов полиции. Это как из-за отсутствия узаконенных механизмов освидетельствования факта наркопотребления отделами внутренних дел, так и из-за отсутствия должного оборудования для этого освидетельствования.

Данный проект по схеме перенаправления возможно использовать как профилактическую технологию в подразделениях органов внутренних дел, а также в системе исполнения наказания, применяя ее к потребителям наркотиков, осужденным и отбывающим срок условно.

Д.А.Манаков,

к.ф.н., доцент кафедры истории и психологии,

Кемеровская государственная медицинская академия Минздрава РФ,

г.Кемерово

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ «ОБЩЕГО БЛАГА»

В правовой, экономической, политической и социально-философской теории выделяется понятие «общего блага», противостоящее благу партикулярному, частному. Общественная безопасность считается одним из бесспорных «общих благ», а некоторыми

теоретиками либерального толка — единственным. В этой связи возникают два вопроса: во-первых о сути самого понятия «общее благо», а во вторых о месте которое занимает «общественная безопасность» среди «общих благ». Данная работа представляет собой попытку ответа на первый вопрос.

Понятие «Общее благо», а также созвучные ему по смыслу понятия «всеобщее благо», «общий интерес», «общая польза», «общая воля» с древности занимают довольно значительное место в философском осмыслении социально-политических проблем. Сие не удивительно, поскольку эти понятия неразрывно связаны с попытками осмыслить сущность общества и государства, что вообще то и является предметом социально-философского дискурса.

Уже Платон в «Законах» указывает, что истинное искусство государственного правления печётся не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разывают государство. Показательной здесь является мысль Платона, о том, что «общее благо» приоритетно для государства только в том случае если «общее устроено лучше, чем частное». Однако тогда возникает вопрос, что выступает критерием и кто выступает судьёй, уполномоченным решать, устроено лучше частное или общее. В работе «Государство» Платон даёт основание для понимания целей государства, как совокупности интересов каждого или некоего синтеза индивидуальных интересов: «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства». Однако, чуть далее Платон чётко расставляет акценты в пользу приоритета государственных интересов, понимаемых как интересы «общего блага»: «Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так чтобы лишь кое-кто в нём был счастлив, но так чтобы оно было счастливо всё в целом». Хочется обратить внимание, что Платон говорит не о счастье каждого гражданина государства, не о счастье всех граждан государства, а именно о счастье государства, как целого.

Подобное понимание вполне соответствует коллективистской социальной самоидентификации человека древнего мира, который как правило не отделял себя от своего рода, своей общины, своего народа, своей касты, своего государства. Даже житель античного полиса ощущал себя, в первую очередь, его гражданином, а уже, во вторую, самостоятельной личностью. Для Платона благо государства неотрывно от понятия о Благе, Истине и Красоте вообще, которое носит всеобщий

характер. Таким образом, «общее благо» по Платону, с одной стороны изначально присуще человеческому обществу и государству, которые античный мыслитель не разделяет, а с другой стороны, оно носит характер утопического идеала. Утопичен этот идеал, прежде всего, в силу умозрительности своего формулирования, игнорирующей наличие серьёзных социокультурных различий между людьми, индивидуальность человека, его иррациональность. Таким образом, Платона можно читать основателем сразу двух подходов к «общему благу» консервативного и социально-утопического. Консервативный подход опирается на тот факт, что само наличие общества и государства уже является «общим благом» для его жителей, необходимым условием их существования.

Социальный же утопизм, рассматривает «общее благо» как некую далёкую цель, некий идеал. И хотя социальный консерватизм опирается на прошлое, пытается сохранить «статус кво», или даже вернуться назад в «золотой век», а социальный утопизм нацелен в «светлое будущее» однако между ними имеется и значительная общность, которая как раз подчёркивается фигурой Платона. Эта общность состоит в тотальности и коллективизме обоих подходов. Тотальности и коллективизме укоренённом в якобы единственности и неотъемлемости предлагаемых интерпретаций «общего блага» для человека. А поскольку предлагаемое понимание «общего блага» предстаёт как единственно возможное, единственно разумное, единственно правильное, постольку оно становится обязательным для всех членов социума и воплощается в коллективистском государстве. Вместе с тем, данный идеал играл и зачастую продолжает играть значительную роль в социально-политическом, а следовательно и социально-философском, дискурсах, поскольку фиксирует и поддерживает сложившуюся коллективистскую национально-культурную и национально-государственную самоидентификацию людей. В связи с этим эта позиция с античных времён не раз воспроизводилась в той или иной форме. Как представляется, однако, наиболее адекватным образом понимание «общего блага» как абстрактного идеала представлено в христианской традиции, где, во-первых, фиксируется его «всеобщность», что поддерживает общечеловеческую самоидентификацию; во-вторых, закрепляется его идеальность и недостижимость в этом мире, что исключает какие либо попытки его полного воплощения и, следовательно, навязывания людям вопреки их социо-культурным и индивидуальным особенностям; в-третьих, постулируется трансцендентность этого идеала, в противоположность умопостигаемости «об-

щего блага» в платонисткой философской традиции, что не позволяет кому либо приватизировать знание «общего блага», объявить себя его единственным носителем. Тем самым христианская позиция порывает с социально-утопическим пониманием «всеобщего блага», поскольку не предполагается попыток его достижения в этом мире. Именно на такой логике базируются рассуждения Фомы Аквинского и социальная доктрина католической церкви.

Новое время характеризуется серьёзным изменением социально-философского дискурса. После Возрождения и Реформации, в ходе буржуазных реформ и революций ведущее место в социально-политической сфере постепенно начинают занимать представители третьего сословия, для которых приоритетными являются личные утилитарные интересы, а не интересы некоей социальной общности или государства. Само содержание товарно-денежных отношений требует, чтобы буржуа заботился в первую очередь о собственной выгоде, не обращая особого внимания на интересы общества или государства. Рынок стремиться стать, как можно более глобальным преодолевая государственные границы в передвижении товаров и капиталов. Соответственно, меняется парадигма обсуждения «общего блага» в социально-философском дискурсе. Речь идёт уже не об «общем благе» как всеобщем и государственном идеале а о «общем интересе» и «общей пользе», как совокупности интересов и польз индивидуальных, о справедливом распределении «общественных благ» на которые все имеют «общее право», об «общей воле», которая формулирует это «общее право» и механизмы справедливого распределения «общественных благ». «Общее благо», «общая польза», «общий интерес» в этом контексте предстают не как абстрактный идеал, а как конкретная цель социального взаимодействия, воплощаемая как самой паутиной социальных связей, носящих во многом договорной характер, так и государством. При этом, индивидуальное благо, индивидуальные цели и интересы, обобщаемые в «общем благе», «общем интересе» могут трактоваться как исключительно практические, как в утилитаризме Бентама и Милля, а могут интерпретироваться более глубоко и широко как в теориях общественного договора Локка и Руссо.

Из веры в рациональность человека вытекает осмысление этого вопроса в Немецкой классической философии, и в первую очередь Иманнуилом Кантом. Сами понятия «общее благо», «общий интерес» не из лексикона Кенигсбергского мыслителя. Однако деонтологическая этика Канта, основывающаяся на категорическом императиве практического разума, как общечеловеческом основании нравственно-

сти обосновывает, тем самым, само гражданское общество и правовое государства, как «общее» и даже «общечеловеческое благо». «Общее благо» так понимаемое, в качестве гражданского общества и правового государства фактически выступает в социально-философском дискурсе как регулятивный принцип, как критерий адекватности социально-политической организации природе человека.

В гегелевской философии развёртывания абсолютного духа само это развёртывание выступает как смысл, цель и благо для самого абсолютного духа и всех и каждого из моментов его развития. Одним из таких неотъемлемых моментов развёртывания самосознающего абсолютного духа выступает «объективный дух» или социум, который является антитезисом духа субъективного и более высокой или уж, по крайней мере, неизбежной, ступенью по отношению к нему. Соответственно, «объективный дух» это объективное и неизбежное «общее благо» для каждого «субъективного духа». Объективный дух у Гегеля развёртывается в триаде «право-мораль-нравственность». В свою очередь нравственность развёртывается в триаде «семья - гражданское общество – государство», где синтезом и вершиной развёртывания выступает государство, а семья и гражданское общество являются лишь первыми ступенями этого процесса, впрочем, как и право и мораль являются лишь предпосылками развития нравственности. Таким образом, нравственность хотя и является, по Гегелю, единством сферы абстрактного права, в которой действует «свободная» воля субъектов и сферы субъективной морали, однако её реальное содержание представлено иерархией социальных институтов, среди которых центральную роль играет государство как «действительность конкретной свободы».

Итак, в рамках исторического развёртывания социально-философского дискурса по проблеме «общего блага» можно выделить три основные линии, совпадающие с основными социально-политическими позициями. Во-первых, консервативная точка зрения, опирающаяся на неотъемлемую социальность человеческой природы. С этой позиции «общим благом» является само человеческое общество и конкретные формы его организации, и, прежде всего, государство. Вторая, социально-утопическая позиция предполагает, что «общее благо» есть некий социальный идеал, который, тем не менее, может и должен быть достигнут. Наконец третий, либеральный, подход рассматривает «общее благо» как конкретную цель конкретных социальных взаимодействий. Однако у всех трёх подходов есть нечто общее и состоит оно в убеждении в реальности или возможности «об-

щего блага». В свою очередь само это убеждение базируется на некоторых предпосылках, а именно убеждении в единстве человеческой природы, убеждений в имманентной социальности и рациональности человека. Либеральный подход, наиболее ярко демонстрирует внутреннее противоречие между социальными и индивидуальными аспектами человеческой природы, которое в рамках этого подхода также пытаются примирить опираясь на присущую всем людям разумность. Всё вышесказанное в равной степени относится и к общественной безопасности как конкретной, а может быть, и единственной форме «общего блага».

Ю.М. Махдиева,
*к.э.н., доцент кафедры финансов и страхования,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала*

ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

В современных условиях социальная защита населения является неотъемлемой частью социальной политики любого цивилизованного государства. Системы социальной защиты существуют во многих странах мира. В экономически развитых государствах они являются важнейшей частью национальной экономики.

Как социально-экономическая категория социальная защита представляет собой отношения по перераспределению национального дохода в целях обеспечения установленных социальных стандартов жизни для каждого человека в условиях действия социальных рисков.

Обязательное социальное страхование является важнейшим институтом социальной защиты населения, представляющим собой совокупность социально-страховых отношений по обеспечению управления социальными рисками общества путем перераспределения средств, собранных на эти цели в обязательном порядке и аккумулированных в специализированных внебюджетных страховых фондах.

Мировой опыт показывает, что эффективное решение социальных проблем общества возможно не только через механизм обязательного социального страхования, но и через активное содействие

страховых компаний, работающих в секторе добровольного страхования.

В настоящее время страховщики могут предложить такие страховые продукты, которые способны заменить многие государственные социальные программы. Рост спроса на подобные продукты способен обеспечить снижение нагрузки на государственный бюджет и, что не менее важно, обеспечить должный уровень социальной ответственности граждан перед самими собой. Под социальной ответственностью в данном контексте понимается готовность индивидуума самому позаботиться о себе в случае возникновения в его жизни каких-либо неблагоприятных событий, не полагаясь только лишь на государственную помощь.

Развитие добровольного страхования созвучно основным приоритетам современной социальной и экономической политики российского государства. Вместе с тем, данный процесс в нашей стране сопровождается определенными трудностями. К основным проблемам развития добровольного страхования в России можно отнести следующие:

- недоступность для широких слоев населения вследствие высоких цен на страховые услуги;
- отсутствие действенных инструментов государственной поддержки развития сектора добровольного страхования;
- недостаточная осведомленность населения о продуктах и услугах, предлагаемых на страховом рынке;
- отсутствие эффективного механизма защиты прав страхователей.

Решение первой проблемы зависит не только от повышения уровня доходов населения, но и от эффективной организации финансового менеджмента в страховых компаниях. Так, снижению стоимости страховых услуг может способствовать оптимизация расходов страховщика на ведение дела.

Страховая отрасль является специфической сферой экономических отношений и нуждается в постоянном государственном регулировании. При этом важное место в системе мер государственного регулирования страхования занимает механизм государственного стимулирования развития страхового бизнеса. Однако, в России в настоящее время такой механизм попросту отсутствует. В последние годы наше государство идет по пути введения все большего числа обязательных видов страхования, по сути, принуждая граждан заключать

договора страхования. Естественно, это ведет к росту количественных показателей страхового рынка, однако практически не оказывает влияния на качественные характеристики российского страхования. Большинство граждан не воспринимают добровольное страхование как действенный инструмент защиты их интересов.

Представителям страхового бизнеса и государству необходимо особое внимание обратить на проблему повышения страховой культуры населения, целесообразно также пересмотреть меры государственного стимулирования страхователей.

И, наконец, важно понимать, что устойчивое развитие страхового рынка невозможно без построения действенной системы защиты прав страхователей. На рынке добровольного страхования довольно часто возникают конфликты между продавцами и потребителями страховых услуг в связи с неправомерной задержкой или отказом в выплате страхового возмещения. И тут, как правило, страхователь оказывается в менее выгодном положении, поскольку он является лицом неподготовленным, плохо разбирающимся во всех тонкостях страховых правоотношений, а за страховыми компаниями стоят грамотные специалисты. Принятое недавно пленумом Верховного суда решение, которое распространило действие Закона «О защите прав потребителей» на страховую деятельность, вряд ли станет панацеей для страхователей. Дело в том, что страховая услуга является весьма специфическим товаром, что может существенно ограничить распространение действия Закона «О защите прав потребителей» на страхование. Необходимо законодательное закрепление норм, регламентирующих защиту интересов страхователей и ответственность продавцов страховых услуг (страховых компаний и посредников) за нарушение прав своих клиентов. При этом данные нормы должны быть четко прописаны в действующем законодательстве о страховании, прежде всего, в соответствующей главе Гражданского Кодекса РФ и в Законе «Об организации страхового дела в РФ», а также в законах, регламентирующих проведение отдельных видов страхования.

Таким образом, современное состояние и тенденции развития добровольного страхования в России свидетельствует о необходимости качественного повышения его роли в социально-экономической системе государства. При грамотном подходе добровольное страхование может влиять на степень государственного участия в обеспечении социальной защиты населения, тем самым, способствуя изменению роли государства в экономическом развитии страны.

J.M. Makhdieva
*the candidate of economic sciences,
docent of finances and insurance department,
Dagestani State University*

VOLUNTARY INSURANCE IN SOCIAL PROTECTION SYSTEM OF POPULATION

In this article are examine concept of social protection system of population. To describe a role of voluntary insurance in social protection system of population. To revealed main problems of voluntary insurance development in Russia.

Е.Н. Митрофанова,
*аспирант кафедры практической психологии,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь*

ПРЕДСТАРТОВОЕ СОСТОЯНИЕ СПОРТСМЕНА КАК МОДЕЛЬ РЕАГИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ*

* Статья подготовлена в рамках проекта Ф-27 программы стратегического развития ПГПУ

Существует мнение, что реакция на стрессовую ситуацию во многом обусловлена нейродинамическими, психодинамическими характеристиками индивида, а также актуальным психическим состоянием. Эта точка зрения получила подтверждение в нашем исследовании. В данном случае мы исследовали спортсменов в ситуации соревнований. Спортивные соревнования традиционно рассматриваются как случай экстремальной ситуации, т.к. требуют высокой мобилизации всех систем организма. Нами изучались предстартовые состояния (по А.Ц. Пуни: «боевая готовность», «предстартовая лихорадка», «предстартовая апатия»), нейродинамика (по Грью-Уилсону: система торможения поведения, система активации поведения), психодинамика (по Г. Айзенку: экстраверсия, нейротизм) и психическое благопо-

лучие (по Голдбергу) спортсменов разных видов спорта, возраста и уровня спортивного мастерства. Между изучаемыми параметрами были получены значимые корреляции. Так предстартовое состояние «боевой готовности» (БГ) положительно связано с психическим благополучием ($r=0,19$, $p<0,05$) и экстраверсией ($r=0,26$, $p<0,01$); отрицательно с системой торможения поведения (СТП; $r=0,31$, $p<0,001$) и нейротизмом ($r=0,19$, $p<0,05$). Предстартовое состояние «лихорадки» (ПЛ) положительно связано с системой торможения поведения ($r=0,35$, $p<0,001$) и нейротизмом ($r=0,28$, $p<0,001$); отрицательно с психическим благополучием ($r=0,26$, $p<0,01$) и экстраверсией ($r=0,20$, $p<0,05$). Предстартовое состояние «апатии» (ПА) положительно связано с системой торможения поведения ($r=0,21$, $p<0,05$) и нейротизмом ($r=0,23$, $p<0,01$); отрицательно с психическим благополучием ($r=0,20$, $p<0,05$) и экстраверсией ($r=0,25$, $p<0,01$).

СТП и САП (система активации поведения) по Дж. Грею лежит в основе таких типичных состояний как БГ, ПЛ и ПА (которые диагностировались опросником Предстартовых состояний разработанным нами и прошедшим необходимую психометрическую проверку). Было достоверно установлено, что состояния ПЛ и ПА определяются СТП. По логике, САП должна была быть связана с состоянием БГ, но в ходе эмпирического исследования этого не было обнаружено. Это связано с недостаточным определением конструкта САП. По Дж. Грею САП распадается на две системы: «Система активации поведения приближения» и «Система поведения активного избегания», позже он добавляет третью систему «Борьбы и бегства». То есть САП распадается на вида поведения противоположных направлений, а третья система, по сути, дублирует САП. При адаптации опросника Грея Князев указывает на то, что «эмпирические данные подтверждают представления, заложенные Греем в конструкт СТП, два же других конструкта теории Грея нуждаются в модификации. Существование системы борьбы и бегства не подтверждается результатами факторного анализа, САП же является не унитарным, а сложным конструктом, состоящим из нескольких компонентов».

Исходя из полученных результатов, можно предположить, что СТП является некой точкой «сдерживания» поведения, в силу проявления базовых эмоций страха и стыда (состояния предстартовой «лихорадки» и «апатии»). «В каждом случае страха действия имеет место прекращение действия. Из того, что действие становится невозможным, не следует, что оно исчезает; оно сдерживается самим пациентом». Система активации поведения «Борьба» представляет собой

направление приближения к объекту потребности, именно здесь и проявляется возможность саморегуляции (состояние предстартовой «готовности»). А система активации поведения «Бегство» представляет собой отказ от возможной регуляции, проявляется в виде «бегства от себя», в случае невозможности принятия травмирующих переживаний, обусловленных также чувством страха и другими базовыми эмоциями при нехватке психологических ресурсов. «Это неотъемлемое установки страха – прекратить характерное для объекта действие и осуществить обратный ему акт, убежать от объекта, вместо того, чтобы к нему приблизиться... Страх перед объектом приводит к реакции удаления объекта путем его разрушения или посредством бегства».

Таким образом, возможно выделение типичных моделей реагирования индивида на стрессовые ситуации. Первый – торможение поведения, второй – активация поведения (борьба с негативными факторами), третий – «бегство». Данные модели поведения типичны и характерны не только для спортивной деятельности, но и в целом отражают способы реагирования людей на ожидание ситуации взаимодействия, в том числе и социально опасной. Полученные данные мы можем распространить на более широкий круг социальных ситуаций, чем спорт. Диагностируя особенности психических состояний человека в момент социально опасных ситуаций (как объективно опасных, так и субъективно), мы можем спрогнозировать возможные варианты реагирования (при диагностике мы просим человека вспомнить и оценить его состояние в ситуации предвзаимодействия с «угрозой»).

Мы показали не просто возможность выделения типов реагирования людей в стрессовых ситуациях, но возможность построения модели, структура которой находит эмпирическую поддержку в ходе проверки конструктивной валидности соответствующего диагностического инструмента.

E.N. Mitrofanova

*post-graduate of the Department of practical psychology
Perm state humanitarian - pedagogical University*

THE PRE-STARTING STATE OF SPORTSMEN AS A MODEL RESPONSE OF THE PERSON IN EXTREME SITUATIONS

In the article theoretically and empirically substantiate the existence of certain models of the reaction of people in situations of expectations of

social interaction. For the example of the sports activity shows features of these models and their dependence on different properties of the individual.

Ю.С. Моздокова,
*д. пед. н., профессор,
профессор кафедры социальных технологий
Российский государственный социальный университет,
г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современный период глубоких политических и социально-экономических преобразований в России возникают новые общетеоретические и политические проблемы, связанные с развитием государственности, демократизацией и консолидацией регионов в деле достижения социальной безопасности общества. Эта задача может быть решена при условии активного сотрудничества и конструктивного взаимодействия государственных и негосударственных организаций, всех прогрессивных сил в русле цивилизованной политико-правовой парадигмы. Без этого условия невозможно оптимизировать взаимодействие субъектов Российской Федерации, их активное сотрудничество в реализации приоритетных национальных проектов и федеральных целевых программ как основы укрепления единства Российской Федерации и политики эффективного административного регионального управления.

Современное толкование социальной безопасности Российской Федерации подразумевает способность обеспечения безопасности интересов личности и общества на всех уровнях: международном, государственном, региональном, местного самоуправления. Таким образом, безопасность представляет собой сложный, многоаспектный, многоуровневый феномен, который может рассматриваться как общественное явление, как теория и процесс, как показатель состояния внешних и внутренних интересов государства, интересов регионального сообщества и отдельных групп населения, проживающих в конкретном муниципальном образовании.

Ведущая роль в системе обеспечения социальной безопасности принадлежит государству. Эта функция закреплена за ним с момента его создания. Однако, рассматривая проблему обеспечения социальной безопасности федеративного государства, нельзя не отметить, что большое значение в процессе обеспечения его безопасности и составляющих частей (субъектов Федерации) имеют региональные органы власти и органы местного самоуправления. Именно от их внутреннего состояния как структурных элементов Федерации зависит настоящее и будущее Российского государства.

Необходимо отметить, что до недавнего времени вся ответственность за состояние безопасности Российского государства в составе СССР принадлежала центральному правительству. Однако времена меняются, и сегодня все больше полномочий федеральное руководство Российской Федерации передает в регионы и в муниципалитеты. Пока это касается безопасности в экономической, финансовой, информационной, экологической, духовной и культурной сферах общественной жизни, но, учитывая результаты исследований, можно утверждать, что в будущем объем полномочий в обеспечении безопасности интересов личности и социальных групп на региональном уровне и в органах местного самоуправления будет увеличиваться. Об этом свидетельствует и позиция Президента России. В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации он отмечал: «Требуется достигнуть оптимального баланса полномочий между Федерацией и регионами. Мы ежегодно уточняем параметры этого разграничения. Один из главных критериев политической культуры и развития общества является увеличение объема полномочий региональных и местных властей... Все это, конечно, не означает, что федеральный центр снимает с себя ответственность за качество жизни в регионах. Но важно то, что система управления становится более гибкой и более близкой к людям. И что все больше решений принимается на местах. При этом ответственность перед обществом, безусловно, несут все - все без исключения - уровни власти». Правомерно полагать, что в скором будущем такая составляющая национальной безопасности, как социальная безопасность, будет в прерогативе не только федерального центра, но и региональных, и муниципальных органов власти Российской Федерации.

Очевидно, что в XXI веке будет преобладать мышление либерализма, которое уже сегодня оказывает сильное влияние на восприятие национальных интересов, ценностей и характера угроз им. В таком случае акцент, вероятно, будет перенесен на социально-политическую

стабильность государства и систему прав личности, о чем свидетельствуют события последних лет в большинстве регионов мира и научные исследования в этом направлении. Россия, как социальное государство (ст.7 Конституции РФ) призвано обеспечить доступность всем гражданам не только системы прав, но и результатов этих прав. Именно в этой связи новую жизнь получает социальная безопасность определенного региона. Признавая значимость данного научного направления в анализе проблем переходного периода цивилизации к новым мировым ценностям, следует согласиться с позицией некоторых исследователей и в частности, Ю.В. Родионова и А.Ю. Соколова, которые акцентируют внимание на социальной безопасности и трактуют ее как пересечение функциональных полей социальной сферы с политикой.

В современном информационно-технологическом глобализирующемся обществе все опасности можно свести в три основные группы: природно-экологические опасности, вызванные возможностью вредного воздействия на людей со стороны природной среды; техногенно-производственные опасности, связанные с накоплением человеком энергии в созданных им технологических объектах; антропогенно-социальные опасности, обусловленные спецификой восприятия человеком информации.

Если учесть, что данные проблемы достаточно абстрактны, то есть в них не конкретизированы объекты, истоки формирования той или иной опасности, методология их преодоления и технология перевода опасности в безопасность, то можно утверждать, что кроме классификации опасностей необходимо иметь социальные критерии их оценки и меры ответственности государственных или политических деятелей, руководителей местного самоуправления и различных организаций за незащищенность важных интересов личности и социальных групп.

Именно поэтому следует сконцентрировать внимание на понятии «социальная безопасность регионов».

Трудный путь становления модели федеральных отношений в Российской Федерации в условиях глубокого системного кризиса заставляет внимательно оценить место и роль современного региона в обеспечении социальной безопасности. Регион как объект безопасности находится в состоянии социальной безопасности, если он имеет возможность осуществлять меры по развитию социальной и информационной сферы, науки, образования и экономики без негативного внешнего воздействия, обеспечивать своих граждан жильем, продо-

вольствием, работой, защищать их здоровье, гражданские права и личные свободы. Кроме того, к социальной безопасности необходимо отнести возможность для региона добиваться социально-экономического развития, прогресса и социальной стабильности. Среди индикаторов социальной безопасности регионов наиболее приоритетными, могут являться: степень поддержки различными слоями общества социальных и экономических реформ, проводимых федеральными органами и региональными органами власти; уровень обеспокоенности населения правовой ситуацией в регионе; ранжирование социальных групп и слоев в регионе по их общественному статусу в обществе и разности их суммарных доходов; уровень жизни; миграция населения; демографическая ситуация; защищенность культурных потребностей населения; уровень здравоохранения; уровень образования регионального сообщества; развитие комплекса спортивных учреждений; этнический, конфессиональный состав населения и гармонизация межнациональных отношений;

Социальная безопасность учитывает влияние социальных факторов на политические процессы в регионе. В частности, культурно-образовательный уровень индивидов, уровень их жизни влияет на политическую социализацию, их политическую активность, способы политической деятельности. От этого напрямую зависит партийное строительство в регионе, которое способствует или, наоборот, препятствует нормальному развитию политической системы государства (региона). В Конституции РФ прописано, что в России существует многопартийная система, федеральные власти воплотили этот принцип многопартийности в Законе о политических партиях, в котором гарантируется участие в политической жизни широких слоев населения, а не только политической элиты. Так, в условиях, регламентированных новым Законом о политических партиях Российской Федерации, последние становятся в определенной степени зависимыми от социальных факторов, так как предъявляются жесткие требования к численности членов в региональных отделениях.

Таким образом, можно констатировать, что социальная безопасность региона - это состояние защищенности интересов личности и населения региона в социальной сфере, в результате совокупности мер политического, правового, экономического, социокультурного характера, позволяющих средствами государственной и региональной политики сохранять устойчивое и стабильное развитие региона. Объектом социальной безопасности региона являются узаконенные в обществе формы собственности и сложившаяся на их основе социальная

структура - классы, слои, группы, кланы, социальные общности, отсюда главный объект социальной безопасности - личность.

Следует особо подчеркнуть: социальная безопасность региона представляет собой социокультурное явление, так как она не может быть обеспечена только политикой и действиями официальных и неофициальных властных институтов региона. Она предполагает наличие благоприятных социокультурных условий: преодоление хронического системного кризиса, поразившего Россию и многие регионы; обеспечение подъема всех показателей основных сфер общественной жизни в их устойчивом конечном результате. Решение этих задач эффективно соответствует интересам социально-политической безопасности как субъекта Федерации, так и государства в целом, а также достижению такого уровня общественного сознания и общественной психологии, при котором официальная социально-экономическая политика, проводимая региональными органами власти, получает широкую общественную поддержку.

*J. S. Mozdokova,
doctor of pedagogic sciences, professor of the department of social
technologies of the Russian State Social University*

THE MODERN PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY OF THE REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

The region as an object of security is in the condition of social security, if it has the opportunity of taking measures of the development of social and informational spheres, science, education and economics without negative external action, the defence of civil rights and personal liberty.

*Е.Ю. Невельсон,
ст. преподаватель кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ВИД ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКИ

На сегодняшний день в учебных планах многих специальностей социально-гуманитарного профиля присутствует дисциплина, которая называется «Социально-психологический тренинг». Тренинги проводят с будущими психологами, журналистами, социальными педагогами, специалистами по социальной работе. Психологические тренинги – это предельно активная форма обучения, поэтому интерес к ним проявляют не только администрация учебных заведений, но и работодатели, грантодатели.

Однако, возникает ряд вопросов, касающихся целей проводимых тренингов, планируемых результатов, наконец, содержания тренингов, которое должно быть различным для разных профессиональных групп.

Для того чтобы получить ответы на поставленные вопросы, необходимо проанализировать имеющуюся литературу по изучаемому предмету.

В последнее время нет недостатка в количестве книг, выпускаемых разными издательствами по психологическим тренингам. Однако методические вопросы проведения тренинга освещают немногие авторы. Как правило, в таких работах достаточно места уделяется личному опыту автора, и это придает особую ценность тексту. Как правило, все авторы имеют различный опыт работы с самыми разными группами, в том числе студенческими. Далеко не всегда личные наработки того или иного автора могут быть полезными в случае конкретного тренинга.

Содержание термина «социально-психологический тренинг» весьма расплывчато. Чаще всего под ним подразумевают интенсивный курс обучения, сочетающий краткие семинары и практическую отработку психологических навыков за определенный короткий срок.

В отечественной литературе наиболее точное определение психологическому тренингу было дано Ю.Н.Емельяновым. Социально-психологический тренинг – это активное социально-психологическое обучение...натурная модель для изучения социально-психологических явлений и одновременно практическая лаборатория для формирования коммуникативных умений, наиболее важных в том или ином виде профессиональной деятельности. (цит. По Сидоренко, 2004).

Л.А.Петровская определяет тренинг как средство психологического воздействия, направленное для развития знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения.

Анализируя имеющуюся литературу, можно выделить несколько видов психологических тренингов, различающихся по своему содержанию.

1. Тренинги личностного роста.
2. Социально-психологические тренинги (тренинги общения, тренинги коммуникативных навыков)
3. Тренинги умений (обучающие тренинги, профессиональные тренинги, семинары-тренинги).

Несмотря на то, что границы этих видов тренингов могут быть условны, всё же выделим отличающие их признаки.

Тренинги личностного роста по своему содержанию наиболее приближены к психотерапевтическим группам. В них участники с помощью разных техник и специально подобранных ролевых игр получают возможность осознать и преодолеть свои психологические проблемы, которые препятствуют решению их жизненных и профессиональных задач. Д.М. Рамендик (2007), отмечая потенциальные возможности этого тренинга, пишет, что в нем «каждый участник с помощью других участников и тренера может понять свои неосознанные страхи, избавиться от внутренних барьеров, лучше узнать, как его воспринимают окружающие люди. Это позволяет выявить и в дальнейшем более эффективно применять свои положительные качества, сформировать более реальную оценку способностей, увидеть собственные ошибки и недостатки».

Социально-психологические тренинги (тренинги общения) направлены на то, чтобы научить участников эффективному поведению в различных ситуациях общения, развить у них соответствующие навыки. В эту группу, как правило, входят тренинги т.н. делового общения. По Е.В.Сидоренко, в СПТ рассматривается «такое общение, которое является средством для достижения внешней по отношению к

самому общению цели, а не самоцелью». Тренинги личностного роста и общения тесно взаимосвязаны и их нередко объединяют в комплексный социально-психологический тренинг.

Тренинги умений – это, пожалуй, самая противоречивая группа тренингов. Е.В.Сидоренко определяет профессиональный тренинг как тренинг для обучения определенным рабочим навыкам, необходимым для эффективности в данной профессии. Противоречивость же проявляется в том, что, с одной стороны эти тренинги по целям не отличаются от традиционного обучения, а с другой стороны, в них, безусловно, присутствует психологическая составляющая в той или иной пропорции (особенно если вспомнить, что эти тренинги проводятся для представителей профессий типа человек-человек). Поэтому определить четко границу отличающую, скажем тренинг делового общения от тренинга умений не всегда можно. На наш взгляд, в эту группу входят все многочисленные бизнес-тренинги, которые столь популярны и востребованы в наше время.

Методической литературы по конструированию и проведению психологических обучающих тренингов для представителей определенной профессии практически нет. Исключением является, пожалуй, только тренинги для учителей (Н.Самоукина,1997; Е.Н.Семенова,2002).

Вместе с тем, форма социально-психологического тренинга, на наш взгляд – это одна из лучших форм освоения именно социально-гуманитарных знаний, умений и навыков, так необходимых специалистам социального профиля. Поэтому остро встает вопрос о разработке научно-методических основ обучения специалистов социальной сферы новым гуманитарным практикам.

*Т.А. Никитина,
студентка философско-социологического факультета
Л.З. Зарипова,
ассистент кафедры психологии развития,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

СУПРУЖЕСКАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В последнее время значительно возросло внимание к проблемам брака и семьи. Общество интересуют вопросы: что происходит в семье, почему так часты разводы, отчего всё чаще семья ограничивается одним ребёнком, в силу каких причин множество мужчин и женщин, испытывающих потребность в любви и заботе, остаются одинокими. Сегодня мы отчётливо понимаем, что достижение самых возвышенных целей сопряжено с достижением личного счастья, и принцип «всё для человека» обретает плоть, прежде всего в семейном кругу. Поэтому так велик в настоящее время интерес к семье, как с научной, так и с практической точек зрения.

Вопросами супружеской совместимости в браке занимались такие исследователи, как Н.Н.Обозов, А.Н.Обозова, А. Аугустинавичюте, Ю.Н. Олейник, Т.В.Андреева, Д.Б.Шнайдер, Т.А. Гурко, Э.Г. Эйдемиллер, В.Юстицкис, С.Кротохвил.

Впервые проблема психологической совместимости в отечественной психологии была поставлена Б.Ф.Ломовым (1972), указавшим, что фактор психологической совместимости группы наиболее значим для работоспособности групп, составленных из случайных людей. От совместимости зависят быстрота достижения согласованности действий и величина прилагаемых усилий. Несовместимые группы в потенциале содержат конфликт.

Наиболее полное определение супружеской совместимости дал Д.Б.Шнайдер (2006). По его мнению под «супружеской совместимостью» понимают совместимость и взаимность чувств, совместимость характеров, темпераментов, общность интересов, представлений, взглядов, привычек, поведения. Различия возможны, они даже некото-

рым образом способствуют совместимости, но только в том случае, когда характеры, взгляды, привычки не антогонистичны.

В отечественной и зарубежной психологии существует множество подходов к проблеме супружеской совместимости.

Так в отечественной психологии Н.Н.Обозов и А.Н.Обозова выделили три подхода к исследованию психологической совместимости. Первый подход - функциональный - он рассматривает партнёров как носителей определённых функций, носителей социальных ролей. Второй подход - адаптивный - характеризуется как исследование результатов совместимости: интеграции, сплочённости, взаимопонимания. Задача этого подхода - поиск резервов адаптации супругов друг к другу путём гармонизации супружеского союза. Третий подход - структурный - он ориентирован на поиск оптимальных сочетаний характеристик членов группы. Для совместимости ведущими являются личностные свойства партнёров: потребности, мотивы, интересы, характер.

В зарубежной психологии большой вклад в изучение супружеской совместимости внесли Э.Г.Эйдемиллер и В.Юстицкис. Они выделяют несколько подходов к пониманию совместимости: мотивационный, психодинамический, социокультурный и бихевиористический.

В рамках мотивационного подхода лежит представление о том, что индивиды имеют разные потребности, удовлетворение которых изменяется при групповом взаимодействии. У совместимых в потребностном плане личностей в ходе межличностного взаимодействия потребности удовлетворяются, и этим обеспечивается гармония в отношениях. Психодинамический подход предлагает подход к исследованию дисгармонии брака с точки зрения классического психоанализа. В рамках данного подхода разработана теория Г.Дикса, который видел принцип неблагополучия семьи в защитных механизмах, выработанных в детстве. У взрослых эти механизмы проявляются в боязни потерять своё «Я», которая обуславливает необходимость его защиты от брачного партнёра. Социокультурный подход учитывает ролевые ожидания, притязания и ролевое поведение супругов в браке. Основы бихевиористического подхода впервые были сформулированы Дж.Хомансом (1961) в рамках концепции «элементарного социального поведения». Автор полагает, что взаимодействие в семье определяется вознаграждениями, наказаниями, частотой и качеством подкрепления. По его мнению, в общении человек ожидает пропорциональности между получаемым выигрышем и понесёнными издержками. Дис-

баланс в ту или иную сторону влечёт за собой развитие конфликтов и снижение удовлетворённости браком.

Учёные выделяют так же уровни супружеской совместимости. Так Н.Н.Обозов выделяет 4 уровня совместимости. Примерно в таком же порядке С.В. Ковалёв предложил свои уровни совместимости.

- Психофизиологический уровень (выходит за рамки непосредственного сексуального контакта, важны и характеристики партнёра, такие как тип половой конституции, половой потенциал, особенности телосложения и т.п.)

- Психологический уровень (предполагает совмещение темпераментов, характеров, потребностей, мотивов поведения).

- Семейно - ролевой уровень (согласованность и распределение семейных ролей)

- Социокультурный уровень (позволяет супругам согласовать общую направленность и мотивацию поведения).

Некоторые из авторов большое внимание уделяют зависимости супружеской совместимости и положению брачных партнёров в своей родительской семье по сиблинговой позиции.

Согласно У. Тоумену, происходит перенос связей, существовавших в родительской семье между братьями и сёстрами, на своего партнёра в супружестве. Данная связь тем прочнее и продолжительнее, чем больше отношения обоих партнёров напоминают их положение в семьях родителей. Это правило называется «теорией дубликатов».

Роль, которую играл каждый из супругов в родительской семье, может охарактеризоваться его положением (порядок, пол) среди братьев и сестёр. Следовательно, с этой точки зрения супружеские связи могут быть комплементарными, частично комплементарными и некомплементарными.

Комплементарный брак - это такой союз, в котором каждый из супругов занимает то положение, которое он имел по отношению к братьям и сёстрам в родительской семье. Некомплементарный брак — это брак партнёров с одинаковой порядковой позицией в родительской семье. Частично комплементарные отношения устанавливаются в том случае, когда один или оба партнёра в родительской семье имели несколько типов связей со своими братьями и сёстрами, из которых по крайней мере одна совпадала с таковой у партнёра (Кратохвил С., 1991)

С целью изучения особенностей психологической совместимости в семьях разного типа и различного состава планируется проведение эмпирического исследования с применением следующего методического инструментария: разных типов и разного состава семей: 1) методика измерения психологической дистанции (Е.И. Медведская, модифицированный вариант Т.А. Заеко); 2) методика «Динамика психологической близости в супружеской паре» (А. Кроник, Е. Кроник, модификация Т.А. Заеко); 3) опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т. Л. Романова, Г.П. Бутенко); 4) опросник «Роль ожидания и притязания в браке (РОП)» (А.Н. Волкова); 5) опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская).

Ф.И. Ниналалова,
*к.э.н., профессор кафедры финансов и страхования,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала*

РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ

Одним из важнейших элементов, характеризующих качество жизни населения, является уровень пенсионного обеспечения и обслуживания населения.

Как и повсеместно, в Республике Дагестан идет реформа пенсионной системы. Радикальной ломке подвергаются ее основополагающие принципы. Формируется необходимая правовая база новой системы и к завершению подходит процесс создания жизнеспособных элементов и механизмов этой системы.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 27.09.2000 года №1709 "О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации" и Соглашением между ПФР и Правительством РД о передаче Отделению Пенсионного фонда РФ по РД полномочий по назначению и выплате государственных пенсий от органов социальной защиты населения Республики Дагестан органам ПФР, в августе 2001 года в Республике Дагестан была создана Единая пенсионная служба.

Сегодня Отделение Пенсионного фонда России по РД - одно из самых крупных государственных учреждений в Дагестане, которое обслуживает более пятисот тысяч дагестанцев, обеспечивая своевременное назначение и выплаты пенсий и других социальных выплат.

Общая численность пенсионеров в РД за период с 1995 по 2010 год выросла на 155 тыс.чел. (в 1,4 раза) и составила на 1 января 2011 года 540 тыс. чел. При этом за данный период произошло увеличение удельного веса пенсионеров на 1000 человек населения Республики Дагестан с 173,5 до 181,8 чел. при одновременном снижении численности занятых в экономике, приходящихся на 1 пенсионера с 1,88 до 1,78 чел. Данная ситуация свидетельствует о неблагоприятной тенденции старения населения в республике. Средний размер назначенных пенсий в РД за период с 1995 по 2010 гг. увеличился в 31,4 раза и составил на 1 января 2011 года 5835,8 руб. Для сравнения, в среднем по России на 1 января 2011 года средний размер пенсий составил 7593,9 руб., а по Северо-Кавказскому федеральному округу – 6394,5 руб. По данному показателю Республика Дагестан находится на 82 месте среди субъектов РФ. Таким образом, мы видим реальное отставание пенсий в Дагестане как от среднероссийского уровня, так и от среднего уровня по СКФО.

Если сравнить величину прожиточного минимума пенсионеров, то в Республике Дагестан этот показатель на 1 января 2011 года составил 3756 руб. в месяц, а в среднем по Российской Федерации - 4683 руб. в месяц. По данному показателю Дагестан также находится на 82 месте среди всех субъектов РФ. В настоящее время пенсии ниже прожиточного минимума получают более 15 млн. россиян, что составляет 40% всех пенсионеров. Следует отметить, что в ряде регионов страны у 50-70% пенсионеров размер получаемой пенсии составляет 60-90% прожиточного минимума пенсионера.

Согласно закону № 212-ФЗ от 24.07.2009 "О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд медицинского обязательного пенсионного страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования" с 2010 г. единый социальный налог был заменен страховыми взносами в соответствующие бюджеты. В отличие от единого социального налога, который поступал в федеральный бюджет, страховые платежи поступают напрямую в Пенсионный фонд Российской Федерации. Определенным категориям страхователей, таким как сельхозтоваропроизводители, плательщики единого сельскохозяйственного налога, резиденты техниковнедренческих особых

экономических зон, предприятия, использующие труд инвалидов, и предприятия, принадлежащие обществам инвалидов, переход к полной ставке страховых тарифов будет плавно растянут во времени до 2015 года.

Страхователи, которые не осуществляют или задерживают платежи по обязательному пенсионному страхованию, нарушают закон и в отношении них могут применяться санкции. Чтобы отстоять права дагестанцев на будущую пенсию, Отделение Пенсионного фонда по Дагестану готовится к крайним мерам – вплоть до списания не уплаченных страховых взносов с банковских счетов фирм-неплательщиков при помощи инкассовых поручений, наложения штрафов и передачи информации в правоохранительные органы для возбуждения уголовных дел. Несвоевременная или частичная уплата страховых взносов ведет к образованию дефицита бюджета Пенсионного фонда, что в итоге может негативно отразиться на пенсионерах.

В рамках помощи регионам в реализации социально-значимых проектов в 2008 году из бюджета Пенсионного фонда России были выделены субсидии на реализацию социальной программы в Республике Дагестан. Общее количество средств направленных на предоставление субсидии Республике Дагестан на социальную программу, связанную с укреплением материально-технической базы учреждений социального обслуживания населения и оказанием адресной социальной помощи неработающим пенсионерам в 2008 году составило 4 млн. 734,87 тыс. руб.

Для лиц старшего поколения в РФ в целях повышения уровня пенсионного обеспечения с 1 января 2010 г. производится валоризация, т.е. разовое увеличение денежной оценки пенсионных прав граждан, приобретенных до начала пенсионной реформы, т.е. до 2002 г. По предварительным расчетам в Республике Дагестан валоризация коснется более 442 тыс. (84% от общего количества получателей пенсий) получателей трудовых пенсий.

Руководством страны внесены изменения в законодательство, в соответствии с которыми с 1 января 2010 года установлено правило - размер пенсии с учетом других мер социальной поддержки пенсионеров не может быть ниже прожиточного минимума пенсионера, установленного в субъекте Российской Федерации. Если расчетный размер пенсии ниже, этому пенсионеру применяются доплаты.

Социальная доплата пенсионерам до прожиточного минимума устанавливается всем неработающим пенсионерам, совокупная выплата которым не обеспечивает прожиточный минимум в субъекте

России. Величина прожиточного минимума в целях социальной доплаты устанавливается на очередной финансовый год законодательными актами субъектов РФ и доводится до Пенсионного фонда. Если прожиточный минимум в регионе не превышает средний по стране, то неработающему пенсионеру устанавливается федеральная социальная доплата Пенсионным фондом за счет средств федерального бюджета. Если прожиточный минимум в субъекте РФ выше федерального, то в этом случае регион должен будет принять закон о региональной социальной доплате, которая будет предоставляться за счет его собственных средств. В Республике Дагестан установленный прожиточный минимум ниже среднероссийского, и деньги, естественно, пойдут из федерального бюджета через Пенсионный фонд.

Величина минимума, до которого должна производиться социальная доплата, устанавливается Народным Собранием Республики Дагестан на весь следующий календарный год. В течение года этот минимум меняться не будет. Поэтому тем, кто нуждается в установлении социальной доплаты, заранее нужно знать и четко понимать особенности ее предоставления. Так, в течение года при индексации пенсий, увеличении учтенных денежных выплат, повышении эквивалентов получаемых натуральных льгот и мер социальной поддержки размер установленной пенсионеру социальной доплаты будет снижаться. В случае выполнения пенсионером оплачиваемой работы он будет лишаться права на социальную доплату. В случае если совокупный доход пенсионера превысит прожиточный минимум, например, при очередной индексации пенсии, то он также утратит право на социальную доплату.

Проводимая в стране с 2002 года пенсионная политика была направлена на обеспечение социально приемлемого материального уровня пенсий. Однако в рамках пенсионной реформы не были достигнуты долгосрочная финансовая устойчивость и сбалансированность бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 "О мероприятиях по реализации государственной социальной политики" Министерством труда и социального развития РФ и Пенсионным фондом РФ разработан проект Стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года.

В соответствии с данной Стратегией основными приоритетами развития пенсионной системы в России выделены обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы и гарантии социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения.

Согласно данной Стратегии в России планируется ввести трех-уровневую систему пенсионного обеспечения, включающую в себя:

- трудовую пенсию в рамках системы обязательного пенсионного страхования, финансируемую за счет страховых взносов и трансфертов из федерального бюджета;
- корпоративную пенсию, формируемую работодателем на основании индивидуального трудового и коллективного договоров;
- частную пенсию, формируемую самим работником.

Таким образом, развитие пенсионной системы должно быть направлено на повышение жизненного уровня всех категорий пенсионеров и обеспечение финансовой устойчивости и сбалансированности пенсионной системы. Для граждан, ориентирующихся на высокий размер пенсионных выплат, должны быть созданы дополнительные стимулы для участия в добровольных пенсионных системах, а также более продолжительной трудовой деятельности. Гражданам, не выполнявшим минимальной нормы страхового стажа, должен быть обеспечен минимальный федеральный стандарт пенсионного обеспечения.

F.I. Ninalalova
the candidate of economic sciences,
professor of the finance and insurance department,
Dagestan State University

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SECURITY IN RUSSIA

Implemented in the country since 2002, pension policy is aimed at ensuring a socially acceptable material level of pensions. Evolution of a pension system should be aimed at improving the living standards of all categories of pensioners and ensuring financial stability and balance of the pension system.

В.М. Новоселов,
*аспирант кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОТЦОВ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

В соответствии со статьей 38 Конституции Российской Федерации «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях – равное право и обязанность родителей». В Семейном кодексе РФ также утверждается равенство прав отца и матери (ст. 61). Указанные нормы подразумевают, что родители осуществляют эти права независимо от того, проживают они с ребенком или нет.

Сложившаяся практика правоприменения в отношении родителей утверждает преимущество женщин-матерей во всех его аспектах. Самым ярким примером этого является то, что в России при разводе 98% детей «автоматически» передаются матери. В других странах отцов ценят выше – им передают детей для постоянного проживания и воспитания в 15–30% случаев. При этом нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что чаще всего психологическая связь между матерью и ребенком сильнее. Однако необходимо признать, что столь явное предпочтение интересов одного родителя перед другим не что иное, как нарушение прав отцов. Кроме того, решение суда о передаче ребенка матери на воспитание и совместное проживание после развода родителей не всегда соответствует интересам ребенка.

Психолог Е.П. Ильин отмечает, что женщины являются инициаторами 75% разводов, однако процесс адаптации после развода у женщин происходит существенно легче, нежели у мужчин, так как ребенок остается именно с матерью. В 60-70% случаев матери всячески препятствуют контактам бывшего мужа с собственным ребенком.

А.И. Загоровский, анализируя историю семейных отношений конца XIX - XX века, еще в 1908 г. отмечал необходимость учета интересов детей при решении вопроса о том, с кем из супругов будет оставлен ребенок в случае расторжения брака. Детей оставляли с тем из супругов, который лучше мог выполнять родительские обязанности.

сти. В случае спора надлежало заботиться, прежде всего, об интересах несовершеннолетних детей.

В связи с этим, на наш взгляд, в современных условиях судам необходимо более тщательно подходить к разрешению споров между родителями в отношении детей, учитывая в первую очередь их интересы, объективно оценивать все обстоятельства и возможности каждого родителя по созданию комфортных условий для содержания и воспитания ребенка.

В случае обращения родителя в суд с требованием установления порядка общения с ребенком, приходится констатировать, что механизм исполнения таких судебных решений в России отсутствует. Так как отношения родителя и ребенка длящиеся, то и контролировать процесс исполнения такого решения судебным приставам достаточно проблематично. Одним из вариантов решения данной проблемы, по мнению О.Ю. Ситковой, является привлечение медиатора (посредника), который сможет обеспечить соответствующую поддержку и помочь принять правильное решение родителям в отношении их общего ребенка.

В настоящее время встречаются случаи, когда отцы стали обращаться в суд за защитой своих прав. Достаточно распространены иски отцов о передаче им ребенка на воспитание, о лишении матери родительских прав, об определении места жительства ребенка с отцом. Не найдя должной защиты своих прав мужчины объединяются, обсуждают свои проблемы и ищут варианты их решений на различных форумах в интернете. Для отстаивания своих прав российские отцы вынуждены даже создавать собственные правозащитные организации. Так, 18 ноября 1990 года была образована первая независимая общероссийская благотворительная ассоциация «Отцы и дети» во главе с юристом Г. Тюриным.

Ряд российских и иностранных социологов (Дж. Плек, Т.А. Гурко, И.С. Кон) еще в XX в. обозначили, что в обществе формируется новый тип отцовства – «ответственного» отца, который пришел на смену традиционного типа. «Новый отец» постиндустриальной эпохи не только зарабатывает деньги на содержание семьи, но и сам ухаживает за детьми и активно интересуется их проблемами. Такие отцы появились и у нас в стране. Другое дело, что пока этот тип «ответственного отца» не получил поддержки в российском обществе в связи с распространенностью стереотипа, что «не мужское это дело – с детьми нянчиться».

Послеразводное законодательство в развитых западных странах (например, Швеции, Германии, Финляндии, США) предусматривает такое практически не известное в России явление, как совместная опека.

На наш взгляд, немецкий профессор Роланд Прокш справедливо полагает, что совместная опека более предпочтительна для ребенка, чем единоличная по следующим причинам: оказывает положительное влияние на взаимодействие между родителями в интересах своих детей; помогает сохранить и поддерживать контакты ребенка с обоими родителями; снижает уровень конфликтности между родителями и помогает избежать многих юридических разногласий; смягчает травму, причиняемую ребенку в результате развода или разъезда родителей.

Данные исследований подтверждают, что совместная опека родителей оказывает также и положительное влияние на выплату алиментов. Такая форма, на наш взгляд, помогает решить финансовые конфликты, так как родитель, обязанный выплачивать алименты, видит реальные расходы на ребенка.

Следует так же отметить, что суд при назначении совместной опеки должен внимательно изучить следующие моменты: не совершались ли отцом ребенка насильственные действия в отношении матери ребенка или самого ребенка. В случае выявления фактов такого насилия о назначении совместной опеки не может идти и речи. Совместная опека, которая призвана действовать в интересах ребенка, в данном случае будет действовать ему во вред.

По данным статистики в 2012 году в России насчитывается 6,2 миллионов неполных семей, из которых 10 процентов (634,5 тыс.) составляют семьи, где детей воспитывает и содержит только отец. Так, например, в 2001 году доля таких семей составляла 1 процент от общего количества неполных семей. Таким образом, доля отцов-одиночек за 11 лет увеличилась на 10 процентов. Однако на практике реализация одинокими отцами своих прав зачастую бывает осложнена, так как статус «отца-одиночки» в Российской Федерации не имеет юридической силы. Отцы-одиночки не имеют права на полный пакет льгот, которыми пользуются матери-одиночки.

На наш взгляд, законодателю необходимо дать разъяснения: получают ли отцы, воспитывающие детей без матери, статус «отца-одиночки», и какими гарантиями и льготами имеют право пользоваться такие отцы.

Федеральным законом от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее — Закон №256-ФЗ) предусмотрен перечень лиц - получателей государственных выплат (материнского капитала). Из буквального толкования этой нормы можно заметить дискриминационный характер норм закона, защищающих, прежде всего, интересы женщины. Даже само название данной государственной выплаты (материнский капитал) говорит об этом. Согласно п. 1 ст. 3 Закона №256-ФЗ, у мужчин возникает право на получение материнского капитала, если они «являются единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей». Иных оснований для возникновения этого права у мужчин нет. Так, например, усыновление или удочерение ребенка от другого супруга не дает мужчине по закону права на материнский капитал. Кроме того, отец не может воспользоваться правом на материнский капитал в случае смерти супруги, если это право у нее не возникло. Отцам, попавшим в такие ситуации, приходится доказывать свое право на материнский капитал через суд.

Таким образом, мы считаем, законодателю необходимо внести изменения в п. 1 ст. 3 Федерального закона №256-ФЗ, расширив перечень оснований, по которым мужчины имеют право на получение материнского капитала.

Конституция РФ, СК РФ включают в себя положения об охране и защите отцовства государством, однако в указанных нормативных актах нет ни слова о государственных мерах по поддержке отцовства и создании условий для нормального его функционирования. Так, например, в статье 5 Семейного кодекса Украины такие государственные меры прописаны.

Таким образом, мы полагаем, законодателю необходимо внести изменения в СК РФ, включив в него нормы о государственной поддержке и поощрении отцовства, о создании государством условий для отцовства.

Кроме того, следует разработать и принять нормативные акты, предоставляющие больше прав, льгот и привилегий для биологических отцов.

В заключение, хотелось бы отметить, что обозначенные нами проблемы реализации прав отцов, существующие в России на протяжении длительного времени, способствовали снижению у мужчин стремления к семейным и родительским ценностям, отдалению мужчин от воспитания детей. В свою очередь, это оказывает негативное

влияние на защиту прав и законных интересов ребенка и института семьи в целом.

V.M. Novoselov

*Post-graduate student of Social Work Department,
Perm State National Research University*

SOCIO-LEGAL ASPECTS OF REALIZATION THE FATHER'S RIGHTS IN POINT OF JUVENILE CHILDREN

The paper is aimed at the analysis of the social and legal aspects of fatherhood in Russia. We focus on the importance of law-abiding of parental rights and responsibilities equality while bringing up and taking care of children. The results of our study show that the "new father" type was developed in society. Some recommendations about the decision of the revealed problems are offered.

Н.В. Панкратов ,

*директор программы стратегического развития,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь*

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

На сегодняшний день почти четверть россиян проживает в крупных городах с населением более одного миллиона жителей. В Российской Федерации 14 городов с населением более 1 млн человек, еще 4 города относятся к категории так называемых субмиллионеров. В этих городах сосредоточен основной инновационный потенциал страны. В то же время специализированные исследования фиксируют значительное отставание российских городов в международных рейтингах конкурентоспособности («Hotspots Bench marking global city competitiveness» a report from the Economist Intelligence Unit). Самым весомым «ослабляющим» фактором современных российских городов является низкий уровень человеческих ресурсов, так, например, из 120

обследованных городов Москва заняла лишь 58 место, а Санкт-Петербург оказался на сотой строчке этого рейтинга. Эксперты, составлявшие рейтинг, отмечают, что исправить сложившуюся ситуацию можно только сосредоточившись на развитии инфраструктуры, благоприятной для развития человеческого потенциала. Одним из этапов этой работы является проведение исследований, позволяющих диагностировать барьеры, которые препятствуют стабильному человеческому развитию. В рамках проекта *«Междисциплинарное исследование барьеров, препятствующих развитию и реализации человеческого потенциала в Пермской городской агломерации»*, реализуемого под руководством Зинаиды Петровны Замараевой, проводится анализ пермской городской среды как пространства для развития человеческого потенциала.

Одним из наиболее значимых методических вопросов при подготовке исследовательской программы стала проработка сегментов городского пространства, в которых реализуется человеческий потенциал. В качестве основного принципа для дифференциации городской среды нами были выбраны различные сферы реализации человеческого потенциала, т.е. сферы, в которых жители города стремятся достигнуть каких-либо результатов, значимых состояний. Соответственно, качество городской среды определяются существующими в этих сферах возможностями для реализации жителями Перми своего потенциала. Городская среда низкого качества, напротив, продуцирует большое количество барьеров для реализации собственного замысла. В рамках данного исследования эти сферы называются функциональными. Всего было выделено 9 таких сфер.

1. Образование — возможность получать желаемые знания и вырабатывать необходимые навыки. Насыщенность сети образовательных учреждений. Доступность образовательных программ. Наличие и доступность образовательных ресурсов.

2. Здравоохранение — возможность поддерживать и развивать свое здоровье. Доступность качественных медицинских услуг и лекарств. Развитость и качество работы сети учреждений здравоохранения. Доступность свежих и полезных продуктов. Доступность объектов спортивной инфраструктуры.

3. Безопасность — возможность не опасаться насилия, угрозы жизни, здоровью или имуществу.

4. Общественно-политические возможности — возможность активного участия в принятии политических решений, общественной

жизни, свободно выражать собственное мнение, возможность защищать свои права.

5. **Социальная защита** — возможность получить поддержку государственных органов и служб.

6. **Финансово-экономические возможности** — возможность трудиться и получать достойную заработную плату. Возможность обеспечить себя и свою семью необходимыми товарами и услугами.

7. **Культурно-досуговые возможности** — возможность проводить свободное время в соответствии со своими предпочтениями; возможность знакомиться с достижениями искусства и культуры, реализовывать потребность в духовном развитии.

8. **Эмоциональные, коммуникативные и социальные возможности** — возможность знакомиться и поддерживать отношения с близкими, выражать симпатии, создавать предпочтительные формы взаимоотношений с окружающими.

9. **Информационные возможности** — возможность знакомиться с объективной и достоверной информацией о происходящих событиях.

На наш взгляд, межиндивидуальное сравнение положения жителей Перми в этих сферах и позволяет достаточно точно диагностировать ситуацию в сфере развития человеческого потенциала, сложившуюся на сегодняшний день в городе.

N.V. Pankratov

Director of strategic development PSHPU

URBAN ENVIRONMENT AS A SPACE FOR HUMAN DEVELOPMENT

In this paper, a methodology of sociological analysis of the urban environment, in terms of the concept of human development. Granted approaches to differentiation of the urban environment, in terms of functional areas in which the residents of the city of Perm achieve meaningful results for them.

Н.В. Подпрятков,
*к. ист., доцент, зав. кафедрой общей отечественной истории,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Социальная безопасность должна обеспечивать каждому члену общества приемлемый уровень и качество экономической и социальной жизни. В условиях многонационального государства – это сложнейшая проблема недопущения деградации социальных отношений как народов численно преобладающих, так и представителей этнических меньшинств.

Проникновение «чужого» народа всегда воспринимается болезненно «коренным» народом и вызывает рост межнациональной напряженности. Вызывается это тем, что существенным образом меняется и политическая, и экономическая, и культурная, а не редко и языковая ситуация в том или ином регионе, что приводит к социокультурным изменениям и угрозе потери своей национальной самобытности данными народами.

Перед центральным руководством страны возникает целый ряд проблем. Как быстро должны идти процессы взаимопроникновения? Как проводить модернизацию страны, если народы, имеющие самобытную культуру, не намерены ее терять? Насколько глубоко должны идти процессы трансформации этносов, а насколько необходимо сохранять традиции? Насколько приемлемы обратные процессы восприятия этническим большинством социально-культурных доминант характерных для небольших народов? Эти и другие вопросы приходится решать сейчас и приходилось решать в прошлом.

Основной проблемой была и остается проблема собственности. До XX в. основным объектом собственности была земля. Изначально проблема недостатка земельной собственности при растущем населении решалась в основном за счет расширения колонизируемых пространств. Но в зонах расселения русскоязычные переселенцы неизбежно сталкивались с другими народами, иными культурами. Для решения проблемы малоземелья применялись разные методы. Пер-

вый, это принудительное выселение коренных народов. Так действовали на Кавказе и в Туркестане во второй половине XIX в., когда было выселено около 470 000 представителей горских народов, черкесов. (Выселение началось 10 мая 1862 г.).

Земля, освобожденная горцами, передавалась переселенцам и казакам. Это был второй шаг в решении земельного вопроса. Казакам полагался надел земли в размере 30 десятин на душу (100 – 150 десятин на семью), крестьянам-переселенцам полагалось 20 десятин. А в Семиреченской области для выполнения этого требования было необходимо выселить 3500 казахских семейств, которые вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Оседлым казахам полагалось от 4 до 5 десятин на душу населения, а кочевникам от 30 до 60 десятин на кибитку, т.е. на семью.

Такая политика продолжалась и при председателе Совета Министров Российской империи П.А. Столыпине. Решая две задачи: малоземелья и перехода к оседлому образу жизни многочисленными скотоводческими народами России, власть неизбежно сталкивалась с ростом социальной напряженности в национальных регионах. Коренные народы этих регионов нередко впадали в нищету и голод, происходила их люмпенизация, экономическая и культурная деградация. И, как ответ, рост сепаратистских и криминальных движений. Особенно эти тенденции усилились в годы 1-й русской революции и 1-й мировой войны, когда власть ослабла. Ситуация на Кавказе вышла из-под контроля и началось физическое истребление горскими народами переселенцев: русских, украинцев, но особенно досталось немцам-колонистам. Царское руководство вынуждено было снимать войска с фронта и посылать их для наведения порядка. Полностью взять ситуацию под контроль не удалось – началась 2-я революция.

Еще одной серьезной проблемой является сегрегация инонационального населения в местах проживания, вызванная внутренней или внешней миграцией, что также ведет к росту социальной напряженности и потере управляемости отдельными территориями центральной властью. В национальных анклавах перестают действовать общенациональные законы, не могут полноценно работать правоохранительные органы, здесь формируются свои неконтролируемые финансовые потоки, своя культура (или субкультура). Это воспринимается большинством населения как угроза своей социальной безопасности, так как размывает традиционные ценности и привычный образ жизни, меняя его на чужой.

В 1867 г. корейцев в Приморье насчитывалось 6500 человек. Но к 1917 г. их было уже 200 000 человек. Местное малочисленное казачество имело до 100 десятин на душу населения, в то время как корейцы русско-подданные получали только по 15 десятин. С другой стороны приём корейцев в русское подданство всячески ограничивался. Поэтому подданство имели только около 25% корейцев, а остальные жили незаконно.

В тоже время корейцы всячески уклонялись от возможности ассимиляции с русским и китайским населением региона и, при наличии острой нехватки невест, корейские юноши ездили выбирать их из своих соотечественниц в Корею или Амурской области.

Исторический опыт решения такого рода проблем был продемонстрирован нашим государствам в прошлом столетии. Это национализация собственности. Работа на государственном предприятии не снимает все социальные проблемы, но нивелирует межэтнические противоречия. В социальном плане проблему помогла решать замена национально-индивидуальных ценностей на общегосударственные и срабатывание социальных лифтов, что определяло и перспективы отдельно взятого индивида в образовании, карьере, статусе, в экономическом благополучии, наконец, и во многом предопределяло его культуру поведения и быта.

*Т.Д. Попкова,
к.филос.н., доцент кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

УВАЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ КАК ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Современный мир испытывает серьезные трансформационные сдвиги во всех областях жизнедеятельности человечества, что, в первую очередь сказывается на ментальном состоянии общества. Система ценностей, выработанная тысячелетиями, подвергается серьезной атаке со стороны средств массовой информации, пропагандирующих «нормы» поведения и образа жизни, культивируемых в социуме групповых приоритетов «силы и независимости», идеологией «новой

элиты», основанной на вседозволенности и безнаказанности. XXI век выдвинул особые требования к качествам человека как социальному субъекту, обусловленные усложнением как самого мира, так и системы взаимоотношений между людьми.

В социальной реальности среди чреды общечеловеческих ценностей наиболее уязвимой, на наш взгляд, обнаруживается дефицит уважения к человеку, его деятельности, профессии, статусу и даже возрасту.

Традиционно, под уважением понимается позиция одного человека по отношению к другому, признание достоинств личности. Уважение предписывает не причинять другому человеку вреда, ни физического, ни морального. Уважение – это моральный долг и объективная позиция человека в жизненном мире. По мнению И. Канта, уважение устанавливает норму человеческих отношений даже в большей мере, чем симпатия. Только на основе уважения может появиться взаимопонимание.

Можно констатировать, что сегодня это понятие значительно расширилось и затрагивает практически все области жизнедеятельности человека и общества в целом.

В моральном сознании общества уважение предполагает справедливость, равенство прав, внимание к интересу другого человека, его убеждениям. Уважение предполагает свободу, доверие. Подавление этих требований является посягательством на уважение личности. Однако смысл этих качеств, из которых складывается уважение, определяется характером общества и принятыми в нем нравственными парадигмами. Серьезное внимание к этим вопросам возникло еще во второй половине XIX – начале XX в. Идеи отечественных мыслителей Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.А. Котляревского, Б.Н. Чичерина и др. возвеличивали достоинство, свободу личности, неотчуждаемость прав. В связи с изучением проблемы достоинства человека в отечественную науку было введено понятие достойного человеческого существования, наиболее полно разработанное в трудах П.И. Новгородцева и В.С. Соловьева.

В чем же проявляется дефицит этой ценности в современном обществе? Прежде всего, в потере ценности самой жизни – ее смысла, целеполагания, ценности общения как способа взаимопонимания и конструктивного договора, ценности доверия – фундаментального связующего компонента человеческих отношений.

Ощутимая девальвация и разбалансировка духовно-нравственного сознания человека заметно возросла и сказывается на

всех уровнях взаимодействия социума. В России в последние годы идет активный процесс поиска приоритетов общественного развития. При этом, мы можем отметить нарушение системообразующего принципа в реализации провозглашенных программ развития. Так, например, «затяжные» реформы в области образования, как показывает практика, не столь призваны компенсировать разрыв между традиционными поколенческими связями, сколько увеличивают образовавшуюся пропасть между наукой и практикой, новыми и имеющимися знаниями, опыта, традиций и «*know how*».

В Российском законодательстве произошло заметное движение навстречу человеку: от многовекового неприятия прав человека как основополагающей, естественной и неотъемлемой ценности, к их признанию и нормативному закреплению в наивысшем конституционном порядке. Субъектом мира является человек, глубинной ценностью которого выступает достоинство – благо, позволяющее реализовать в бытии свободу, ответственность, независимость, честь и справедливость. Достоинство – источник прав человека, свидетельство уровня культуры общества. Гуманистическая идея ценности человеческой личности, ее достоинства является основой концепции конституционного строя России. Конституция Российской Федерации провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2).

Но наряду с этим, острой проблемой остается преодоление противоречий между гуманистическими ценностями, потенциально заключенными в нормативных системах права и морали, провозглашенных Конституцией РФ положений и их реальным воплощением. Сложность состоит в том, чтобы привести в соответствие «слово» закона и практические действия, не подменяя при этом понятия «желаемое» на «возможное». Важность обращения к нравственно-правовым свойствам личности подтверждается тем, что именно они могут выступать в качестве одного из важнейших критериев в обосновании характеристики социально-правовой политики.

Рассматривая уважение и достоинство личности как ценностные категории, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ указывается недопустимость обращения, унижающего его человеческое достоинство, либо создающего опасность для его жизни и здоровья (Ст. 9). Следует считать эти нормы естественными для человека. Однако, можно ли утверждать, что в процессе социализации каждая личность усваивает «азы» нравственных ценностей? Как окружающее про-

странство помогает человеку адекватно и объективно оценивать «меру» уважения и личностного достоинства в жизни, а не в провозглашенных лозунгах? Признание достоинства человека и его защита не является сегодня для российского права системной целью общеправового масштаба, а степень изученности социальной и юридической природы достоинства личности неадекватна ее существующей востребованности.

Среди разрабатываемых различными министерствами и ведомствами траекторий развития российского общества, направленных на реконструкцию ценностных приоритетов, следует выделить один из потенциально эффективных вариантов решения обозначенной проблемы – повышение роли социальной работы в целом, и статуса социального работника в частности. Обоснуем нашу позицию.

Воспитательные функции образовательного процесса, а priori заложенные в актах передачи опыта и знаний от одного поколения другому, сегодня, увы, ограничиваются домашним порогом и дверями учебных заведений. Как не трагично это признать, но роль педагога нередко сводится к простейшему учебному функционалу в рамках системы «предоставления услуг». Да и сам «дух» образовательной концепции несколько растворился в фолиантах портфолио, отчетов, программах развития и иже с ними.

В этом пространстве как-то незаметно появилась никем не занятая ниша, которую стали заполнять гражданские инициативы: организация совместного досуга, помощь нуждающимся, поддержка детей-инвалидов, пожилых людей, потерявших семью, правовое консультирование, медиация и др. В эту деятельность на волонтерской основе вовлекаются дети, подростки, молодежь, преподаватели колледжей и вузов, демонстрируя искреннюю заинтересованность в восстановлении социального равновесия на территории ближайшего окружения. Спонтанная социальная инициатива приобретает в наши дни такую стремительную силу, что возникает объективная потребность во включении в этот процесс профессионалов – социальных работников, миссия которых заключается в обеспечении коммуникативной связи между домохозяйствами и органами государственной социальной защиты.

В социальной работе – уважение к людям – один из приоритетных принципов работы, который позволяет соблюдать равное уважение ко всем людям. Согласно этому принципу нельзя лишать человека уважения из-за его статуса, роли в обществе, черт характера или физических возможностей. Уважение достоинства личности, прав и свобод

человека – прямая обязанность всякого государства. В соответствии с Конституцией РФ «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (Ч. 1 ст. 21). При этом человек имеет право на уважение его достоинства как со стороны самого государства, его органов и должностных лиц, так и со стороны других членов общества, что также обеспечивается мерами государственной поддержки. Однако на практике мы нередко сталкиваемся, что рядовые граждане не имеют представлений о своих правовых возможностях в рамках регулирования социальной справедливости. Незаменима в этом плане роль социального работника, способного не только проинформировать потенциального «потребителя услуг», оказать ему действенную консультативную помощь, но и помочь раскрыть его личностный потенциал, побуждая человека к самостоятельным действиям, к активной жизненной позиции.

В условиях глобализирующегося мира нивелирование или игнорирование достоинства личности означает разрушение не только самосознания человека, но и национальной самоидентификации, что мы можем наблюдать в последние десятилетия на всей территории России. Необходимы новые подходы к проблемам гуманистического характера, развития и углубления теории прав человека в контексте понятия человеческого достоинства. Никакая высшая цель – государственная, религиозная или любая другая – не должна отменять права на признание достоинства человека. Оно абсолютно и с точки зрения нравственности, и с точки зрения права. Достоинство – внутренняя самооценка индивидом своей личности. Она может распространяться на собственные нравственные и профессиональные качества, способности, мировоззрение, роль в обществе (коммент. к Ст. 9 УПК РФ).

В связи с этим, знание правовых и моральных регуляторов становится одной из важнейших компетенций современного социального работника. Овладеть этими знаниями возможно лишь при условии высокой мотивации личности в процессе получения образования и практической деятельности. Следовательно, профессиональная зрелость социального работника может быть сформирована лишь при условии адекватно выстроенной системы обучения, главным стержнем которой будет моделирование ценностных установок будущего профессионала. Важной составляющей ценностного поля социальной работы необходимо признать условие «презумпции невиновности», подразумевающего соблюдение уважение личности и ее достоинства в рамках сложившихся жизненных условий. Это в свою очередь, требует осознание таких ценностных ориентиров, как соблюдение прав че-

ловека на саморазвитие и самосовершенствование, основанных на потребности в самоидентификации в конкретной социальной среде. Сохранение равновесия социальной системы на всех ее уровнях требует соблюдения принципа презумпции невиновности как основополагающего условия для формирования устойчивой жизненной позиции, мировоззрения, позволяющего аккумулировать сознание человека на самостоятельную организацию достойного бытия.

С.И. Реутов,
*к. юрид. н., профессор кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕДИАТОРА

Мирное разрешение конфликтов – показатель уровня развития гражданского общества. За последние 20 лет наше общество стало конфликтным и его нужно выводить из этого состояния. Сегодня в России из 25 млн. дел, рассматриваемых в год судами, подавляющее большинство составляют дела по административным и гражданским спорам. Для нас крайне важно использовать примирительные процедуры для того, чтобы помочь людям и разгрузить суды [В.Ф.Яковлев, 2011]. Как средство разрешения споров медиация признана статьей 33 Устава ООН.

Прошло чуть более года с момента вступления в силу Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г., однако, как указал Д.А.Медведев в послании Президента Федеральному собранию, у нас практически нет культуры ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений. Принятые законы о медиации практически не работают, а случаи заключения соглашений все еще единичны, хотя в других странах около 80% споров разрешаются с помощью примирительных процедур [Д.А.Медведев, 2011].

Вышеуказанный закон не содержит запрета на проведение медиации по уголовным делам [С.А.Пашин, 2012]. Опираясь на опыт, сложившийся в разных странах за последние несколько десятилетий,

можно говорить о том, что с помощью медиации можно разрешить практически любой спор.

В соответствии со ст. 2 ФЗ № 193-ФЗ «медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу». На наш взгляд п.3 ст. 2 ФЗ № 93-ФЗ можно было бы изложить в следующей редакции «медиатор – это независимое, беспристрастное, не заинтересованное в исходе дела физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника на профессиональной и непрофессиональной основе для урегулирования спора и содействия в выработке сторонами решения по делу».

Деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. На профессиональной основе в качестве медиатора может выступать дееспособное лицо, достигшее возраста двадцати пяти лет, имеющее высшее профессиональное образование и прошедшее курс обучения по программе подготовки медиаторов, утвержденной в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Российский закон не определяет какую профессию должен иметь медиатор. В литературе по этому поводу есть различные мнения. Некоторые ученые нашей страны полагают, что профессиональный медиатор должен обладать определенными навыками и профессиональными знаниями не только в сфере материального, но и процессуального права, а потому он должен иметь профессиональное юридическое образование [В.Г.Голубцов, 2010]. В некоторых странах, например, в Польше, Аргентине медиатором может быть только лицо, имеющее на руках диплом о юридическом образовании.

Другие авторы считают, что только хороший психолог может стать эффективным медиатором. В некоторых странах именно психологи становились медиаторами, потому что им лучше удавалось привести стороны к примирению.

И, наконец, есть мнение, что судья в отставке наиболее грамотно в состоянии привести стороны к примирению. Действительно, судьи в отставке имеют огромный опыт разрешения конфликтов, но это совсем не факт, что из них могут получиться хорошие медиаторы, к тому же действующее законодательство, в частности, Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации», не предусматривает такой возможности для судьи в отставке.

Медиацию нельзя просто ограничить специальностью для юристов или считать уделом некоторых членов общества. Мы считаем,

что совсем не обязательно, чтобы медиатор непременно был юристом. Вместе с тем, при рассмотрении некоторых споров право играет большую роль. В таких случаях желательно, чтобы медиатор имел юридическое образование, либо имел хотя бы представление о соответствующих правовых нормах, хотя он не будет их применять как судья. При разрешении острых конфликтов, например, спора о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей, на наш взгляд, важнее всего, чтобы медиатор имел опыт в области семейной терапии, или обладал психологическим образованием [С.И.Реутов, 2011]. Нельзя не согласиться с мнением В.Ф. Яковлева, что для работы в качестве медиатора недостаточно навыков, знаний судьи, адвоката. У каждой из этих профессий есть свои некоторые предпосылки для работы в качестве медиатора, но не все. Здесь требуется специальная дополнительная подготовка [В.Ф.Яковлев, 2011]. В США, чтобы стать медиатором, совершенно не обязательно быть юристом, хотя многие медиаторы являются юристами.

В Германии, Австрии, Канаде, некоторых штатах США в роли медиаторов могут выступать судьи [Ц.А. Шамликашвили, 2010]. Следует согласиться с И. В. Решетниковой в том, что судьи должны стать образцом внедрения культуры медиации [И.В.Решетникова, 2012]. Практика показывает, что количество мировых соглашений у судей, владеющих медиативными навыками, составляет 30% против 3% у тех, кто медиативному подходу не обучался [Ц.А.Шамликашвили, 2010].

Возможно, многие судьи сегодня не станут вводить медиацию в действие, поскольку над ними «нависают» сроки рассмотрения дел, и им просто некогда тратить лишнее время на работу со сторонами, в том числе и на примирительные процедуры. Судьи относились бы к медиации иначе, если бы у суда было больше возможностей самому выполнять функции посредника [Т.К.Андреева, 2007].

Ученые и практические работники ранее говорили о необходимости применения по некоторым спорам обязательной примирительной процедуры. Необходимость введения обязательной медиации стала очевидна после высказывания Президента Российской Федерации.

В качестве медиаторов могут выступать нотариусы. В некоторых зарубежных странах принято и успешно действует соответствующее законодательство, сложилась практика. Например, более 10 лет нотариусы Германии осуществляют обязательное примирение по отдельным категориям дел, перечень которых прямо закреплен в законе.

Помимо осуществления примирительной процедуры, нотариус занимается профессиональной деятельностью, действуя в интересах каждой из сторон.

Примирительные процедуры, которые проводятся нотариусами в нашей стране, имеют определенную специфику. В настоящее время готовится реформа нотариата. На рассмотрение Государственной Думы представлен проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». Важной особенностью нотариальной медиации является то, что достигнутое сторонами в результате проведения процедуры медиации соглашение удостоверяется нотариусом по правилам удостоверения соответствующих видов сделок и обеспечивается механизмом принудительного исполнения. В ряде случаев нотариальный акт имеет исполнительную силу [С.И.Реутов, И.С. Закалина, 2011].

В качестве медиатора может выступать адвокат. Позиция большинства ученых, занимающихся медиацией, по поводу участия адвоката в медиации довольно категорична: профессия адвоката несовместима с выполнением роли медиатора. Президент Федеральной палаты адвокатов Е.В.Семеняко считает, что адвокатское сообщество крайне заинтересовано в развитии медиации [А.С.Кигим, М.В.Мишустин, Е.В.Семеняко, 2011], а руководители Федеральной налоговой службы и Всероссийского союза страховщиков утверждают, что применение этого метода в налоговой сфере и на рынке страховых услуг более чем уместно [А.С.Кигим, М.В.Мишустин, Е.В.Семеняко, 2011] .

В качестве профессиональных медиаторов могут выступать социальные работники. В Австрии, например, существует институт медиаторов -социальных работников. Нечто подобное есть в некоторых регионах нашей страны. Например, ювенальными судами Ростовской области поддерживается идея наделения помощников судей с функциями социального работника полномочиями по осуществлению примирительных процедур между несовершеннолетним правонарушителем и потерпевшим.

Медиаторами могут быть специалисты по финансовым вопросам, специалисты в области страхования, преподаватели, ученые вузов.

На наш взгляд каждый профессиональный медиатор должен отвечать еще одному требованию. Он должен быть членом профессиональной ассоциации медиаторов. Кроме того в законе следует в обязательном порядке закрепить правило о том, кто не может быть профес-

сиональным медиатором. В связи с этим считаем целесообразным внести изменения в ст. 16 ФЗ №193-ФЗ, изложив п. 1 этой статьи в следующей редакции: «Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут дееспособные лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов, утвержденной в порядке, установленном Правительством Российской Федерации и состоящие в реестре профессиональных медиаторов, за исключением:

- лиц, признанных в судебном порядке недееспособными или ограниченно дееспособными;
- лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование;
- лиц, имеющих непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость».

В настоящее время в стране уже есть специалисты, прошедшие обучение в различных вузах, центрах подготовки и имеющие дипломы, сертификаты, удостоверения, различные свидетельства. Заслуживает внимания опыт Некоммерческого партнерства г. Санкт-Петербурга «Лига медиаторов». Они разработали Положение об аттестации. Профессиональным медиатором может быть специалист, прошедший аттестацию, получивший свидетельство, подтверждающее его членство в этой организации.

Оставляет желать лучшего структура ФЗ № 193-ФЗ. На наш взгляд в законе должна быть не просто статья, а самостоятельная глава «Права и обязанности медиатора и сторон медиации». Кроме того, в этом законе должны быть главы «Общие положения», «Заключительные положения». Должна быть специальная глава, посвященная проведению медиации, в которой, помимо прочего, должны быть специальные нормы, отражающие особенности медиации в некоторых сферах человеческой деятельности (в семейных, трудовых отношениях, в сфере физкультуры и спорта, в банковской и страховой сфере и т.п.).

Считаем неоправданным положение, при котором каждая организация, обеспечивающая медиацию, должна разрабатывать и принимать свои Правила проведения процедуры медиации (п.7 ст. 15 Закона № 193-ФЗ) и свой Кодекс профессиональной деятельности медиаторов. На наш взгляд целесообразно право на разработку и принятие правил проведения процедуры медиации и Кодекса профессиональной этики медиаторов следует предоставить Национальной ор-

ганизации медиаторов (НП «НОМ»), которая была официально зарегистрирована в августе 2011 г.

На наш взгляд в целях упорядочения работы непрофессиональных медиаторов в законодательном порядке следует закрепить требование о ведении реестра непрофессиональных медиаторов, установив, что этим должен заниматься соответствующий уполномоченный орган. Кроме того, реестры профессиональных и непрофессиональных медиаторов должны размещаться на интернет ресурсах.

Медиатор, как ключевая фигура в медиативном процессе, имеет права и обязанности. В ст. 5, 11, 15 ФЗ № 193-ФЗ достаточно подробно регулируется вопрос о правах медиатора и практически не решается вопрос о его обязанностях. На наш взгляд в законодательном порядке в числе других следует закрепить такие обязанности:

- соблюдать установленные стандарты (правила проведения процедуры медиации);
- до начала медиации разъяснить сторонам медиации ее цели, а также их права и обязанности;
- соблюдать Кодекс профессиональной этики медиаторов;
- медиатор, осуществляющий свою деятельность на профессиональной основе, должен состоять в реестре профессиональных медиаторов;
- застраховать свою гражданско-правовую ответственность.

Это необходимо сделать в качестве гарантии компенсации убытков, связанных с осуществлением своей деятельности.

Результативность медиации во многом зависит от личности медиатора (посредника), его профессиональных навыков, опыта в разрешении конфликтов, его авторитета. Необходимо заняться подготовкой непрофессиональных и бесплатных примирителей для обслуживания школ, вузов, пенитенциарных учреждений. Медиаторов не должно быть много. Они должны быть компетентны, профессиональны и востребованы. Надо сформировать положительное общественное мнение о медиации. Все студенты юридического факультета должны прослушать соответствующий курс по медиации. Медиативными навыками должны обладать как можно больше специалистов. Как сказал В.Ф.Яковлев здесь важно использовать принцип «не навреди». А потому, нельзя подорвать доверие к этому молодому институту. Вся работа должна проводиться чистыми руками, авторитетными, надежными людьми [В.Ф. Яковлев, 2011].

С.И.Реутов,
к.юрид. н., профессор кафедры социальной работы,
Д.Н.Муравьев,
студент V курса специальности «Социальная работа»,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР (МЕДИАЦИИ) ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

Ст. 38 Конституции РФ закрепляет «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Авторитет любого государства определяется тем, что как обеспечена социальная безопасность человека и его семьи, а отношение к детям – это тот показатель, по которому можно судить о зрелости общества в целом, об уровне его развития.

Семейно-правовая политика Российской Федерации последние годы далеко не в полной мере соответствует положениям, закрепленным в ст. 38 Конституции. Следствием этого является ухудшение демографической ситуации в России: низкая рождаемость и высокая смертность, большое количество разводов, неполных семей, родителей-одиночек, брошенных детей, неблагополучных семей, в которых дети не получают ни воспитания, ни образования, понижение социальной ответственности родителей за заботу о детях, их воспитание, растущая беспризорность и безнадзорность детей и т.п.

К сожалению, в настоящее время почти половина браков распадается, об этом свидетельствует статистика. Так, в 2011 г. в России было зарегистрировано 1316122 брака и 669444 развода. Это без учета распавшихся так называемых «гражданских браков». Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за 2011 год в российские суды поступило 555539 дел о расторжении брака, из них 441815 поступило от лиц, имеющих детей, также судами было принято на рассмотрение 28148 дел по спорам связанным с воспитанием детей.

При разводе страдают не только бывшие муж и жена, но в первую очередь их дети. По мнению специалистов, психическому здоровью ребенка неизмеримый вред наносится обычно в предразводный и послеразводной ситуации [А.М.Нечаева, 2009].

Таким образом, из вышесказанного следует сделать вывод, что дела о расторжении брака являются наиболее распространенной категорией семейно-правовых дел, а поскольку почти в каждой семье есть ребенок, справедливо будет полагать, что любой спор, возникший в семье, в той или иной мере касается прав и интересов детей.

В российском семейном праве отсутствует понятие «родительская опека». Указывается лишь на то, что родители являются представителями своих детей. Родительская опека может быть совместной или единоличной. При совместной опеке оба родителя принимают активное участие в жизни ребенка и совместно принимают решения, касающиеся обучения, образования, лечения, отдыха ребенка. [С.С.Сафронова, О.Ю.Ситкова, 2012]. Родитель, который воспитывает ребенка на основании решения суда либо нотариально удостоверенного соглашения родителей должен иметь право определять конкретное место жительства ребенка (жилое помещение, город, регион). Право определять место жительства ребенка – это и есть право «родительской опеки» [Л.Ю.Михеева, 2011]. При введении такого права в семейное законодательство можно свести на нет споры родителей о «кражах» детей.

До настоящего времени в России традиционным способом разрешения семейных споров являлось судебное разбирательство. Как уже отмечалось, судебный способ разрешения споров о месте жительства ребенка не всегда способен сохранить на будущее дружественные отношения между родителями ребенка и близкими родственниками. Особенно трудноразрешимой проблема становится, когда родители проживают в разных странах, суды которых выносят взаимоисключающие решения по одному и тому же делу. Более того, принудительное разрешение дела судом далеко не всегда воспринимается сторонами как справедливое, что, в свою очередь, влечет за собой неисполнение судебного решения и дальнейшую эскалацию правового конфликта - похищение детей и незаконный их вывоз с целью сокрытия за пределы Российской Федерации [Д.В.Кузьмина, С.Р.Рыбакова, 2011].

27 июля 2010 г. был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В соответствии с п. 2 ст. 2 этого закона процедура медиации - способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Семейное законодательство в полной мере позволяет реализовать проведение процедуры медиации в конфликтогенной сфере, а

именно сфере семейных отношений. О.И. Величкова справедливо отмечает, что в семейном законодательстве давно существовали предпосылки к проведению процедуры медиации [О.И.Величкова, 2012]. В частности, ч. 2 ст. 22 СК РФ устанавливает, что при рассмотрении дела о расторжении брака при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака суд вправе принять меры к примирению супругов и вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах трех месяцев.

Премьер-министр Д.А. Медведев отметил, что, к сожалению, в настоящий момент у нас практически нет культуры ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений. Законы о медиации, которые приняты, почти не работают, случаи заключения соглашений всё ещё единичны.

На сегодняшний день споры, возникающие из семейных отношений, относятся к компетенции следующих органов: органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, органы записи актов гражданского состояния, органы нотариата, суды общей юрисдикции [С.И.Калашникова, 2011]. Мы считаем, что именно в рамках деятельности этих органов целесообразно проводить семейную медиацию.

Для решения проблем в области медиации, по нашему мнению было бы разумно учитывать опыт зарубежных стран. Например, опыт Франции. Во Франции судья при рассмотрении дела о расторжении брака имеет право направить стороны к медиатору для того, чтобы супруги составили соглашение, регламентирующее последствия развода, которое судья должен утвердить. Если соглашение не соответствует интересам детей, либо в случае повторного отказа судом в утверждении этого соглашения, заявление о разводе утрачивает силу.

Фактически такое положение дел свидетельствует о проведении процедуры медиации в принудительном порядке. На наш взгляд, целесообразно в нашем законодательстве закрепить возможность внедрения обязательной примирительной процедуры, иначе медиация так и останется «бедным родственником правосудия» [Рэндольф П., 2010].

Для успешного внедрения семейной медиации в российскую практику, на наш взгляд, в первую очередь необходимо понимание истинной сущности этого нового института. Кроме того, необходима действенная поддержка судейского корпуса, поскольку судьи являются одними «из держателей доступа (ключа) к медиации» [Ц.А.Шамликашвили, 2010]. Важно, чтобы судьи, адвокаты, нотари-

усы, другие юристы и иные специалисты прошли такую подготовку, как семейные медиаторы.

Важно применять медиацию для разрешения конфликтов супругов, один из которых является гражданином другого государства. По статистике, за период с 2006 г. по 2010 г. гражданами РФ было заключено более 200 000 браков с иностранными гражданами – представителями 150 стран мира. При этом распадается около 2/3 международных браков. Довольно сложно в таких случаях решать вопросы о защите прав и интересов российских граждан, особенно детей [С.С.Сафронова, О.Ю.Ситкова, 2012]. Представляется важным, чтобы руководство нашей страны весьма серьезно отнеслось к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № R (98) 1 «О семейной медиации», принятой еще в 1998 г. В этом документе закреплены принципы, цели, задачи, сфера применения, процедура и другие важные вопросы семейной медиации.

Большая работа по продвижению медиации проводится в Пермском крае. 28-29 марта 2012 г. в Перми была проведена научно-практическая конференция «МЕДИАЦИЯ КАК КУЛЬТУРА СОГЛАСИЯ И РЕСУРС РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ». Организаторами конференции стали: Правительство Пермского края, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, Пермский краевой суд, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Ассоциация медиаторов Пермского края, Совет муниципальных образований Пермского края, Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ».

В июне 2011 г. в Дзержинском районном суде г. Перми открыт кабинет медиации, в котором прием посетителей ведет сертифицированный медиатор, кандидат юридических наук - Новикова Н.В. На базе юридического факультета организованы и проведены занятия по программе «Медиация, как эффективная технология разрешения споров» с руководящими работниками Правительства Пермского края, работниками аппарата Уполномоченного по правам человека в Пермском крае. В ноябре, декабре 2012 г. такие занятия по 32 часовой программе будут проведены с адвокатами г. Перми, работниками Комитета ЗАГС Пермского края. Образована и действует на факультете студенческая юридическая клиника.

В 2012 году при кафедре социальной работы Пермского государственного национального исследовательского университета была создана студенческая медиативная клиника, руководителем которой является В. А. Леденцова.

На юридическом факультете ПГНИУ широко используются интерактивные формы обучения студентов, в частности деловые игры. В мае 2011 г. и апреле 2012 г. со студентами специальности «Социальная работа» проф. С. И. Реутовым были проведены деловые игры, посвященные семейной медиации. В качестве экспертов были приглашены действующие федеральные судьи, практикующие медиаторы, нотариус, представители органов ЗАГС, опеки и попечительства.

Важной задачей для продвижения медиации является интеграция медиации и иных способов АРС в систему обучения юридических кадров [В.Ф.Яковлев, 2010]. В крупных университетах страны со временем следует ввести специализацию в одной из областей: семейные, трудовые споры, споры в сфере строительства, транспорта, туризма, физкультуры и спорта, споры, связанные с защитой окружающей среды и т.п.

На наш взгляд, целесообразно разработать и принять специализированные нормы о семейной медиации. В законодательстве многих зарубежных стран (Великобритания, Италия, Австрия Бельгия, Болгария Испания, Португалия, Франция, Финляндия, Чехия, Литва, Румыния и др. страны) такие нормы приняты и они работают эффективно. Для развития и продвижения семейной медиации целесообразно создавать региональные и национальную Ассоциацию семейных медиаторов. Государство должно взять на себя обязанность финансовой поддержки при продвижении и развитии семейной медиации. Это важно сделать сейчас, на первых этапах ее становления [С.И.Реутов, 2011].

Необходимо сформировать положительное общественное мнение о медиации. Желательно, чтобы студенты юридического факультета в обязательном порядке изучали соответствующий курс по медиации. И в целом медиативными навыками должны обладать как можно больше специалистов.

Положительный зарубежный опыт создания специализированного законодательства о семейной медиации мог бы послужить примером и одним из обоснований необходимости создания подобного института в российском праве.

Не приходится сомневаться, что качественно проведенная процедура медиации может не только помочь сторонам решить возникший спор, но и вывести участников конфликта на качественно новый уровень при решении спорных ситуаций.

Решая вопросы о продвижении и развитии семейной медиации, не следует забывать очень точные слова помощника Президента Рос-

сийской Федерации по правовым вопросам Яковлева Вениамина Фёдоровича: «важно использовать принцип «не навреди». А потому, нельзя подорвать доверие к этому молодому институту».

С.И.Реутов,

к.юрид. н., профессор кафедры социальной работы,

Д.В. Попов,

студент V специальности «Социальная работа»,

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОРГАНОВ В РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ В СФЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый гражданин вправе защищать свои права способом, не запрещенным законом. Судебную систему в РФ составляют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов РФ. Арбитражные суды относятся к системе федеральных судов и осуществляют правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 1 АПК РФ).

Действующее законодательство допускает использование иных (внесудебных, альтернативных) способов разрешения правовых споров. Таким образом, государство предоставляет участникам правовых споров возможность выбора: либо обратиться за разрешением конфликта в государственный суд, либо разрешить спор при помощи альтернативных, внесудебных процедур.

Современное Российское общество можно охарактеризовать, как крайне конфликтное. Различные конфликты пронизывают все сферы жизнедеятельности россиян. Граждане РФ постоянно становятся субъектами конфликтов, конфликты разрушают производственные отношения, бытовые связи и даже такие основополагающие институты как семья и брак, попадают в этот список.

В сфере физической культуры и спорта обстоятельства высокого уровня конфликтности российского общества усугубляются тем, что сама по себе спортивная деятельность несет в себе внутренний

конфликт, так как сущность спорта заключается в соревновательных моментах, то есть в конкурентной борьбе. Количество конфликтов резко возросло в связи с коммерциализацией спортивной деятельности. Крупные конфликты возникают как в международном масштабе (конфликты в Международном олимпийском комитете), так и на национальном уровне. Высокий уровень конкуренции порождает множество конфликтов между спортсменами, тренерами, судьями и другими участниками спортивных правоотношений. Отношения в области спорта постоянно усложняются в связи с профессионализацией спорта, появляются, новые субъекты правоотношений в сфере спорта, такие как: менеджеры, спонсоры, телевизионные агентства, международные федерации и т.п.

Все чаще возникают конфликты из трудовых правоотношений. Велик уровень напряжённости в среде профессиональных спортсменов, связанный с окончанием спортивной карьеры, так как спортсмены обладают узкой специальностью и после окончания карьеры, зачастую не могут найти себя в иных профессиональных отношениях.

Под спортивными конфликтами принято понимать все споры, вытекающие из спортивных отношений, а также из отношений, хотя и не являющихся спортивными, но оказывающих влияние на права и обязанности субъектов спортивных отношений. Круг спортивных споров многообразен, в юридической литературе нет единой классификации споров. Так, А.М. Бриллиантова все споры, возникающие в сфере физкультуры и спорта, делит на 4 большие группы, в том числе споры, касающиеся коммерческой стороны в спорте, споры между спортсменами и спортивными организациями, связанные с вопросами найма и трудоустройства, споры между спортивными организациями относительно распределения между ними функций и полномочий и, наконец, споры по поводу дисциплинарных санкций [А.М. Бриллиантова, 2004].

Иную классификацию спортивных споров предлагает Д.И.Рогачев – судья Спортивного арбитражного суда, канд. юрид. наук, советник Министра спорта, туризма и молодежной политики РФ. Среди таких споров, он выделяет споры о статусе спортсмена, о допуске к соревнованиям, о допинге и спортивных санкциях, о трансферах и суммах компенсаций, о членстве в спортивных федерациях, споры по агентской деятельности в спорте и др. [Д.И.Рогачев, 2009].

В предстоящие несколько лет нашей стране предстоит огромная работа по организации и проведению крупнейших спортивных мероприятий международного масштаба: зимние олимпийские игры в Сочи

(2014 г.), Всемирная ??? студенческая универсиада (Казань, 2015 г.), чемпионат мира по футболу (2018 г.) и др. В связи с этим необходимо на законодательном уровне решить многие вопросы, устранить пробелы в законодательстве. В ногу со временем должна шагать и наука. В Российской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина образована кафедра спортивного права. В последние годы в РФ проведены 5 международных научно-практических конференций, круглые столы, посвященные различным проблемам по спортивному праву.

Выше перечисленные вопросы являются вызовами современного общества. Какие же институты сформированы на данный момент для разрешения конфликтов в сфере физической культуры и спорта? В какие органы могут обратиться участники спортивных правоотношений за защитой своих прав?

В России существует определенная система органов, уполномоченных разрешать спортивные споры. Николюкин С.В. считает, что условно их можно разделить как общие и специальные. Под общими органами уполномоченными разрешать конфликты в сфере физической культуры и спорта понимаются, прежде всего, суды общей юрисдикции и в случае, если конфликт возникает в сфере предпринимательских отношений и с участием юридических лиц, то в разрешении конфликтов принимают участие Арбитражные суды РФ [С.В. Николюкин].

В ряде случаев, при возникновении спора, необходимо властное, государственное вмешательство в виде принудительного применения права. В таких ситуациях субъекты спортивных правоотношений обращаются для разрешения конфликта в компетентный государственный орган. Иными словами, заинтересованное лицо обращается к юрисдикционной форме защиты, которая представляет собой деятельность уполномоченных государством органов по защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав. По общему правилу защита гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в судебном порядке.

Необходимо отметить, что иногда разрешить спор без суда невозможно, например, при необходимости восстановления на работе в случае незаконно увольнения. На наш взгляд невозможно внутри федерации традиционным способом разрешить спор с юридическим лицом, которое по каким-то причинам перестало быть субъектом физической культуры и спорта т.е. перестало участвовать в соревнованиях.

Наряду с судебным существует также специальный, административный порядок защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов. Он применяется в виде исключения из общего правила, и только в случаях, установленных законом. Ярким примером данной формы является комиссия по трудовым спорам. Необходимо отметить, что общие (юрисдикционные) органы не всегда являются эффективными в разрешении споров в сфере физической культуры и спорта, так как у данной формы присутствуют определенные процессуальные ограничения: строго определенный законом регламент и сроки разрешения спора. Ввиду того, что спорт является специфическим общественным явлением судьям крайне сложно рассматривать дело по существу, так как они зачастую не обладают знаниями в данной области.

Помимо общих органов разрешения спортивных споров существуют специальные органы. К ним можно отнести органы спортивных федераций, спортивные арбитражные суды.

Можно сказать, что большинство споров вытекающих из спортивных отношений до суда не доходит, а урегулируется спортивными федерациями. В качестве примера можно привести ст. 45 Устав Российского Футбольного Союза (далее РФС), в которой устанавливается, что РФС, его члены, региональные (местные) отделения РФС, а также лиги, клубы, игроки, официальные лица, агенты матчей и агенты игроков, признающие устав, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, не выносят ни один спор на рассмотрение суда общей юрисдикции или арбитражных судов Российской Федерации, если только это не оговорено для конкретных случаев в уставе РФС или регламентах ФИФА, УЕФА, РФС.

Деятельность органов спортивных федераций имеет определенную специфику, которая заключается, прежде всего, в том, что эти органы специализируются на разрешении споров в рамках конкретного вида спорта и ограничены степенью влияния спортивной федерации на соревновательную деятельность. На данный момент законодательством их статус не определен. Большим преимуществом в разрешении конфликтов в спортивных федерациях является то, что конфликты разрешаются высококвалифицированными специалистами в данном виде спорта. Не менее важным является быстрота данной формы разрешения спортивных споров. К таким органам следует отнести: в футболе – это Палата по разрешению споров и Комитет по статусу игроков РФС, а в хоккее - Дисциплинарный комитет. Так, контрольно-дисциплинарным комитетом Российского футбольного союза еже-

годно рассматривается около 600 дел, Дисциплинарным комитетом Континентальной хоккейной лиги – около 100 дел.

Спортивные арбитражные суды с точки зрения законодательства Российской Федерации являются третейскими судами, и их деятельность осуществляется в соответствии с федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации». В соответствии с указанным законом в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом. Разрешение споров в спортивном арбитраже возможно лишь при согласии сторон, выраженного в форме третейского соглашения.

В настоящее время в России функционируют два основных спортивных арбитража: спортивный арбитражный суд при АНО «Спортивная арбитражная палата» и спортивный арбитраж при Торгово - промышленной палате. Необходимо подчеркнуть важное значение международного спортивного арбитражного суда расположенного на территории Швейцарии в г. Лозанне (далее CAS). CAS осуществляет свою деятельность в соответствии законодательством Швейцарии и Кодексом спортивного арбитражного суда.

Следует согласиться с мнением Иглина А.В. в том, что именно третейские суды способны наиболее эффективно разрешать спортивные споры [А.В.Иглин]. Споры, возникающие в ходе международных соревнований, следует направлять в международные институты, например в Спортивный арбитражный суд в Лозанне.

Нам представляется важным, чтобы в перспективе объединить все органы, разрешающие споры в сфере физической культуры и спорта, в единую систему. Кроме этого целесообразно разработать унифицированные правила, механизмы обжалования решений, а также законодательно урегулировать исполнительное производство в сфере физической культуры и спорта.

Следует согласиться с мнением советника группы международного арбитража и спортивного права Р.О.Зыкова о том, что принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193 –ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (медиации)», создает перспективы распространения внесудебных средств разрешения споров в области физкультуры и спорта с участием посредников (медиаторов) [Р.О.Зыков, 2011].

О.А. Решетников,
*заместитель руководителя аппарата
главного федерального инспектора по Пермскому краю,
советник по правовым вопросам,
г. Пермь*

ДОГОВОР О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Гражданско-правовой договор выступает правовым средством удовлетворения многообразных потребностей граждан и юридических лиц, в том числе и потребностей в различных услугах. В литературе правовые средства обоснованно определяются «как юридические возможности, заложенные в нормах права, обязательствах и отдельных его институтах, которые используются в процессе их реализации в целях обеспечения удовлетворения имущественных и неимущественных потребностей граждан организаций и общества». Договор является той правовой формой, которую принимает в настоящее время большинство нормальных экономических отношений.

Справедливым следует признать замечание Ю.В. Васильевой, которая отмечает, что «... основания возникновения прав и обязанностей в области социального обеспечения должны охватывать не только те, что закреплены в законах и иных правовых актах, но и те, что определены в договорах о социальном обеспечении (обслуживании). Правообразующее значение договорного регулирования в сфере права социального обеспечения стало уже очевидным, поэтому ограничиться традиционным указанием на нормативную природу отраслевых правоотношений означало бы неоправданно сузить их круг».

Представляется, что основу отношений по предоставлению социальных услуг должен составлять договор о предоставлении социальных услуг. Заключение данного договора связано с достижением соглашения лица, находящегося в трудной жизненной ситуации (далее – ТЖС), с соответствующим исполнителем (органом государственной власти, органом местного самоуправления, юридическим или физическим лицом) о предоставлении определенной социальной услуги, либо услуг в течение указанного в нем срока или до отпадения соответствующих условий, безвозмездно или на условиях встречного имущественного предоставления.

Характеризуя договор о предоставлении социальных услуг следует отметить, что исследуемый договор является каузальным, непоменованным в ГК РФ, может заключаться как на определенный срок (срочный договор), так и бессрочно, относится к категории договоров присоединения, носит как возмездный, так и безвозмездный характер.

Необходимо отметить, что если вопрос о возмездном предоставлении социальных услуг на основе гражданско-правового договора преимущественно решается в науке гражданского права положительно, то вопрос о возможности регулирования безвозмездных социальных услуг на договорной основе остается весьма дискуссионным.

Вместе с тем в соответствии со ст.ст. 1, 421 ГК РФ установлен принцип свободы договора, при этом согласно п.3 статьи 423 ГК РФ договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное, при этом предусмотренные ст. 779 ГК РФ общие положения о возмездности договора не лишают стороны права заключить безвозмездный договор согласно п. 3 статьи 423 ГК РФ. Данная правовая позиция также подтверждается рядом судебных решений.

Вместе с тем следует отметить, что со стороны законодателя имеет место стремление придать гражданско-правовым отношениям исключительно возмездный характер, что помимо прочего следует из анализа главы 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг», вопросы же безвозмездного предоставления услуг не находят должного правового регулирования в гражданском законодательстве несмотря на их достаточно широкую распространенность в настоящее время. В силу изложенного важным представляется отражение на уровне гражданского законодательства общих положений о безвозмездных договорах путем переименования главы 39 ГК РФ в «Оказание услуг» и ее дополнения положениями об услугах, оказываемых на безвозмездной основе, поскольку предоставление таковых предполагает несколько иные механизмы правового регулирования, нежели при оказании услуг на возмездной основе.

Подчеркивая значимость социальных услуг, а также принимая во внимание особенности положения лиц их получающих, представляется необходимым дополнить положения ФЗ от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» главой «Договор о предоставлении социальных услуг», что позволит урегулировать особенности анализируемых правоотношений.

*Т.Г. Самойленко,
к.пед.н, доцент кафедры начального обучения,
Е.С. Останина
преподаватель спец. дисциплин
каф. социальной работы и педагогики дополнительного образования,
Пермский педагогический колледж №1,
г. Пермь*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

Профессиональное образование в современном обществе должно обеспечить не только полноценное развитие человека, но и готовность к дальнейшему самообразованию после окончания его образовательного учреждения. В этой связи все большее значение приобретает не только совершенствование учебного процесса в профессиональном образовании, но и создание условий для самостоятельной работы обучающихся, развитие различных форм работы со студентами во внеаудиторное время, обеспечивающих формирование базового набора профессиональных и общих компетенций будущего специалиста.

Так, с целью формирования необходимых компетенции в работе со студентами можно использовать такие формы работы, как волонтерство, интеллектуальные клубы и, конечно же, институт кураторства в студенческой группе.

Выстраивая работу волонтерского отряда в колледже, следует опираться на принципы добровольности, демократичности, гуманизма и самоуправления. Основной целью работы волонтерского отряда является организация общественно – значимой деятельности, направленной на решение острых социальных проблем, касающихся, в первую очередь, молодежи. В содержание работы входят помощь и поддержка молодежных инициатив, участие в проектной деятельности, социальных и благотворительных акциях, мероприятиях, организованных некоммерческими организациями, краевыми органами власти и органами местного самоуправления.

Включение студентов педагогического колледжа в интеллектуальный клуб способствует развитию коммуникативных способностей,

формированию у будущих специалистов объективного и творческого подхода к решению определённых задач, а в плане воспитания – чувства осознанной ответственности за свои действия, профессиональной честности, чуткости, организованности и самостоятельности. Участие в работе клуба побуждает к мыслительной и практической деятельности, причем с самого начала процесса обучения, развивает важные интеллектуальные качества человека, обеспечивающие в дальнейшем его потребность в постоянном овладении знаниями и применении их на практике, способность ориентироваться в стремительном потоке информации. Все это благоприятно сказывается на качестве подготовки и воспитания будущих специалистов, активизирует креативность мыслительной деятельности студентов, способствует формированию у них собственной жизненной позиции. К примеру, общим приобретаемым качеством для всех интеллектуалов, независимо от того, играют они или нет, является навык «мозгового штурма» - быстрой мобилизации всех ресурсов для решения какой либо проблемы. Интеллектуал пытается подобраться к проблеме с разных сторон, перебирает множество вариантов, в общем, делает все, чтобы ее решить.

Использование потенциала кураторства, позволяет выстроить систему управления профессиональным развитием будущего специалиста, результатом которой становится комплекс универсальных умений и навыков: самостоятельно критически мыслить, видеть возникающие в реальном мире трудности и искать пути рационального преодоления, использовать современные технологии в профессиональной деятельности; чётко осознавать, где и каким образом приобретаемые знания могут быть применены в окружающей действительности; генерировать новые идеи, творчески мыслить; грамотно работать с информацией; быть коммуникабельными, уметь работать сообща, предотвращая конфликтные ситуации; самостоятельно трудиться над собственным развитием.

Особое значение для формирования профессионально – значимых качеств личности у студентов имеет позиция куратора. Главным образом успешное использование современных форм обучения, связанное с постепенным переходом позиций и стиля деятельности куратора-информатора на позицию фасилитатора. Куратор - фасилитатор управляет деятельностью через организацию самоуправления в группе, используя нестандартные рычаги воздействия на студентов («круговая порука», «личная карта студента», «портфолио студента», делегирование полномочий и.т.д.). Стремясь к поставленной цели,

куратор, используя деятельностный подход, мотивирует студентов на решение задач профессионального роста.

Практика работы волонтерского отряда, интеллектуального клуба и института куратора в педагогическом колледже позволяет использовать не только традиционные и современные педагогические средства в работе со студентами, но и ресурсный потенциал педагогических кадров, который способствует обеспечению студентов необходимыми профессиональными компетенциями.

T.G. Samoilenko

*candidate of pedagogical science,
assistant professor of elementary education,*

E.S. Ostanina

*teacher of professional disciplines
Department of Social work and pedagogy of supplementary education
Perm Pedagogical College № 1*

SOME ASPECTS OF THE COMPETENCE OF THE FUTURE OF SOCIAL WORK SPECIALIST IN COLLEGE OF EDUCATION

The practice of volunteer groups, intellectual club and curator at the Institute of Teachers College, not only allows the use of traditional and modern teaching tools in working with students, but also the resource potential of the teaching staff, which promotes the students with the necessary expertise.

К.Б. Сафонов,

*к.филос.н., доцент Новомосковского института (филиала),
Российский химико-технологический университет
им. Д.И. Менделеева,
г. Новомосковск (Тульская обл.)*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В настоящий момент общество сталкивается с многочисленными проблемами, от успешного решения которых напрямую зависит как комфортность существования отдельных индивидов, так и ста-

бильность социальных процессов. Одним из главных вызовов в данном контексте становится необходимость опережающего развития социальной сферы, что представляет собой важный фактор формирования и приращения человеческого капитала. При этом во всех без исключения развитых странах мира социальная политика является приоритетом, а основные сферы ее осуществления получают финансирование, максимально возможное в условиях текущей бюджетной ситуации. В данном контексте повышается значение оптимизации управления социальной сферой: выделяемые материальные ресурсы должны расходоваться с учетом необходимости постоянного развития. Как следствие, в настоящий момент большое внимание должно уделяться выработке инновационных методов менеджмента в социальной сфере, которые позволят получать максимальную отдачу от вкладываемых в нее средств, а это, в свою очередь, будет всемерно способствовать повышению социальной защищенности членов социума, всесторонней реализации потенциала общества.

В условиях рыночной экономики основной задачей любой организации является осуществление максимально эффективной деятельности. Применительно к коммерческим структурам это может означать повышение прибыльности и рентабельности производства востребованной среди потребителей продукции или оказания конкурентоспособных услуг. Однако в социальной сфере ситуация обстоит несколько иначе. Значительная часть услуг здесь являются для конечных потребителей бесплатными, что достаточно сильно ограничивает возможности для развития конкуренции. Кроме того, не следует забывать, что значительную часть обращающихся к услугам учреждений социальной сферы составляют представители наименее защищенных слоев населения, в частности, пенсионеры и инвалиды. Исходя из принципов гуманности, любое из этих учреждений должно оказывать услуги на максимально высоком уровне. Следовательно, механизмы рынка (и конкуренция в том числе) здесь будут находиться в зачаточном или весьма усеченном состоянии. Именно этими факторами и определяются характерные черты менеджмента в социальной сфере, основной задачей которого должно быть оказание высококачественных услуг всем, кто в них нуждается, опираясь при этом на соображения необходимости содействовать всестороннему развитию как общества в целом, так и каждого из его членов.

Работая в учреждении социальной сферы, менеджер должен осознавать необходимость оказания доступных и необходимых услуг. Также ему следует учитывать, что здесь, в отличие бизнес-структур,

показателями эффективности деятельности являются не рентабельность и объем валовой прибыли, а уровень удовлетворенности населения и проникновение услуг среди целевых социальных групп. Характерной особенностью менеджмента в социальной сфере является также коллегиальный характер принятия и практического воплощения управленческих решений. Менеджер не может ограничиваться воздействием на экономические механизмы, ему необходимо учитывать мнение специалистов, представляющих конкретную сферу деятельности. Например, управление учреждением здравоохранения может быть полностью эффективным только в случае сотрудничества менеджера и профессионального медика. Следовательно, в целях оптимизации управления данной организацией можно рекомендовать разграничение функций директора, отвечающего за финансовую сторону деятельности, и главного врача, полностью сосредоточенного на лечебно-профилактической работе.

Подготовка менеджеров для учреждений социальной сферы – сложная задача, которую необходимо решать в комплексе. Сделать это можно путем активизации взаимодействия вузов, выпускающих управленцев и социальных работников, а также совершенствования профессиональной подготовки. Формирование гуманистического мировоззрения будущих специалистов и усиление их готовности к организационно-управленческой и распорядительной деятельности в социальной сфере есть залог успешности модернизации учреждений данной сферы, повышения эффективности их деятельности, что должно привести к росту уровня жизни населения, к полной реализации человеческого потенциала.

K.B. Safonov

*candidate of philosophy, docent of Novomoskovsk Institute (branch)
Russian D.I. Mendeleyev University of Chemistry and Technology*

MODERN TENDENCIES OF SOCIAL SPHERE MANAGEMENT

The paper is devoted to the analysis of the current problems of social sphere management upon condition of improvement of the market economy. The findings give a sense of the challenges faced by social institutions and ways of addressing these issues, which will improve the effectiveness of social protection mechanism.

*О.С. Сизова,
студентка философско-социологического факультета,
Л.З. Зарипова,
ассистент кафедры психологии развития,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ У ЛИЦ МЕДИЦИНСКИХ ПРОФЕССИЙ

Современные тенденции развития общества характеризуются ростом напряженности в различных сферах социального взаимодействия, что находит выражение в развитии конфликтов (внутриличностных, межличностных, политических, этнических и т.д.). В каждом из этих конфликтов имеются психологические составляющие, знание которых необходимо для эффективного управления и разрешения конфликтной ситуации. Важным направлением деятельности является исследование конфликтов в профессиональной сфере личности, поскольку в современном обществе повышаются требования к качеству жизни и профессиональной деятельности специалистов (Деркач А.А., 2006).

Проблема исследования стратегий поведения в конфликте у лиц медицинских профессий обусловлена возрастающими на сегодняшний день требованиями к уровню психологической включенности человека в его трудовую деятельность и связана не только с теоретическими, но и прикладными аспектами психологии. Поскольку конфликты являются неизбежной частью человеческих отношений в совместной деятельности, актуальным является изучение стратегий поведения специалистов в конфликтной ситуации. Проблема исследования определяется имеющимся противоречием между возрастающей актуальностью исследования поведения человека в организационно-производственной среде и недостаточностью разработки вопросов истоков, причин конфликтных ситуаций, а также методов их изучения в профессиональной сфере личности.

Целью настоящего исследования является изучение стратегий поведения в конфликтном взаимодействии у медицинских работников и методов их диагностики.

В соответствии с целью сформулированы следующие задачи исследования: провести обзор научно-методической литературы по теме исследования, рассмотреть понятие конфликта и основных стратегий поведения в конфликтной ситуации, изучить специфику деятельности медицинских работников и их профессионально важные качества, а также рассмотреть особенности поведения в конфликтных ситуациях у лиц медицинских профессий, предложить методы исследования стратегий поведения в конфликтной ситуации у лиц медицинских профессий, проанализировать предложенные методики с точки зрения обоснованности использования в соответствии с темой и целью исследования.

Рассматривая стратегии поведения в конфликте, можно говорить о том, что они представляют собой определённый способ поведения человека в конфликтной ситуации – то, как человек привык участвовать в этом процессе.

Для того, чтобы эффективно заниматься профессиональной деятельностью, человек должен обладать рядом психологических качеств, необходимых для данной конкретной профессии. Профессионально важные качества – это характеристики человека, влияющие на эффективность осуществления его труда (Майборода Т.А., Фитьмова А.А., 2008). В психологии труда существует понятие «профессиограмма», отражающее научно обоснованные нормы и требования профессии к характеристикам личности специалиста, которые позволяют ему эффективно выполнять профессиональные требования и создавать условия для развития личности самого работника. К составлению профессиограммы необходимо обращаться в течение всей профессиональной жизни каждому специалисту с целью осуществления коррекции психологических качеств, учитывая современные требования конкретной профессии (Дружилов С.А., 2003).

В профессиональной сфере самосознание играет важную роль, определяя успех в деятельности. Так, прежде всего выбор деятельности, соответствующий индивидуальным качествам человека, зависит от правильного осознания этих свойств и их места в структуре личности (Рубинштейн С.Л., 2000). Следует отметить, что составные компоненты самосознания находятся во взаимоотношении друг с другом, и все они определяются одной общей составляющей – направленностью личности, указывающей, какие именно переживания и побуждения

приобретают наибольшую значимость для человека в контексте профессии (Дружилов С.А., 2003)..

В профессиональной деятельности специалиста постепенно формируется собственный стиль – устойчивая индивидуально-специфическая система навыков, методов и способов выполнения профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность медицинского работника предъявляет к специалисту высокие требования, поскольку работа врача связана с эмоциональными перегрузками, частыми стрессовыми ситуациями, а также высокой ответственностью и неопределённостью. По роду профессиональной деятельности врач сталкивается с большим количеством человеческих страданий, с болью, смертью. Врачи постоянно находятся в состоянии психологической готовности, эмоциональной вовлеченности в проблемы здоровья других людей. Болезнь характеризуется тем, что это, прежде всего, ситуация неопределенности и ожидания с дефицитом информации и непрогнозируемым исходом. Врач погружается в эту ситуацию неопределённости вместе с больным, проводя диагностику, поддерживая больного эмоционально. В особо сложных случаях контролировать ситуацию не представляется возможным. Такие специфические условия деятельности требуют от специалиста медицинского учреждения высокой эмоциональной устойчивости, стабильности, психологической надежности, стрессоустойчивости, развитых механизмов психологической адаптации и компенсации.

Медицинские работники являются одной из наиболее подверженных эмоциональному выгоранию категорий специалистов сферы «человек-человек». В профессиональной деятельности медицинских работников под эмоциональным выгоранием понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, обусловленное профессиональной деятельностью. Деперсонализация проявляется в виде дегуманизации отношений к объектам своей деятельности (пациентам): холодности, формализации контактов, черствости, цинизма (Молчанова Л.Н., 2011).

Возникающие негативные установки могут поначалу иметь скрытый характер и проявляться во внутренне сдерживаемом раздражении, которое со временем прорывается наружу и приводит к конфликтам. Редукция личных профессиональных достижений у медицинских работников может проявляться в занижении профессиональных успехов, возникновении чувства собственной некомпетентности в своей профессиональной сфере.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения особенностей эмоционального выгорания медицинских работников в ситуации профессионального стресса, а также их профессионально важных личностных характеристик, помогающих эффективнее разрешать проблемные и стрессовые ситуации в рабочей атмосфере.

В данной работе, посвященной изучению стратегий поведения в конфликтных ситуациях у лиц медицинских профессий выбраны следующие методы:

1. Методика диагностики стратегии поведения в конфликтной ситуации К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной. Методика разработана К. Томасом и предназначена для изучения личностной predisposition к конфликтному поведению, выявления определенных стратегий разрешения конфликтной ситуации. В России тест адаптирован Н.В. Гришиной. С ее помощью возможно изучить преобладающие стратегии поведения медицинских работников в производственной деятельности организации, то есть каким образом специалисты реагируют и ведут себя в конфликтных ситуациях.

2. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» для выявления склонности человека к конфликтности и агрессивности как личностных характеристик. Методика предназначена для выявления склонности человека к конфликтности и агрессивности как личностных характеристик. Методика взята нами, поскольку перечисленные выше характеристики (шкалы методики) позволяют выявить уровень выраженности конфликтности и агрессивности медицинских работников, что безусловно влияет на их поведение в производственных конфликтах.

3. Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири для изучения преобладающего стиля отношений в социальном взаимодействии. Методика разработана Т. Лири в 1954 г. и предназначена для исследования представлений субъекта о себе и идеальном «Я», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С ее помощью выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке. Методика Лири позволяет выявить определенные (преобладающие) стратегии поведения в межличностном взаимодействии у медицинских работников. Это является важным, так как определенные стратегии, к примеру, авторитарный или агрессивный, способствуют неэффективному поведению специалистов в конфликтных ситуациях. И, напротив, такие стратегии как дружелюбный или альтруистичный, способствуют конструктивному поведению специалистов в производственных конфликтах.

Подводя итог проделанной работы, можно отметить существующее противоречие между возрастающей актуальностью исследования поведения человека в организационно-производственной среде и недостаточностью разработки вопросов истоков, причин конфликтных ситуаций, а также методов их изучения в профессиональной сфере личности.

Результаты нашего дальнейшего исследования могут быть использованы в психологической практике консультирования специалистов медицинских профессии, в проведении регулярного мониторинга в организации с целью выявления индивидуально-психологических особенностей сотрудников и специфики их поведения в конфликте.

*А.В. Ситников,
председатель Комитета ЗАГС Пермского края,
Т.Н. Максимова,
главный специалист Аппарата Уполномоченного по правам человека
в Пермском крае,
г. Пермь*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТЦОВСТВА

Согласно ст. 47 Семейного кодекса РФ, права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке. Происхождение ребенка от определенных родителей становится юридическим фактом лишь при условии его удостоверения, в порядке, предусмотренном законом.

При рассмотрении дел данной категории суд может назначить экспертизу для установления отцовства. Экспертиза назначается для разъяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка, с учетом мнения сторон и обстоятельств дела (например, требуется специальные познания в области медицины и биологии).

На основании положений ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ “О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ” в соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства

или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. Таким образом, провести экспертизу, которая с высокой точностью может дать ответ на поставленный вопрос, в данном случае, ответ на вопрос, является ли ответчик отцом ребенка, в отношении которого устанавливается отцовство, не является проблемой.

С помощью судебно-медицинских экспертиз могут быть установлены время зачатия (судебно-гинекологическая экспертиза), способность ответчика иметь детей, наличие (отсутствие) родственной связи с ребенком (биологическая, молекулярно-генетическая экспертиза).

В настоящее время все большее распространение получила экспертиза, проведенная методом «генетической дактилоскопии», которая позволяет с очень высокой степенью вероятности установить – является ли ответчик биологическим отцом ребенка. Однако, в силу ч.3 ст.86 ГПК, такое заключение экспертизы является лишь одним из доказательств, которое должно быть оценено судом в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами. В ряде случаев (ребенок, в отношении которого устанавливается отцовство, родился в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г.) заключение генетической экспертизы не будет иметь юридического значения при отсутствии других предусмотренных законом доказательств.

По мнению Пчелинцевой Л.М., генетическая дактилоскопическая экспертиза в настоящее время является единственной экспертизой, дающей ответ на вопрос, является мужчина отцом данного ребенка или нет, практически со стопроцентной вероятностью (Пчелинцева Л.М., 2008).

По законодательству Израиля, если оба супруга являются евреями и муж сомневается в своем отцовстве, суд откажет провести проверку из-за опасения признания ребенка "мамзером". В современном мире, где провести экспертизу ДНК не составляет труда, законодательство Израиля запрещает ее свободное проведение, проверка, произведенная вне территории Израиля, законной силы не имеет. И предусмотрено единственное основание, исходя, из которого суд назначит экспертизу ДНК - это отсутствие информации в вопросе об отцовстве грозит жизни или здоровью ребенка. Таким образом, законодательство Израиля является ярким примером, где нормы права направлены исключительно на защиту интересов и прав ребенка (Баркман Л., 2005).

Не во всех случаях экспертиза может дать ответ на вопрос является ли мужчина, действительным отцом ребенка. В ряде случаев ре-

зультат экспертизы может носить вероятностный характер. В Семейном кодексе штата Аризона (США) мужчина признается отцом ребенка, если генетический анализ показал, что вероятность отцовства данного мужчины составляет 95% и более, в Израиле-99%. На наш взгляд, такое ограничение может привести к нарушению прав детей, так как в силу определенных обстоятельств генетический материал матери может доминировать, что приведет к тому, что при установлении отцовства в заключении экспертизы может быть сделан вывод, что мужчина может являться отцом лишь теоретически. Таким образом, по законодательству штата Аризона суд должен рассматривать это доказательство не в пользу ребенка.

Назначение судом генетической экспертизы должно быть основано на требованиях закона, либо вытекать из обстоятельств конкретного дела, когда разрешить те или иные вопросы, связанные с происхождением ребенка, с помощью иных доказательств не удалось и ответчик настаивает на такой экспертизе. В соответствии с ч.3. ст. 79 ГПК при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а так же какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что ответчик уклонялся от предоставления материалов-образцов крови, для проведения экспертизы с целью установления отцовства.

По мнению Нечаевой А.М., сами по себе такие обстоятельства, как неявка одной из сторон на экспертизу по делам об установлении отцовства, когда без этой стороны экспертизу провести невозможно, либо непредставление экспертам необходимых предметов исследования, не являются безусловным основанием для признания судом, установленным или опровергнутым факт, для выяснения которого экспертиза была назначена (Михайлова И.А., 2009). В таких случаях, вопрос об этом разрешается судом в каждом конкретном случае в зависимости от того, какая сторона не явилась на экспертизу, исходя из имеющихся в деле доказательств в их совокупности.

Таким образом, закон защищает права и интересы несовершеннолетних, даже в случае уклонения одного из родителей в содержании и воспитании детей.

Изучение, обобщение и анализ судебной практики по делам об установлении отцовства, оспаривании отцовства (материнства), установления факта признания отцовства, установление факта отцовства показало, что чаще всего по таким спорам проводится экспертиза методом генетической дактилоскопии (ДНК). Вместе с тем, следует отметить, что в целом количество дел, где бы применялась ДНК-экспертиза, небольшое. В 2009 г. были проведены 3 ДНК-экспертизы, в 2010 г. – 2, а в 2011 г. – 4 (Архив Дзержинского районного суда г. Перми). Во-первых, это связано с тем, что большую часть из общего количества дел, занимают дела об установлении факта признания отцовства и факта отцовства, по которым проведение такой экспертизы является невозможным. Во-вторых, не во всех делах об установлении отцовства целесообразно проведение данной экспертизы. Например, подобная экспертиза не проводится тогда, когда ответчик в судебном заседании признал отцовство. Не следует ее проводить в тех случаях, если совокупность представленных доказательств, исключает необходимость проведения данной экспертизы.

*Л.А.Соболева,
доцент кафедры социальной работы,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ И ДЕТЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

Изучение вопросов предоставления социальной помощи семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации вызывает необходимость исследования ряда понятий, ее характеризующих. В научной литературе и нормативных правовых актах выделяются такие понятия, как: «социальная помощь»; «социальная поддержка»; «государственная социальная помощь». По определению Е.И. Холостовой, социальная помощь – это система мер по оказанию помощи нуждающимся людям, содействие им в преодолении жизненных трудностей в возмездной и в безвозмездной формах. Диапазон возможных жизненных трудностей, вызывающих потребность в социальной помощи,

гораздо шире тех, которые «обслуживаются» благотворительностью. Социальная помощь бывает не только материальной, но и физической, социально-бытовой, правовой, психологической, педагогической и т.п. По определению Г.А. Новокшеновой, социальная помощь – это меры направленные на поддержание достойных условий жизнеобеспечения и существования социальных групп, семей, отдельных личностей, которые испытывают нужду в процессе удовлетворения жизненно важных потребностей и деятельного осуществления.

П.Д. Павленок выделяет такие виды социальной помощи как прямая натуральная, финансовая, социальная поддержка, социальное курирование семей, государственная социальная помощь, социальное пособие, субсидия, компенсация.

Рассмотрим такой вид помощи как государственная социальная помощь. По определению М.В. Фирсова, Е.Г. Студеновой государственная социальная помощь – это предоставление малоимущим семьям или малоимущим одиноко проживающим гражданам за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации социальных пособий, субсидий, компенсаций, жизненно необходимых товаров.

Федеральный закон от 17.06.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» дает следующее определение: государственная социальная помощь – предоставление малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в настоящем Федеральном законе, социальных пособий, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров. Государственная социальная помощь оказывается в целях:

- поддержания уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации;
- адресного использования бюджетных средств;
- создания необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества социальных услуг;
- снижения уровня социального неравенства;
- повышение доходов населения.

В целом, соглашаясь с мнением М.Л. Захарова, государственная социальная помощь, – достаточно новый вид материальной поддержки таких категорий населения, как малоимущие семьи и малоимущие одиноко проживающие граждане. По существу подобную помощь можно назвать помощью в связи с бедностью, т.е. исследова-

тель выделяет новое основание для социального обеспечения – бедность.

Федеральные законы от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ и от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ, заменившие некоторые социальные услуги ежемесячной денежной выплатой, внесли в названный выше закон существенные дополнения и изменения его первоначального содержания. В новой редакции Закона «О государственной социальной помощи» предусмотрен более широкий круг субъектов - получателей государственной социальной помощи, также изменилось его целевое назначение, в связи с чем, полагаем, преамбула стала противоречить его новому содержанию.

Соглашаясь с мнением ряда авторов, полагаем, что понятие государственной социальной помощи, которая означает предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанных в законе, социальных пособий, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров (статья 1), также не соответствует его содержанию, поскольку на практике основными субъектами – получателями социальной помощи являются именно «иные категории граждан», а не малоимущие. Полагаем, что помощь может быть оказана гражданам, в том числе семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, о чем необходимо произвести соответствующие дополнения в нормативные документы.

Государственная социальная помощь теперь оказывается как в целях поддержания уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума установленного в субъектах РФ, на территории которого они проживают, так и для усиления адресности социальной поддержки других нуждающихся граждан; создания необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества социальных услуг; снижению уровня социального неравенства; повышения доходов населения.

Размер государственной социальной помощи, оказываемой в соответствии со статьей 11, определяется органами государственной власти субъекта РФ.

Виды оказания государственной социальной помощи могут быть в форме денежных выплат (социального пособия, субсидий, другой выплаты), либо натуральной помощи (топлива, продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов, и других видов натуральной помощи), а также в виде набора социальных услуг. В набор социальных

услуг, предоставляемых отдельным категориям граждан, включают: дополнительная бесплатная медицинская помощь, в том числе предусматривающая обеспечение необходимыми лекарственными средствами по рецептам врача. Предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное обеспечение в соответствии с законодательством об обязательном социальном страховании; бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте к месту лечения и обратно.

Ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) – это достаточно новый, неизвестный ранее системе социального обеспечения России вид социальной поддержки граждан. Введение ЕДВ сопровождалось острейшими политическими и общественными дискуссиями, повсеместными манифестациями протеста рядовых граждан, которым адресована данная денежная выплата.

Острота проблемы введения ЕДВ объясняется тем, что впервые в стране новый вид социальной поддержки населения устанавливается не в дополнение к уже существующим видам, а вместо социальных услуг, которые предоставлялись бесплатно либо со скидкой определенным категориям граждан, нуждающимся в социальной защите, с целью выравнивания их доходов и предупреждению полного обнищания.

Таким образом, полагаем, что ни в научной, ни в нормативной литературе не выделено четких критериев определения таких понятий как «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка», «государственная социальная помощь». Сеем предположить, что все эти меры оказываются для поддержания самого минимального социально-приемлемого уровня жизни семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и требуют дальнейшей научной и правовой детализации, как и определения критериев данного социально-приемлемого уровня существования.

L.A.Soboleva
docent of social work department,
Perm State University

**SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES AND CHILDREN
WHO ARE IN DIFFICULT SITUATIONS
(Theoretical and practical aspects)**

This article provides a brief theoretical analysis of the legal concepts that characterize the social assistance to citizens, families and children in difficult situations. Special attention is paid to the analysis of government social assistance to the Russian Federation.

Л.И. Старовойтова,
д.ист. н., профессор,
зав.кафедрой теории и методологии социальной работы
Российского государственного социального университета,
г. Москва

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ
ФГОС ВПО ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ
«СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»**

Профессиональное становление специалиста предполагает формирование у него готовности к будущей деятельности. В настоящее время ряд специалистов отмечает, что выпускники социальных вузов испытывают трудности морально-психологического плана, возникающие из-за рассогласования «модели профессиональной деятельности», сформированной в их сознании за годы обучения в вузе, с той реальной обстановкой, с которой они начинают профессиональную деятельность. Это служит еще одним доказательством преобладание информативной (теоретической) стороны обучения. Личность же будущего специалиста социальной сферы, развитие ее профессионально-нравственного и духовно-интеллектуального потенциала нередко выпадает из поля зрения организаторов вузовского образовательного процесса. Поэтому назрела необходимость конкретизировать содержание и структурные компоненты разработки методических основ

морально-психологического аспекта готовности (компетентности) к профессиональной деятельности – социальной работе. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что овладение профессией социального работника возможно лишь на индивидуально-личностном уровне. Необходимость исследования именно нравственного компонента готовности к социальной деятельности обусловлена тем, что теория и практика социальной помощи с течением времени могут видоизменяться, но неизменным фактором в социальной деятельности остается все, что связано с моральными ценностями.

Именно моральные ценности должны лежать в основе личности и поведения специалиста социальной сферы, определять преемственность тех или иных действий в рамках профессии.

Сегодня социальная реальность проявляется в осознании идеи единения, духовной интеграции человеческих сообществ. Но это осознание происходит еще на уровне небольшой части научного сообщества, не говоря уже о массовом сознании, которое, как нам представляется, еще далеко от практического преодоления разобщенности социальных групп, ментальной, мировоззренческой несовместимости.

Данная проблема может быть решена силами социального образования, которое формирует менталитет нравственного, толерантного человека и специалиста. Менталитет – это те глубинные, «корневые» духовно-нравственные, культурные ценности и мировоззренческие основания индивидуального и общественного поведения, которые при условии их согласованного, массового проявления по своей духовной энергетической мощи оказываются несопоставимыми с любыми рукотворными материальными энергоносителями, или политическими акциями.

Социально-экономические противоречия привели к ослаблению системы социального обеспечения и появлению многочисленных социально-уязвимых групп населения, которые в силу определенных обстоятельств нуждаются в социальной защите. Эффективность работы с такими группами зависит от фундаментальной подготовки специалиста социальной сферы в области развития человека, его взаимодействия с окружающим миром, знаний об изменениях его состояний, о влиянии общества на судьбу отдельного человека.

Обучение в системе социального образования включает в себя овладение специальными знаниями, умениями, навыками, формированием нравственных принципов профессиональной помощи клиентам, но не только это входит в задачи социального образования. В более широком смысле оно понимается как овладение основами соци-

альной культуры, умение жить в обществе. Социальное образование предполагает изменение самого человека, формирование у него нового понимания и восприятия действительности, развития таких личностных ориентиров и способностей, которые делают для него посильным самостоятельность познания знаний и умений. Поэтому одной из главных задач системы социального образования является переход на формы и методы обучения, способствующие развитию творческой самостоятельности индивида.

Современная система социального образования должна основываться на более глубоком понимании самого человека – его биологического и социального ритмов, ценностных ориентиров. Это ставит перед социальным образованием серьезные задачи: как помочь человеку регулировать сочетание этих ритмов, как доминировать над ними. Понимание этой ситуации ведет к переосмыслению самого характера современного социального образования. Важнейшим направлением социального образования является проблема социального воспитания, опирающаяся на социальное знание и социальные идеалы, оптимальные технологии разрешения социально-нравственных конфликтов. Эта задача усложнилась вследствие ускорения темпов социокультурного развития, радикальных общественных реформ, разделивших ценностными барьерами разные поколения, социальные и образовательные группы. В связи с этим проблема воспитания толерантности (терпимости) становится еще одной важной задачей социального образования. Принцип толерантности, основанный на милосердии по отношению к другому, как тип индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, чужим мнениям и формам поведения является не только важнейшим принципом социального образования, но и одним из фундаментальных признаков уровня общей культуры личности и общества.

В процессе профессиональной подготовки специалиста социальной сферы важную роль играет формирование направленности личности. Очень важно помочь будущим специалистам осознать значимость целей и задач их профессиональной деятельности и важность той социальной роли, которую они будут играть в обществе. В этой связи особую значимость приобретает формирование личностных качеств специалиста, его ценностных ориентаций и психологических установок.

Проблемы изучения ценностных ориентаций как одного из стимулов развития личности привлекает внимание исследователей различных направлений: социологов, социальных педагогов, психоло-

гов. Само понятие «ценностной ориентации» имеет различное значение и различную трактовку в разных областях науки. Но в различных подходах к исследованию этого феномена имеется общий связующий центр. Этим общим центром является «ценностная ориентация групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей».

Ценности являются связующим звеном между мотивацией труда и удовлетворенностью своей трудовой деятельностью. Мотивация труда – это форма внутреннего вознаграждения, побуждения к активной работе, основанная на удовлетворении важных для человека потребностей (в признании, самореализации, принадлежности к «значимым другим»). Мотивы не всегда четко осознаются, но обязательно ощущаются, переживаются как нечто значимое и ценное. Удовлетворенность трудом является одним из важнейших элементов социально-психологической структуры трудовой деятельности и представляет собой чувство удовлетворения, получаемое от любимой работы, состояние сбалансированности между запросами, потребностями личности и оценкой степени их реализации.

Таким образом, роль и место ценностных ориентаций весьма значительны как в личностном, так и в профессиональном развитии, причем ценности профессиональной деятельности имеют ведущую роль в достижении профессионализма, мастерства личности и деятельности. Особенности профессиональных ценностей обусловлены ролью и статусом профессии в жизни общества и отдельного человека.

Главной профессиональной ценностью социальной работы является ведущая потребность – служить своей профессии на благо окружающих, которая ориентирует профессионально-личностную активность социального работника в достижении этой цели. По своему предметному содержанию ценности подразделяются на ценности самодостаточного типа и ценности инструментального типа. Применительно к такой профессиональной деятельности как социальная работа, ценности самодостаточного типа – это ценности-цели, такие как многофункциональный характер социальной работы; важный общественный статус и социальная значимость этой профессии, ее гуманистическая направленность; желание служить благородным целям, помогая людям, нуждающимся в помощи, и др. Ценности инструментального типа представляют собой средства достижения ценностей-целей. К их числу можно отнести признание актуальности профессиональной социальной работы в нашем обществе; соответствие интересов, склонностей, особенностей личности специалиста характеру про-

фессиональной деятельности, профессиональный рост и др. Специфика ценностей социальной работы как профессиональной деятельности выражается в их комплексном, интегрированном характере, гуманистической природе и сущности.

Таким образом, морально-психологическая готовность к социальной работе – это сложное сочетание психических особенностей и моральных черт личности, составляющих основу установки будущего специалиста социальной работы на осознание функций своего труда, профессиональной позиции, оптимальных способов деятельности; соотнесение своих возможностей с трудностями, возникающими при решении профессиональных задач и достижении планируемых результатов. При этом считаем необходимым подчеркнуть, что психологический и моральный компоненты готовности следует рассматривать в тесной взаимосвязи, так как только в совокупности они могут обеспечить реальную готовность к профессии специалиста социальной работы. Цель социального образования состоит в подведении молодого человека к осознанию и принятию важных нравственных и общечеловеческих жизненных ценностей и идеалов, к осознанному и стойкому желанию эмпатии и толерантности, максимально реализуясь в идеях и профессиональном труде. Нам представляется, что это понятие включает в себя определение смысла, оправдывающего появление социального образования.

Конечно, нельзя забывать, что каждый человек все же по-разному определяет свой смысл жизни. Но во всех определениях всегда есть объединяющее начало – это стремление к всесторонней самореализации. Образование и особенно социальное как раз и призвано, обязано помочь человеку познать себя, окружающий мир, счастье собственной самореализации.

Задача образования в том, чтобы убедить человека в его социальной самореализации и создать все необходимые условия для полноценного проявления индивидуальных способностей человека путем подготовки его к труду в системе социальной защиты и нравственному выполнению своих общественных обязанностей, то основные функции базового образования должны состоять в формировании толерантности по отношению к социально-незащищенным категориям граждан, стремление к действительно высшей ценности максимально возможной самореализации в этой сфере, самопознания собственных способностей, интересов, реальных возможностей, а основные функции профессионального социального образования должны состоять в продолжении развития и закрепления этих мировоззренческих осно-

ваний личности и в обеспечении человека знаниями, умениями, навыками, способствующими максимально возможному проявлению его способностей в общественно полезном труде, в идеях и делах во благо других людей и себя.

И.А. Суслопаров,
*ст. преподаватель кафедры уголовного права
и прокурорского надзора,*
А.В. Шарков,
*менеджер отдела проектов,
аспирант кафедры философии,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ЗАРАЗНЫМИ ФОРМАМИ ТУБЕРКУЛЁЗА

Противодействие распространению туберкулёза в соответствии с законодательством России является одной из важнейших задач в профилактике инфекционных болезней. Туберкулёз в России на правительственном уровне признан таким заболеванием, которое представляет непосредственную опасность для всех граждан страны (см. постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих»).

Туберкулёз – одно из самых тяжелых неэпидемических инфекционных и социально значимых заболеваний. Общая заболеваемость туберкулезом в Пермском крае в 2010 году увеличилась на 0,2 % - с 101,6 до 101,8 на 100 тысяч. Доля заключённых, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, в структуре заболеваемости возросла с 18,3 % до 20,1 %, почти на 10 % выросло и общее их число. Удельный вес лиц без определенного места жительства по-прежнему составляет менее 1 %.

Выше средней в 2,0 - 2,2 раза распространенность туберкулеза в Еловском, Сивинском и Частинском районах, в 1,5-1,7 раза – Карагай-

ском, Красновишерском, Осинском, Оханском, Усольском районах и Коми-Пермяцком округе.

По данным Главного бюро медико-социальной экспертизы по Пермскому краю показатель инвалидности среди взрослого населения России вследствие туберкулеза легких на 10 тыс. населения с 2005 по 2008 год снижается. В 2005 году этот показатель равнялся 3,2, а в 2008 уже 2,3. Однако в 2009 году отмечается рост этого показателя до 2,5. По Пермскому краю показатель инвалидности вследствие туберкулеза легких стабильно снижается с 2006 года. В 2006 году этот показатель равнялся 6,1 на 10 тыс. населения, а в 2010 он упал уже до 3,1.

Для того, чтобы дать медико-социальную характеристику лицам, страдающим туберкулезом, в апреле 2011 года под руководством канд. мед. наук, доцента кафедры социальной работы ПГУ З.П. Березинской было проведено эмпирическое исследование. Основным инструментом исследования являлось индивидуальное очное анкетирование граждан, которые в установленном законом порядке проходили освидетельствование и переосвидетельствование в органах медико-социальной экспертизы. Исследование проводилось в специализированном (фтизиатрическом) бюро – филиале № 13 Главного бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) по Пермскому краю.

По результатам исследования (было проанкетировано 50 граждан) медико-социальный портрет лица страдающего туберкулезом можно представить следующим образом: это безработный мужчина, имеющий II группу инвалидности, в возрасте от 30 до 39 лет, имеющий среднее профессиональное образование, воспитывающий одного ребенка. Этот человек имеет вредные привычки, питается неполноценно, основным источником средств к существованию для него является пенсия по инвалидности и материальная помощь от близких и родных ему людей. Он представляет непосредственную угрозу здоровью всех окружающих его людей.

В соответствии с Федеральным законом «О предупреждении распространения туберкулёза в Российской Федерации» от 18.06.2001, № 77-ФЗ лечение туберкулёза в России является абсолютно бесплатным. Несмотря на этот факт медицинский персонал КПКД № 1 «Фтизио-пульмонология» констатирует, что некоторые пациенты после назначения им индивидуальной программы реабилитации намеренно уклоняются от медицинской части реабилитационных мероприятий – самовольно уходят из диспансера, тем самым, нарушая медицинские предписания и решение фтизиатрического бюро МСЭ.

В соответствии с п. 2 ст. 10 вышеуказанного закона больные различными формами туберкулёза, неоднократно нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также умышленно уклоняющиеся от обследования в целях выявления туберкулёза или от лечения туберкулёза, на основании решений суда госпитализируются в специализированные медицинские противотуберкулезные организации для обязательных обследования и лечения.

Решение о госпитализации принимается судом по месту нахождения медицинской противотуберкулёзной организации, в которой больной туберкулёзом находится под диспансерным наблюдением. Соответствующее судебное решение принимается на основании постановления Президиума Верховного суда РФ от 23 ноября 2005 года. Верховный суд разъяснил, что заявление прокурора о принудительной госпитализации гражданина в противотуберкулёзный диспансер подлежит рассмотрению по аналогии с порядком рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и о принудительном психиатрическом освидетельствовании (гл. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Если человек не хочет лечиться, то его по закону можно принудить к лечению, так как в противном случае он будет угрожать здоровью окружающих его людей (в первую очередь родных и близких, в том числе детей). Однако за уклонение от медицинских мероприятий нельзя снять группу инвалидности, которая дает право на получения пенсии по инвалидности.

Результаты проведенного исследования показывают, что в случае долгого нахождения на инвалидности у больного появляется так называемая рентная установка с различной мотивировкой отказа от лечения и впоследствии – от работы. В данном случае рентную установку можно определить как особое поведение больного, подчеркивающего несостоятельность функций его организма или симулирующего их нарушение, направленное на получение группы инвалидности.

Характерной чертой поведения инвалидов вследствие туберкулёза сегодня также является то, что такое состояние для них является образом жизни. Такое поведение человека значительно снижает его реабилитационный потенциал, а также приводит к тому, что человек просто напросто покидает место лечения.

Заметим также, что какой-либо юридической ответственности для вышеуказанных лиц за передачу туберкулёзной инфекции здоровому человеку ни в уголовном, ни в административном законодатель-

стве в настоящее время не предусмотрено. Это действительно так, потому что исполнение инвалидом (в том числе и по туберкулёзу) индивидуальной программы реабилитации по российскому законодательству является добровольным.

Особенно большое значение в профилактике туберкулеза имеют меры по устранению контакта больных со здоровыми людьми (в первую очередь с детьми), это, по сути, и есть центральное звено противотуберкулёзной деятельности. Именно на этот тезис мы опираемся при решении вопроса о возможности привлечения указанных лиц к административной ответственности.

Именно в целях охраны здоровья граждан, профилактики туберкулёзной инфекции и на основании представленных результатах исследования, нами рекомендуется дополнить главу 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье личности, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» новой статьёй № 6.19. Ее предлагается сформулировать следующим образом: «Нарушение лицом, больным туберкулезом, санитарно-гигиенического режима, а равно уклонение от лечения туберкулеза, - влечет предупреждение или наложение штрафа в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей».

Однако следует подчеркнуть, что предлагаемые меры государственного принуждения в виде административного наказания должны носить исключительно превентивный характер и не должны иметь своей целью унижение человеческого достоинства.

Человек же, который в силу обстоятельств или в соответствии со своим образом жизни страдает заразными формами туберкулеза, должен понимать, что недопустимо своим поведением подвергать опасности здоровых людей. Если, тем не менее, человек все же идет на такой поступок под мотивом бессрочного получения выплат со стороны государства, то государство должно пресекать подобные действия.

Таким образом, в настоящей статье на основании проведённого ранее медико-социального исследования предлагается одно из возможных решений проблемы распространения туберкулеза правовыми средствами. Государство должно принимать меры по охране здоровья граждан, т.к. это часть социальной функции государства.

I.A. Susloparov
senior lecturer of criminal law and prosecutorial department,
A.V. Sharkov
manager of the projects department,
post-graduate student of philosophy department,
Perm State University

ON THE POSSIBILITY OF SUBJECTING THE PEOPLE SUFFERING FROM CONTAGIOUS FORMS OF TUBERCULOSIS TO ADMINISTRATIVE LIABILITY

In article analyzed possibility of subjecting the people suffering from contagious forms of tuberculosis to administrative liability. This opportunity is offered on the basis of empirical research, statistical data, and based on the analysis of the normative-legal acts. As a result, it is concluded that the health of the community and the protection of health, it is part of the social function of the modern Russian state and its responsibility.

A.B. Тараканов,
к.ист.н., доцент кафедры социальной медицины
и безопасности жизнедеятельности,
К.С. Гуренкова,
студентка социально-психологического факультета,
И.П. Розина,
студентка социально-психологического факультета,
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время вопрос обеспечения социальной безопасности стоит очень остро. Это объясняется глобальным характером развития мировых процессов, а также угроз, формирующихся в пространстве мирового сообщества. Они связаны с ростом терроризма и международных конфликтов, увеличением смертельных инфекционных

заболеваний, нищеты, ухудшением экологической ситуации и т.д. При грамотном подходе социальная реклама может стать эффективным инструментом решения данных проблем.

Привлекая внимание к общественно значимым вопросам и стимулируя действия по их решению, социальная реклама формирует ценностные ориентации и установки личности, способствуя укреплению институтов гражданского общества. Кроме того, она создает новый тип общественных отношений, а в долгосрочном результате ведет к изменению поведенческой модели общества.

Одним из направлений развития социальной безопасности является социализация людей. Доктор социологических наук О.Ю. Голуб в своей работе «Социальная реклама» пишет, что в качестве инструмента социализации реклама способствует усвоению индивидом статусов, ролей, норм и ценностей общества, которые в свою очередь распространяются на рекламное пространство. Данный механизм социализации представляет собой целостность двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, процесс интериоризации как восприятие внешних требований общества и перевод их во внутреннюю структуру личности и, с другой, экстериоризации – непосредственного проявления внутренних мыслей во внешнее поведение. На эти процессы в большей степени влияет эмоциональная составляющая рекламного сообщения.

В России социальная реклама не новое, но все еще развивающееся явление, которое требует обсуждения, тщательного изучения и новых, нестандартных подходов. И хотя в некоторых направлениях, таких как здравоохранение, национальная безопасность, государство и некоммерческие организации уже имеют небольшой опыт реализации социальных проектов, социальная реклама может быть эффективно использована в решении более широкого круга проблем.

Определим основные направления социальной рекламы по обеспечению социальной безопасности:

Социальная реклама в области национальной безопасности.

Это направление является ключевым, так как именно в нем обеспечивается защищенность граждан не только на государственном уровне. Социальная реклама в данной сфере выполняет аксиологическую функцию, поскольку способна сформировать гуманное отношение людей к «проблемным» вопросам. Сюда следует отнести социальную рекламу, направленную против терроризма, этнической и религиозной дискриминации, патриотическую, а также пропаганду законопослушания, конституционных прав и свобод человека.

Духовная безопасность как одно из направлений социальной рекламы способствует безопасному и стабильному функционированию общества как целостной социокультурной системы. Здесь она выполняет функцию формирования мировоззрения, а также воздействует на групповые и социетальные интересы, способствует согласованности политических институтов, идеологии и культуры. В данную категорию также входит патриотическая социальная реклама, реклама государственной идеологии и различных ценностей (семьи, межпоколенческих отношений). В этом направлении особо следует отметить использование в социальной рекламе известных исторических личностей и событий (Петр I, победа в Отечественной войне 1812 года и др.), которое связано с накопленным социокультурным опытом, а значит, влияет на ценности и нормы общества.

Влияние социальной рекламы на информационную безопасность сегодня невелико. По мнению доктора социологических наук С.И. Самыгина, особенность информационного сообщества заключается в том, что информация и знание превращаются в основной стратегический ресурс общества и государства. Манипулятивное воздействие СМИ на общественное сознание, недостоверность информации, массовизация культуры, проникновение в нее элементов агрессии, жестокости, антигуманности – именно борьба с этими явлениями, на наш взгляд, должна быть приоритетной для социальной рекламы. Сегодня данное направление интенсивно развивается, о чем свидетельствуют, в частности, попытки создания безопасной информационной среды в сети Интернет для детей и молодежи.

Экологическая безопасность также является одним из объектов работы социальной рекламы. В современном мире на всех уровнях (начиная от общемирового и государственного в рамках отдельных стран и заканчивая деятельностью отдельных субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности) возникла необходимость регулирования воздействия человека на природу. Безусловно, социальная реклама способна в какой-то степени изменить восприятие обществом природы, животного мира, своей роли в окружающей среде. Большую роль в участии этого вопроса принимают экологические организации международного (WWF, Greenpeace) и всероссийского (Российский региональный экологический центр, Российская экологическая партия "Зеленые") уровней. К данному направлению можно отнести социальную рекламу экономного потребления природных ресурсов (энергии, бензина, бумаги и т.д.), бережного отношения к окружающей среде, отказа от вредных выбросов, вырубки лесов и т.д.,

а также рекламные ролики о запрете насилия над животными, заботливом обращении с ними, а также защите вымирающих и редких видов животных.

Социальная реклама в сфере демографической безопасности, а также в сфере здравоохранения. Актуальность данного направления подтверждается тем, что способность социальной системы к воспроизводству населения в его количественных и качественных параметрах выступает основой жизнеспособности Российского государства. Эффективность социальной рекламы здесь выражается в способности ярко, эмоционально и лаконично привлечь внимание и довести до сознания людей общественно значимую информацию о существующей проблеме в сфере здравоохранения. Не случайно именно это направление государство наиболее часто использует в социальной рекламе. Это выражается в затрагивании таких тем, как здоровый образ жизни, популяризация спорта, пропаганда многодетных семей, семей с приемными детьми, реклама против употребления алкоголя, сигарет, наркотиков. Также к этому направлению относится реклама безопасного секса, которая предотвращает возникновение нежелательной беременности и инфекционных заболеваний, в том числе смертельных.

Психологическая безопасность как одно из направлений социальной рекламы. По мнению Доктора социологических наук С.И. Самыгина личность, являясь носителем опыта своей жизни, которая всегда происходит в рамках жизни социума, в процессе рефлексивных отношений с внешним миром создает личное пространство, где психологическая безопасность является одним из важнейших факторов. Данный вид социальной рекламы способствует повышению уровня психологической защищенности личности в критических ситуациях, а также психологическому благополучию и адаптации к постоянно меняющимся условиям. Такая реклама несет положительную эмоциональную окраску. Она напоминает человеку, что он не один, говорит о неповторимости жизни, призывает избегать агрессии и жестокости, подталкивая на добрые поступки (позвонить родителям, просто улыбнуться).

Таким образом, социальная реклама является мощным инструментом в системе социальной безопасности. Она многогранна, охватывает широкий круг проблем и при эффективной разработке и реализации способствует нормальному функционированию и развитию общества и государства, а также способна пробудить социальную ответ-

ственность людей и воздействовать на формирование их интересов, ценностей и даже идеалов.

A.V. Tarakanov
*the candidate of historical sciences,
docent of social medicine and life safety department,*
K.S. Gurenkova
fourth-year student of Social-psychological Faculty,
I.P. Rozina
*fourth-year student of Social-psychological Faculty,
Kemerovo State University*

SOCIAL ADVERTISING AS A TOOL OF SOCIAL SECURITY

In this article social advertising is considered as an instrument for providing social safety. Efficiency of social advertising in process of socialization is proved in it, its functions are revealed, basic directions in different live activity spheres are determined, prospectives of development are analyzed.

Г.А. Телегина,
*аспирант кафедры социальной работы,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь*

ДЕТЕРМИНАНТЫ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Семья как социальный институт традиционно призвана обеспечивать социальную, экономическую и физическую безопасность ее членов, а, следовательно, и благоприятные условия для их жизнедеятельности и развития. Однако в изменяющихся социально-экономических условиях семья встречается с трудностями, которые не позволяют ей в достаточной степени удовлетворять потребности ее членов. В большинстве случаев такое явление определяется исследователями как семейное неблагополучие.

Проблема семейного неблагополучия многоаспектна и носит междисциплинарный характер, так как находится в сфере различных научных интересов социологов, психологов, педагогов, правоведов и т.д. Но, не смотря на внимание к данной проблеме широкого круга специалистов, понятие «семейное неблагополучие» недостаточно рассмотрено в отечественной научной литературе. В частности, нет единства в подходах к выделению детерминант семейного неблагополучия. Определение «границ» семейного неблагополучия имеет не только теоретико-методологическое значение, но и является важным условием выбора эффективных технологий работы с неблагополучными семьями в практике социальной деятельности.

На наш взгляд, среди современных исследователей, рассматривающих проблему семейного неблагополучия, преобладают следующие подходы к выявлению его детерминант. Первый подход связан с описанием семейного неблагополучия в контексте социальных последствий, где в качестве детерминант используется предполагаемый негативный результат функционирования семьи. Так, семейное неблагополучие рассматривается как ситуация, способствующая развитию антиобщественного поведения и виктимизации индивида, создающая угрозу жизни и здоровью членов семьи (как правило, детей и подростков), а также порождающая безнадзорность несовершеннолетних и социальное сиротство. Недостатком данного подхода является то, что семейное неблагополучие может не проявляться на ранних этапах или развиваться в скрытой форме, что не позволит обнаружить предпосылки к нему.

Второй подход предполагает описание семейного неблагополучия через характеристики субъектов малой социальной группы. В данном случае детерминантами семейного неблагополучия являются социальные девиации поведения членов семьи. С точки зрения данного подхода, к неблагополучным семьям относят маргинализированных в социальном и имущественном отношении, педагогически беспомощных и в целом не обладающих должной культурой человеческих отношений индивидов, к тому же во многих случаях страдающих алкоголизмом и наркоманией, привыкших к насилию в различных формах.

Еще одной особенностью данного подхода является то, что традиционно в поле зрения специалистов, исследующих феномен семейного неблагополучия, попадают семьи с детьми. Вследствие чего большая часть детерминант опосредуется описанием социального, психологического и физического состояния детей. При этом,

недостаточно внимания уделяется супружеским парам, являющимся потенциальными родителями, но не имеющим детей, которые также могут испытывать проблемы семейного неблагополучия.

Третий подход предлагает определить детерминанты семейного неблагополучия через выявление дисфункций семьи. Семья, как социальный институт, по отношению к индивиду и обществу в целом выполняет ряд функций, посредством чего удовлетворяет их потребности. Среди таких функций исследователи выделяют репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-бытовую, экономическую, функцию первичного социального контроля, духовного общения, предоставление социального статуса, досуговую, эмоциональную, сексуальную. Невозможность осуществления семьей какой-либо из этих функций становится предпосылкой для развития семейного неблагополучия. Поэтому ряд исследователей рассматривает ситуацию семейного неблагополучия как ситуацию затруднения или невозможности выполнения семьей ее основных функций и удовлетворения ведущих потребностей членов семьи в условиях неэффективной деятельности семейных механизмов адаптации и интеграции. Действительно, если затруднено удовлетворение ведущих потребностей членов семьи, то не обеспечиваются условия для их жизнедеятельности и развития.

Однако в рамках данного подхода встает вопрос о том, какие функции должна осуществлять семья в конкретных социально-экономических условиях на определенном историческом этапе развития общества. Интенсивно меняющиеся условия жизни трансформируют притязания общества к комплексу функций, реализуемых семьей. Также, исследователями отмечается тенденция перехода функций семьи к другим социальным институтам, имеющим возможность полноценно удовлетворять потребности индивидов, которые ранее обеспечивались в семье.

Еще одной проблемой прикладного характера, которую, на наш взгляд, не решает ни один из обозначенных подходов, является недостаточный учет индивидуальных социально-культурных особенностей семьи при выявлении детерминант семейного неблагополучия. Различные национальности, конфессии, социальные статусы определяют уникальность семьи, как социальной группы, в каждом отдельном случае, поэтому высока вероятность, что признак семейного неблагополучия в одной ситуации может оставаться нормой в другом случае, и наоборот.

Таким образом, на наш взгляд, возможно понимание детерминант семейного неблагополучия, как совокупности предпосылок и условий процесса нарушения адекватного существующим общественным нормам и ценностям социального функционирования семьи, результатом которого могут быть такие негативные явления, как: социальное сиротство, противоправное поведение несовершеннолетних, жестокое обращение с детьми и т.д.

G.A. Telegina
*graduate student of social work,
Perm State University*

DETERMINANTS OF FAMILY PROBLEMS

The problem of family crisis is multidimensional and interdisciplinary in nature, but the concept of "family trouble" not considered in our scientific literature. In particular, there is no unity in the approach to the allocation of the determinants of family ill. The definition of "borders" family crisis has not only theoretical and methodological importance, but is important for the choice of effective techniques for working with vulnerable families in the practice of social work.

Н.Д. Узлов,
*к.мед.н., доцент,
зав. кафедрой психологии и социальной работы,
Березниковский филиал Пермского государственного
национального исследовательского университета,
г. Березники (Пермский край)*

РЕЛИГИОЗНЫЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И ИХ УЧАСТИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

9 июня 2010 года президент России Дмитрий Медведев подписал Указ № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года». Необходимость разработки стратегических мероприятий в этой сфере обу-

словлена широкомасштабным вовлечением населения России, прежде всего молодежи, в потребление психоактивных веществ (ПАВ). По данным Управления ООН по наркотикам и преступности Россия стала крупнейшим потребителем героина в Европе, а по употреблению афганских опиатов – мировым лидером. В России, согласно официальной статистике за 2010 год, число наркоманов, состоящих на диспансерном учете, оценивалось в 530 тыс. чел., а реальное количество, рассчитанное по методике ООН, – более 2,5 млн. По данным руководителя Федеральной службы по наркоконтролю В.П.Иванова (2012) не менее 18 млн. россиян хотя бы раз в жизни пробовали наркотики, 8,5 млн. - регулярно или время от времени их употребляют, ежегодно из-за наркотиков в России умирают до 100 тыс. человек. Анализируя современное состояние проблемы, разработчики концепции указывают, в том числе, и на слабую разработанность системы реабилитации лиц, больных наркоманией. Так, в 2010 году в России действовали только 4 государственных реабилитационных центра, где оказывалась комплексная помощь пациентам, прошедших курс медикаментозной терапии, в 2012 году их стало на один больше. В этой сфере действуют до 70 негосударственных центров социальной реабилитации различной направленности. В.П. Иванов, выступая на выездном совещании председателя Государственного антинаркотического комитета 10 июля 2012 года в г. Белгороде, приводит сравнение с Швецией (население 10 млн. чел.), где только государством, не считая неправительственных и частных центров, организовано 328 реабилитационных центра.

Резкий рост наркомании вызвал появление многочисленных служб, центров, клиник по профилактике и лечению наркомании, последующей реабилитации наркобольных. Некоторые из них были созданы местными администрациями, другие действуют как самостоятельные общественные организации, третьи видят в проблеме наркомании доходный бизнес. Пути включения новых антинаркотических практик в региональную социальную политику посвящено социологическое исследование Е.Л.Омельченко (2002), которая описывает две модели включения религиозных организаций в эту работу. Первая модель предполагает развитие общин в рамках признанных религиозных конфессий (православия, католицизма, ислама, буддизма). Их отличает открытость к сотрудничеству с любыми государственными и негосударственными организациями. По мнению экспертов, эти общины являются самым эффективным реабилитационным институтом и основным конкурентом для частных клиник. Вторая модель опреде-

ляет развитие деятельности через получение официального статуса общественных организаций. В основе их деятельности лежит идеология религиозных сект (например, «Наркокон», действующий под прикрытием Церкви сайентологии, основанной Р.Хаббардом, терапевтическое общество «Патриарх» и др.) Для этих организаций показательно активное привлечение к своей работе органов власти. Их методики реабилитации до поры до времени признаются общественным мнением как высокоэффективные.

Русская Православная Церковь (РПЦ) проводит инициативы по вопросам оказания помощи больным с наркозависимостью. Одним из первых статусных мероприятий стала Всероссийская научно-практическая конференция «Национальная сфера ответственности: власть, церковь, бизнес, общество — против наркомании», состоявшаяся в Москве в храме Христа Спасителя 24-25 ноября 2005 года. В работе конференции приняли участие не только священнослужители, но видные ученые, политические деятели, а также специалисты-практики. Было отмечено, что практические методы и формы работы с наркозависимыми, выработанные за минувшие годы РПЦ, доказали свою эффективность, и что они могут принести ощутимую пользу при использовании их в работе обычных медицинских реабилитационных и профилактических центров, нужна только добрая воля по координации усилий. В качестве примера приводится деятельность Реабилитационного душепопечительского центра во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского на Крутицком подворье в г. Москве под руководством игумена Анатолия Берестова, доктора медицинских наук. В Центре работают и служат опытные священники, психологи, а также врачи (наркологи, психиатры, психотерапевты), работает группа педагогов-катехизаторов, используются современные медицинские технологии (биологическая обратная связь, цветотерапия и др.). В Концепции РПЦ по реабилитации наркоманов сформулирована позиция в отношении наркозависимых: «Потребитель наркотиков является грешником, но вместе с тем — это больной человек, попавший в беду. Он не в меньшей степени, чем остальные, может надеяться на милосердие Бога». В настоящее время РПЦ основала более 40 реабилитационных центров. Постулируются три основных принципа, на которых основывается реабилитация: 1) главным деятелем церковной реабилитации является Бог; 2) включение реабилитационного процесса в жизнь церковной общины; 3) компетентность (профессионализм) членов церковной общины, участвующих в реабилитации. 25 июня 2011 года в Москве в Марфо-Мариинской Обители милосердия состоялся

Всероссийский съезд руководителей реабилитационных центров «Создание национальной системы реабилитации наркозависимых». В работе съезда приняли участие более 120 делегатов, главным образом, представители православного духовенства, органов государственной власти, ФСКН, НИИ психиатрии, Института реабилитации, руководители негосударственных реабилитационных центров, общественных организаций, представляющие матерей и близких наркозависимых. Съезд призвал выполнить одно из поручений Президента после президентума Государственного совета от 18 апреля 2011 года «О мерах по усилению противодействия потреблению наркотиков среди молодёжи» – широкое привлечение негосударственных реабилитационных центров к созданию национальной системы медико-социальной реабилитации и ресоциализации лиц, в том числе несовершеннолетних, прошедших курс лечения от наркотической зависимости.

Все реабилитационные центры, так или иначе, в своих программах делают акцент духовное или религиозное возрождение. РПЦ становится толерантной к использованию некоторых программ, в которых эксплуатируется идея Бога, например, программы «12 шагов». В Концепции РПЦ по реабилитации наркозависимых указывается, что работа групп самопомощи или реабилитационных центров, использующих программу «12 шагов», не является препятствием для становления церковной реабилитации и может поощряться. Другая, более радикальная точка зрения, высказанна рядом священнослужителей в резолюции работы секции «Профилактика наркомании, алкоголизма и табакокурения среди молодежи. Как уберечь подрастающее поколение от соблазнов?», проводимой в рамках XIX Международных Рождественских образовательных чтений «Церковь и государство: соработничество в решении общих задач» в г.Москве 24-26 января 2011 года: «Программа «12 шагов» является нехристианской, способствует развитию у людей гордыни и формирует выраженную психологическую зависимость от участия в деятельности данной организации, при этом за редким исключением не приводя людей к Богу и Церкви. В результате развивается искаженная духовность...».

Вместе с тем РПЦ проявляет нетерпимость к деятельности многих прорелигиозных организаций, обвиняя их в коммерциализации, дилеттантизме, сектанстве, стремлении сделать из бывших наркозависимых не только своих адептов, но и духовных рабов, не предлагая реально, кроме конструктивной критики, каких-либо практических шагов. В качестве идеального варианта предлагается альянс религии и медицины, как способ реализации принципа компетентности (профес-

сионизма). В сети Интернет можно найти единичные указания о наличии православных реабилитационных центров в Пермском крае (например, реабилитационные центры «Возможность»), однако их деятельность больше нигде не освещается. Нет их адресов и в региональном справочнике «В помощь наркозависимому» (Пермь, 2010), претендующему на полноту информации в данном вопросе.

В Пермском крае официально зарегистрировано свыше 15 тыс. больных наркоманией. Помощь наркозависимым оказывают свыше 20 различных организаций, в т.ч. религиозной направленности. Особую активность приобрели центры, созданные при новых религиозных движениях, прежде всего неопятидесятничества. Они находятся в различных районах Пермского края.

Автономная некоммерческая организация «Руки помощи» осуществляет реабилитацию по программе «Превосходнейший путь». В основе ее деятельности лежат принципы Российской Церкви Христиан Веры Евангельской «Свет Истины». Она действует в Перми, Краснокамске, Березниках, Усолье, Кудымкаре и прилегающим к ним районам. Благотворительный фонд «Источник надежды», подструктура евангелистской организации «Новый Завет», осуществляет работу в трех районах – Добрянском, Александровском и Лысьвенском. Благотворительный фонд «Новый свет», принадлежащая «Церкви Иисуса Христа» проявляет активность в г. Чайковском.

Программа социальной реабилитации «Превосходнейший путь» работает в Пермском крае с 2000 года, а в г. Березники – с 2006 года. В 2005 г. указанная программа заняла первое место по России в конкурсе, проводимом Федеральной службой наркоконтроля. На сегодняшний день она признана самой успешной и результативной социальной программой, основанной на христианских принципах. Задача программы – не просто достичь прекращения употребления наркотиков, а полного восстановления в обществе человека, способного вести социально активный и здоровый образ жизни, создать семью, воспитать детей, быть полноценным членом общества. Статистика ведётся именно по этим стандартам. Для осуществления цели программы используются три этапа, неразрывно связанные между собой и дополняющие друг друга: выявление (знакомство) и мотивирование, трехмесячный курс реабилитации в загородном центре, адаптация в городе через воцерковление. Достигнуты следующие результаты, по отчетам самой организации: общее число лиц в Пермском крае, прошедших реабилитацию по программе «Превосходнейший Путь» составило 1300 чел.; число людей, ведущих здоровый образ жизни (полностью

отказались от наркотиков, алкоголя, имеют работу) – 611 чел.; создали семьи – 224 чел.; родилось детей – 99 (все здоровы). Устойчивость ремиссий достигает 52-58 %. 119 чел. находятся в состоянии ремиссии от 5 до 10 лет, что составляет 50,2 % пролечившихся в 1999-2004 г.

Благотворительный фонд «Источник Надежды» зарегистрирован в г. Перми в 2004 году. Реабилитация людей, имеющих зависимость от ПАВ, является составной частью программ социальной адаптации маргинальных и депримируемых слоев населения. В основе программы лежит методика «12 шагов». Программа Фонда состоит из двух проектов: 1) проект стационарной адаптации; 2) проект «Ремиссия». Согласно отчета, предоставленного одним из них, в 2008-10 гг. курс реабилитации прошли 226 чел., из них в состоянии ремиссии до 1 года находятся 68 чел. (55,3 %); от 1 до 2 лет – 41 (60,2 %), 2 и более лет – 15 чел. (42,8 %).

Благотворительная организация «Преображение России», имеет сеть более чем из 350 учреждений различной направленности, действующих в двухстах городах Российской Федерации, в том числе, и Пермском крае. Духовной основой своей деятельности она провозглашает «фундаментальное христианство внеденоминационного характера». Ее деятельность постоянно находится в центре скандалов, связанных с распрями внутри верхушки организации, конфликтов с другими конфессиями, прежде всего с РПЦ, многочисленными нарушениями законодательства, обвинениями о связях с организованной преступностью. По мнению экспертов, «Преображение России» все более приобретает черты тоталитарной секты.

Следует также отметить активность католической церкви. В городе Березники действует приход римско-католической церкви «Царица Мира» (настоятель Эрих Мария Финк). Уже несколько лет при христианской общине «Школа жизни», что в пос. Яйва Александровского района, работает реабилитационный центр для больных наркотической, алкогольной, игровой зависимостью, рассчитанный на 30 чел. Лечение бесплатное. Курс реабилитации проходит бессрочно. Минимальный начальный курс 3 месяца. Кроме изучения Библии, проводятся занятия по системе «12 шагов». В отличие от других реабилитационных центров, в которых, наряду с изучением Библии, обязательным является трудотерапия, здесь нет определённого режима, позволено слушать любую музыку, смотреть любые телепередачи, разговаривать по телефону. Живут реабилитанты в комфортабельном доме, где есть все условия для нормальной жизнедеятельности. Надеются

жить здесь и дальше, и не собираются что-то менять и возвращаться к самостоятельной светской жизни.

Между тем, ситуация с негосударственными антинаркотическими реабилитационными центрами в Пермском крае занимает внимание властей. В 2009 г. прогремело громкое уголовное дело по обвинению в использовании физического и психического насилия над пациентами руководителями реабилитационного центра «Дельфин» (г. Краснокамск), аналогичное дело было возбуждено в 2010 году в отношении сотрудников реабилитационного центра «Новое поколение» (г. Пермь). Оба этих уголовных дела во многом похожи на процесс, инициированный в Нижнем Тагиле в отношении Егора Бычкова, руководителя фонда «Город без наркотиков». Этот процесс вызвал большой общественный резонанс вплоть до вмешательства президента Д.А.Медведева и поставил вопрос о приемлемости мер, используемых реабилитационными центрами, границах дозволенного (насильственное удержание, ограничение свободы, голодное содержание и др.), который требует юридического разрешения. Дело Бычкова ударило и по репутации РПЦ, т.к. деятельность нижнетагильского фонда «Город без наркотиков» осуществлялась при благословлении и духовной поддержке протоиерея Геннадия Ведерникова, настоятеля храма святого благоверного князя Александра Невского в Нижнем Тагиле.

В деле реабилитации наркозависимых центральным вопросом становится цена обретения трезвости: «смерть и возрождение Эго» через наркотические ломки, унижение и физическое насилие (фонды «Город без наркотиков»); обретение новой религиозной зависимости вместо химической, преданность организации и бесплатная работа (эксплуатация реабилитантов, например, в коммерческих проектах «всегда трезвые грузчики») в неопятидесятнических центрах; праздная трезвая жизнь в «райских уголках» за счет пожертвований западных верующих (римско-католическая церковь) и др.

16 сентября 2010 года в администрации Пермского края под руководством Уполномоченного по правам человека в Пермском крае Т.И. Марголиной был организован «круглый стол», на котором обсуждалась тема «Антинаркотическая деятельность в общественном секторе». В его работе приняли участие представители Общественной палаты, руководители Федеральной службы госнаркоконтроля, высокие чины ГУВД, главные врачи наркодиспансеров, ученые, представители общественных организаций. Оценивая сложившуюся в крае ситуацию, участники круглого стола отметили, что достигнуть желаемых результатов в деле реальной помощи наркозависимым мешают, прежде всего, амбиции со стороны участвующих в этой

работе организаций, как государственных, так и общественных, межведомственная разобщенность, несовершенство законодательной базы. Был выдвинут ряд конструктивных предложений: 1) реабилитировать программу по борьбе с асоциальными болезнями в докризисном ее варианте; 2) органам власти и здравоохранения заключить с общественными некоммерческими организациями договор о партнерстве; 3) разработать показатели качества работы некоммерческой общественной организации; 4) разработать методику карантина первого срока пребывания в некоммерческой общественной организации; 5) привлекать к работе в некоммерческой общественной организации представителей старшего поколения; 6) ввести для некоммерческой общественной организации льготы по налогам. Продолжением «круглого стола» стала рабочая встреча губернатора Пермского края О.А.Чиркунова с руководителями благотворительных фондов «Новое поколение», «Новый свет» (г. Чайковский), «Источник надежды», «Пермь – город без наркотиков», АНО «Руки Помощи». Инициатор данного совещания Т.И.Марголина отметила, что работа реабилитационных центров сегодня основана лишь на личном участии и мотивации их руководителей. Было указано, поддержка центров на уровне государства очень важна. С января 2011 года было предложено запустить реализацию краевой программы поддержки реабилитационных центров. Инициатива губернатора нашла отражение в целевой программе «Противодействие наркомании и незаконному обороту наркотических средств, профилактика потребления психоактивных веществ на территории Пермского края на 2012-2015 годы», утвержденная Постановлением Правительства Пермского края от 10.01.2012 № 11-п. В послании нового губернатора Пермского края Виктора Басаргина Законодательному Собранию Пермского края 25 октября 2012 года сказано о разработке краевого закона о поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций на основании ФЗ № 40-ФЗ от 5 апреля 2010 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», принятие которого во многом продвинет работу, в том числе и антинаркотических центров.

Противоречивые оценки эффективности реабилитационных мероприятий государственными (2-3 %) и общественными (40-60 %) организациями, вызывают полемику. Опросы общественного мнения, проводимыми СМИ в Пермском крае (газ. «Искра», 21 апреля 2011 года, 838 респондентов), показывают, что только треть опрошенных оптимистически настроены в отношении деятельности подобных органи-

заций, около 40 % считают работу по реабилитации наркозависимых бесполезным делом, 19 % полагают, что религиозные центры всего лишь трансформируют химическую зависимость в религиозную, поэтому нельзя назвать выходцев из таких центров полностью излеченными. Представляет интерес оценка их деятельности самими реабилитантами. Нами было опрошено (В.Р.Якубова, Н.Д.Узлов, 2010) 100 чел. – наркоманов со стажем от 3 до 10 лет, имеющих многократный опыт лечения и прошедших курс реабилитации в АНО «Руки помощи», центрах «Преображение России» и «Школе жизни» при римско-католической церкви «Царица Мира». В рейтинге учреждений, оказывающих помощь наркозависимых самый низкий балл (1,9) получили частнопрактикующие специалисты; неудовлетворительно оценены государственные наркологические учреждения (2,2); эффективность государственных благотворительных фондов была оценена в основном на «удовлетворительно» (3,4). Наивысший рейтинг (4,8 балла) получили общественные реабилитационные центры (религиозные организации, терапевтические сообщества, группы самопомощи и взаимопомощи). Полученные результаты могли бы быть интерпретированы с позиций «социальной желательности» ответов реабилитантов, вместе с тем они отражают картину наибольшей включенности в эту работу некоммерческих и религиозных организаций, деятельность которых может быть не вполне одобряемой государственными структурами и традиционными конфессиями.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что реабилитационные антинаркотические центры, созданные на основе новых религиозных движений и действующие в России и Пермском крае, представляют реальную силу и выступают альтернативой государственным организациям и идеологии РПЦ, обнаруживающих в этой области слабость усилий, недостаточную силу влияния на потенциальных клиентов, а в ряде случаев и психотехнологическую несостоятельность. В своей деятельности эти центры достигают реально высоких результатов, которые могут быть оспариваемы с точки зрения оценки качества ремиссий, поскольку главной претензией оппонентов выступает «замена одной зависимости на другую». Для полноценной реализации «Стратегии государственной антинаркотической политики РФ» необходимо, чтобы государство приняло на себя главную ношу в деле организации реабилитационной работы с лицами, страдающими различными видами аддикций на научной основе, создавая «светские» духовно-ориентированные программы, способные конкурировать с сектантскими «зомбирующими» технологиями. При отсутствии в

настоящее подобных ресурсов необходимо считаться с уже имеющимися структурами религиозного толка, изучать и внедрять их позитивный опыт, как это предлагает РПЦ, выстраивать равноправный диалог, находя общие точки соприкосновения и преодолевая идеологические разногласия.

*N.D. Uzlov,
the Candidate of medical sciences,
the Head of Department of Psychology and Social Work,
Berezniki Branch of the Perm State National Research University*

RELIGIOUS ANTI-NARCOTIC CENTERS AND THEIR PARTICIPATION IN REALIZATION OF STRATEGY OF THE STATE ANTI-NARCOTIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

In article activity of the organizations of the religious orientation which is engaged in rehabilitation of patients with drug addiction in Russia and Perm Krai is discussed. Their place in structure of the public socially focused non-profit organizations is shown. Their relationship with state authorities and Russian Orthodox Church is opened. Their inclusiveness in realization of strategy of the state anti-narcotic policy of the Russian Federation is considered.

Н.Д.Узлов,
*к.мед.н., доцент,
зав. кафедрой психологии и социальной работы,
Березниковский филиал Пермского государственного
национального исследовательского университета;*
Ю.А.Мокрушина,
*выпускница Березниковского филиала Пермского государственного
национального исследовательского университета
специальности «Социальная работа» 2012 года,
г. Березники (Пермский край)*

УГРОЗЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ И ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

Актуальность исследования проблемы социально-психологической безопасности определена повышенным уровнем экстремальности в российском обществе. В последние годы российское общество столкнулось с принципиально новыми негативными социальными явлениями, которые затронули, в том числе, и образовательную среду, пребывать в которой оказалось небезопасно. Всех потрясла трагедия в Беслане в сентябре 2004 года, связанная с захватом террористами заложников в школе, которая унесла жизни 334 человек, из которых 186 детей. Школа стала местом приобщения подростков к наркотикам: по данным социологических исследований возраст начала наркотизации снизился до 12-13 лет, а токсикоманами в ряде случаев становятся уже в возрасте 8-10 лет. Отмечается беспрецедентный рост педофилии и преступлений сексуального характера против несовершеннолетних, нередко заканчивающихся детоубийством. Одна из актуальных проблем сегодняшней школы – это проблема насилия, выражающаяся в школьной травле (буллинг или моббинг). Угрозы, унижения, окрики, принуждение, подавление, оскорбления и тому подобные приемы – не редкость в современной школе, как со стороны сверстников, так и взрослых. В последние годы специалисты отмечают рост среди детей и подростков таких явлений, как повышенная нервозность, нетерпимость, равнодушие и т. д. Неудачи в школьной успеваемости, отрицательные отметки по ЕГЭ могут явиться причиной самоубийства. Подростки вовлекаются в различные молодежные

группировки деструктивной направленности (скинхеды, готы, эмо и проч.). В последние годы специалисты отмечают рост среди детей и подростков таких явлений, как повышенная нервозность, нетерпимость, равнодушие и т. д.

В письме Минобразования России от 26 января 2000 г. № 22-06-86 «О мерах по профилактике суицида» сказано: «Дефицит гуманности и милосердия в обществе сказывается, прежде всего, на детях как наименее защищенной части населения. Их проблемам переживания стали уделять меньше внимания не только в семье, но и в школе. От так называемых «трудных» детей и подростков школы стараются избавляться. Опрос детей, выбывших из 5-9-х классов средней школы, проведенный Генеральной Прокуратурой РФ, показал, что 43% опрошенных детей связывают свой уход из школы с конфликтами с учителями, 38% ответили, что их из школы выгнали. Анализ материалов уголовных дел и проверок обстоятельств причин самоубийств несовершеннолетних, проведенный Генеральной Прокуратурой России, показывает, что 62% всех самоубийств несовершеннолетних связано с семейными конфликтами и неблагополучием, боязнью насилия со стороны взрослых, бестактным поведением отдельных педагогов, конфликтами с учителями, одноклассниками, друзьями, черствостью и безразличием окружающих».

Все выше сказанное ставит проблему обеспечения социально-психологической безопасности образовательной среды. Социально-психологическая безопасность – состояние, при котором обеспечивается устойчивое существование и функционирование социальных субъектов, удовлетворение и реализация необходимых потребностей и интересов, а также способность к предотвращению или устранению различного рода угроз, способность к прогрессу и саморазвитию (Л. Регуш, А. Орлова, 2008).

Проблеме обеспечения психологической безопасности в образовательной среде в последнее время посвящено много работ, среди которых следует отметить публикации И.А.Баевой (2002, 2007), Е.В. Гребенкина (2006), В.И.Ивановой (2007), В.В.Коврова (2010), 3. В. Масаевой (2012), Н.В.Останиной (2012) и др.

Между тем, анализ, таких документов как Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 01.04.2012) «Об образовании» и Федеральная целевая программа развития образования на 2011 – 2015 годы, показал отсутствие в политике государства четко прописанного направления по обеспечению безопасности в сфере образования - как физической, так и социально-психологической. Следовательно, можно

сделать вывод о том, что обеспечение социально-психологической безопасности образовательных учреждений полностью ложится на плечи работников данной сферы, которые в свою очередь могут ориентироваться только на теоретические и практические разработки специалистов, занимающихся этим вопросом.

При подготовке конкретных программ обеспечения безопасности представляется значимым выявление угроз, опасностей или факторов риска. В образовательной среде факторами риска могут быть: недостаточное обеспечение преподавательскими кадрами, материально-технической базы, низкая активность учащихся и педагогов, несформированность социальных и практических навыков, умений и опыта, уровень воспитания и культуры, личностно-психологические характеристики участников учебно-воспитательного процесса, несформированность представлений о профилактике нарушений психического и физического здоровья. Совокупность этих факторов представляет собой угрозу образовательной среде и развитию личности ее участников (Л.Регуш, А.Орлова, 2008). Одной из существенных социально-психологических опасностей в образовательной среде является неудовлетворение важной базовой потребности в личностно-доверительном общении, и как следствие – склонность к деструктивному поведению, негативное отношение к образовательным учреждениям и развитие различных социальных девиаций (И.А.Баева, 2006). К опасностям и угрозам для здоровья учащихся в образовательной среде Л.А.Регуш относит несоответствие уровня требований учебного предмета возможностям ученика, трудности контакта ученика и учителя в учебной деятельности, пассивную позицию учащихся в процессе обучения, отсутствие интеграции между различными предметами и трудности учащихся в успешном выполнении домашних заданий.

Нами (Ю.А.Мокрушина, Н.Д.Узлов, 2012) была разработана классификация основных угроз социально-психологической безопасности образовательного учреждения и путей их предотвращения. Основные объекты анализа: группы угроз; виды угроз; сущность и содержание угрозы; специалисты, работающие с угрозами, способы контроля и влияния. Классифицированы 5 групп и 24 вида угроз:

1. Угрозы жизни и здоровью: 1) терроризм, в т.ч. телефонный; 2) киднепинг; 3) преступное окружение (среда проживания)
2. Угрозы насилия в семье и в образовательном учреждении: 1) физическое насилие; 2) психологическое насилие; 3) сексуальное

насилие; 4) преступное поведение подростков; 5) моббинг; 6) подростковый рэкет; 7) наличие судимостей у работников.

3. Социальные угрозы: 1) алкогольная или химическая зависимость у родителей; 2) школьники, употребляющие алкоголь и психоактивные вещества; 3) наличие в микрорайоне наркопритонов; 4) наркодилерство.

4. Социокультурные угрозы: 1) участие школьников в неформальных организациях (эмо, готы, растаманы, скинхеды и др.); 2) группы фанатов (футбольные фанаты); 3) тоталитарные религиозные секты; 4) проблемы полового воспитания (раннее взросление, нежелательная беременность, незащищенный секс, проституция).

5. Угрозы, возникающие в процессе обучения: 1) конфликты между учителями и учащимися; 2) конфликты между учителями и родителями; 3) нежелание учиться, прогулы; 4) отсутствие доверия к ребенку; 5) конкуренция среди учеников; 6) стигматизация (ребенок-инвалид, подросток из неблагополучной семьи, дети-сироты, одаренные дети).

Проведен мониторинг этих угроз применительно к образовательному учреждению МБОУ СОШ № 29 г. Березники. В данной школе в школе работают 43 педагога, обучается 799 детей, из которых 29 состоят в «группе риска», 14 находятся в «социально опасном положении». Район, где находится школа, по данным УВД г. Березники, стоит на 2-м месте по уровню преступности; около 60% жителей составляют неблагополучные семьи, которые не осуществляют надлежащий контроль над своими детьми.

С 2006 года, когда произошло закрытие школы № 6 и учащиеся этой школы перешли в школу № 29, не угасают столкновения между «пришлыми» учащимися, которых не устраивают порядки в этом учреждении и «аборигенами», отстаивающих свое право власти.

Мониторинг выявил 6 случаев физического, 7 – психологического, 1 – сексуального насилия; 9 преступлений, совершенных учащимися; проблем у 6 детей-сирот, 32 учащихся из неблагополучных семей, 14 семей, в которых родители злоупотребляют алкоголем; 11 алкоголизирующихся подростков и 4 чел., употребляющих наркотики; причастность 4 учащихся к неформальным молодежным организациям деструктивной направленности; 1 семьи, в которой дети вовлечены в религиозную секту; 3 случая ранней беременности и 1 аборт; 1 попытку суицида; 27 неразрешенных конфликтов между сверстниками и

1 разрешенный конфликт между учителем и учеником, 56 % пропущенных занятий учащимися по причине прогулов.

Модель обеспечения социально-психологической безопасности предполагает включенность в ликвидацию различных угроз всего педагогического коллектива, школьных психологов, социального педагога, вспомогательных служб, технических работников, родителей, взаимодействие с другими организациями (правоохранительными, общественными и др.). Ее преимуществами являются оперативность включения в решение проблем образовательного учреждения, обратная связь, предметность, системность. Она успешно внедрена в работу МБОУ СОШ № 29 и уже показала свою состоятельность.

*N.D.Uzlov,
the Candidate of medical sciences,
the Head of Department of Psychology and Social Work,
Berezniki Branch of the Perm State National Research University*

*J.A.Mokrushina,
Graduate of specialty «Social work» of 2012
of the Berezniki Branch of the Perm State National Research University,
Berezniki*

THREATS OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL SAFETY IN EDUCATIONAL INSTITUTION AND THEIR PREVENTION

In article it is pointed to the importance of ensuring social and psychological safety in educational institution. Authors developed classification of threats of social and psychological safety, carried out monitoring of these threats at school No. 29 in Berezniki. On the basis of this monitoring the effective model of their prevention was developed.

Т.М.Хусяинов ,
*Студент Нижегородского государственного
национального исследовательского университета им.
Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

ЗАНЯТОСТЬ В СЕТИ INTERNET КАК СПОСОБ ТРУДОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В настоящий момент в России более чем 13 миллионов людей с ограниченными возможностями, из которых не более 10% имеют работу. Ежегодно в категорию лиц с ограниченными возможностями попадает около одного миллиона человек. Многие - в трудоспособном возрасте. И только 5 процентов из них имеют шанс полностью восстановить свое здоровье. Для остальных поиск работы и трудоустройство является достаточно серьёзной проблемой, стоит отметить, что трудовая деятельность для человека является не только способом экономически обеспечить своё существование, но и фактом реализации своих способностей (в том числе и творческих), а также приобщением к общественным ценностям, и способствует социальной интеграции. Работа позволяет каждому гражданину уважать себя, осознавать свою индивидуальность, быть полноценной частью современного общества. Поэтому одна из важнейших задач социальной политики – это обеспечение трудовой интеграции лиц, имеющих инвалидность.

Распространение новой информационных технологий заметно меняет характер работы. Стандартная модель занятости в настоящее время заменяет гибкую модель работы.

При помощи новых информационных технологий появляются новые возможности для трудовой деятельности лиц с ограниченными возможностями. Технические достижения позволяют адаптировать рабочие места и окружающие их пространство, дают возможность сделать его комфортным и функциональным, позволяет людям с ограниченными возможностями стать независимыми и выполнять самостоятельно все необходимые бытовые и рабочие функции. Альтернативные устройства ввода, такие как трекболы, джойстики, специальные устройства для управления курсором при помощи движения головы и многое другое, позволяют людям с ограниченными возможно-

стями работать на компьютере с помощью иных средств, чем стандартные клавиатуры или мыши. Мониторы с выводом информации в виде шрифта Брайля или синтезатор голоса, озвучивающий текст с экрана, помогут незрячим полноценно работать за компьютером. Используя все эти устройства можно обеспечить комфортное и функциональное рабочее место для людей с ограниченными возможностями, но остаются иные проблемы, например, высокая стоимость рабочего места, а также необходимость добираться до рабочего места в условиях неподготовленной городской инфраструктуры.

В последнем случае решением проблемы могло бы стать использование в качестве способа коммуникации между работодателем и работником сети Интернет. Данное решение выгодно всем заинтересованным сторонам. Лица с ограниченными возможностями, вступив в трудовые отношения, смогут отчасти решить сложившуюся в России ситуацию дефицита трудовых ресурсов. Для организаций наём удалённых сотрудников позволит использовать рабочую силу новыми экономными способами через сеть Интернет, без организации рабочего места, не арендуя офисных площадей, и не опасаясь пропуска работы сотрудниками по различным причинам, в том числе и по болезни. Более того, наём лиц с ограниченными возможностями приведет к сбережению средств работодателями в результате использования имеющихся государственных квот.

Подходит ли занятость в сети Internet конкретному человеку, зависит от многих факторов. Принятие решения о подобной деятельности должно приниматься индивидуально в каждом конкретном случае. Оно должно основываться на желании и заинтересованности в работе и заработке лица с ограниченными возможностями, возможности трудиться при определенной категории инвалидности. Как правило, занятость в сети интернет связана и с необходимостью обучения определенным специальным знаниям, в зависимости от сферы деятельности.

Выделим факторы, влияющие на принятие решения о начале трудовой деятельности в сети Internet для лиц с ограниченными возможностями:

- 1) Возможность установки гибкого графика, что может быть связано с особенностями курса лечения (прохождение медицинских процедур в определённое время, необходимость соблюдения режима питания, посещение лечащего врача по определённому расписанию).
- 2) Возможность, не покидая дома или специального медицинского или социального учреждения, выполнять трудовые обязанности.

Данный фактор может быть связан с ограничениями физических возможностей или с необходимостью стационарного или амбулаторного лечения в определенном учреждении.

3) Возможность распределения трудовой нагрузки в рамках определённого периода с предоставлением результата по итогам проделанной работы.

4) Необходимость заработка для улучшения материального положения лица с ограниченными возможностями и его семьи, а также снижение финансовой зависимости от государственных пособий или от работающих членов семьи.

5) Возможность трудоустройства вне зависимости от территории проживания. Для лиц с ограниченными возможностями переезд на новое место связан с серьёзными стрессами и сложностями по формированию социального пространства. Подобная необходимость в смене места жительства может возникнуть при отсутствии подходящего рабочего места рядом с местом жительства, например, в сельской местности, где более востребован физический труд.

6) Договоренность о возможном временном прекращении работы. Это обусловлено риском ухудшения здоровья и/или необходимостью обеспечить периоды стационарной медицинской помощи (реабилитации).

7) Сохранение и получение новых трудовых навыков. В связи с долгими перерывами в работе возможна потеря трудовых навыков, в случае занятости в сети Internet навыки не утрачиваются, а так же нарабатывается новый профессиональный опыт.

8) Способность совмещать работу и деятельность в семейном кругу. Данный фактор может иметь значение в случае необходимости осуществления заботы по уходу лицом с ограниченными возможностями о другом члене семьи.

Итак, перспективность использования занятости в сети Internet для трудовой интеграции лиц с ограниченными возможностями высока, она позволяет интегрировать их в трудовую сферу, что заметно улучшит материальное положение лиц с ограниченными возможностями, даст возможность для самореализации и не позволит потерять профессиональные навыки. Эффективная интеграция лиц с ограниченными возможностями на рынок труда, значительно повысит уровень их социальной активности и частично решит проблемы дефицита трудовых ресурсов.

EMPLOYMENT IN THE INTERNET AS A LABOR INTEGRATION OF PERSONS WITH DISABILITIES

T.M.Khusyainov

Student

State University of Nizhni Novgorod

The aim is to analyze the theoretical concepts of labor integration of persons with disabilities, their means of employment on the Internet. Employment in the Internet can lead to positive changes in life and better integration of people with disabilities.

Н. М. Чапаев ,

*к.э.н., доцент кафедры информационных технологий
и моделирования экономических процессов,*

М. М. Гаджиясулов,

*аспирант кафедры информационных технологий
и моделирования экономических процессов,*

Дагестанский государственный университет,

г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Современные стратегические ориентиры в развитии экономики, политики и социальной сферы обуславливают изменение требований государства и общества к сфере социального страхования. Развитие системы социального страхования в России созвучно важнейшим приоритетам Правительства Российской Федерации – повышению качества жизни граждан и обеспечению устойчивых и высоких темпов экономического роста. Это требует осмысления характера развития и специфики функционирования систем социального страхования в других странах. Такое осмысление может помочь определить пути дальнейшего развития этого института в нашей стране.

Основной предпосылкой, обусловившей появление социального страхования, была и остается рисковая природа человеческого существования. Процесс воспроизводства человека подвержен рискам прерывания на физиологическом, экономическом и социальном уровнях. В условиях рыночной экономики социальные риски для подавля-

ющей части населения принимают форму потери трудового дохода как основного источника существования. Переход в большинстве экономически развитых стран к социальному регулированию экономики обусловил появление еще одной формы социального риска – несоответствие индивидуальных параметров уровня жизни человека общественным нормам и стандартам.

Наиболее развиты в настоящее время системы социального страхования в европейских странах. Именно в них появились и получили развитие первые социальные программы. Благодаря наличию достаточно эффективных систем социального страхования современные европейские экономики получили название социально ориентированных. Опыт западно-европейских государств свидетельствует о том, что существование продуманной системы социального страхования, охватывающей всех граждан, не только приводит к улучшению их благосостояния, расширяет и укрепляет трудовые ресурсы страны, но и способствует экономическому росту и стабилизации политической и социальной ситуации в стране. Тем самым социальное страхование оказывает позитивное влияние на общество, содействуя социальному согласию и обеспечению общего чувства социальной защищенности среди его членов.

Современная система государственной социальной защиты населения в странах ЕС включает две организационные формы:

- 1) социальное страхование;
- 2) социальное обеспечение, финансируемое за счет средств государственного бюджета.

Посредством этих двух форм перераспределяется почти 30% валового продукта стран – членов ЕС.

Во всех странах преобладают обязательные формы социальной защиты, основу которой составляет социальное страхование. Вместе с тем, три европейских государства – Великобритания, Нидерланды и Франция – не укладываются в рамки традиционных моделей. В Великобритании социальное обеспечение, социальное страхование и дополнительное личное страхование имеют приблизительно одинаковое значение. В Нидерландах средства, поступающие по личному страхованию, превышают размеры государственного социального обеспечения в 2 раза, а во Франции они почти равны. Если принять в расчет не только страховые премии данного года, но и все резервы (накопленные премии), то к началу XXI в. в Великобритании они превысили среднегодовой объем обязательных форм социальной защиты в 6 раз,

в Нидерландах – в 5, а во Франции – в 1,4 раза. В целом по ЕС средства, накопленные страховыми компаниями и пенсионными фондами, превышают годовой оборот обязательной социальной защиты в 2 раза.

Для европейских стран характерна тенденция роста применения коллективных и индивидуальных моделей социальной защиты и социального страхования, которые призваны дополнить обязательные формы, а в будущем и оттеснить их на задний план.

Реальная ситуация такова, что социальное страхование остается на сегодняшний день наиболее распространенным и весомым элементом системы обязательной социальной защиты большинства государств. В европейских странах объем средств, ежегодно проходящих через механизм социального страхования, в 2 раза превышает ассигнования государственного бюджета и в 3 раза – поступления на дополнительную защиту.

Таким образом, системы социального страхования развитых европейских стран имеют общие особенности и демонстрируют схожие тенденции в своем развитии, несмотря на национальную специфику. Прежде всего, это относится к функциональной организации социального страхования, формам его проведения и видам социальных выплат. Наиболее интересными представляются такие аспекты построения систем социального страхования в европейских странах, как организация социального страхования в обязательной и добровольной формах, а также в сочетании этих форм, предусмотренном законом, и участие работающих граждан в уплате доли страховых взносов наряду с работодателями и государством. Нынешнее состояние российской системы социальной защиты открывает благоприятные возможности для использования наиболее удачных и эффективных примеров из опыта решения социальных проблем развитых стран.

N. M. Chapaev
*the candidate of economic sciences, docent of information technology and
modeling economic process department,
Dagestani State University*

M. M. Gadgiaysulov
*the postgraduate of information technology and modeling economic pro-
cess department,
Dagestani State University*

THE DEVELOPMENT PARTICULARITY OF SOCIAL IN- SURANCE IN EUROPEAN COUNTRIES

The article describes the organization particularity of social insurance. The authors investigate the organization form of social protection of population in European countries. Revealed the most interesting aspects of social insurance organization point of view occasion use of theirs in Russia.

В.Ю. Чигаева ,
к.ист.н., старший преподаватель кафедры социальной работы,
М.А. Смирнова,
*студентка, кафедры социальной работы,
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово*

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Безопасность является одной из основных потребностей человека. Она определяет пространство свободного, бесстрашного проживания, создает условия для гармоничного резонанса с природой, людьми и культурой. Появление опасности вызывает принудительную перестройку в иерархической структуре биопсихосоциальных потребностей человека. Возникает страх, который как колокол начинает доминантно звучать и накрывает покровом тревоги пространство осознанного функционирования людей. Включаются неспецифические механизмы адаптации, формируется состояние стресса с психическими, соматическими, поведенческими и социальными проявлениями.

Главной проблемой современности становится безопасность протекания процессов жизнедеятельности в условиях общества риска. Это - прежде всего, предотвращение появления новых вызовов и угроз социальным сообществам и их представителям, а также блокирование имеющихся опасностей, купирование расширяющихся кризисов и борьба с последствиями катастроф.

Безопасность человека в широком смысле – это состояние его полного физического, социального и духовного благополучия, которое определяется внутренними (наследственность, физическое и психическое здоровье) и внешними (окружающая природная, антропогенная, техногенная, социальная среда) факторами. Особое место в безопасности человека занимают социальные факторы, такие, как уровень благосостояния, общей культуры, культуры обслуживания, бытовые условия, обычаи, нравы, поведенческие предпочтения, нравственные и эмоциональные характеристики. Огромное значение для его безопасности имеет и социально-политическая среда.

Под социальной безопасностью молодежи понимается такое состояние социума, при котором обеспечена надежная и всесторонняя защита жизненных сил молодежи, ее жизненного пространства от воздействия различного рода рисков, исходящих от природной, социальной и технологической реальностей, что способствует реализации индивидуальной и социальной субъектности молодежи в различных сферах жизнедеятельности общества.

В социологическом плане выделяют две стороны влияния общественного прогресса как объективного фактора на тенденции социального развития молодёжи. С одной стороны, изменяющиеся объективные и субъективные условия макросреды опосредуют особенности включения молодёжи в социальную структуру общества, что сказывается как на формировании социального облика молодого поколения, так и на степени развитости самой социальной структуры. С другой стороны, факторы общественного прогресса, отображаясь в сознании молодых людей, влияют на их потребности, интересы, ценностные ориентации в их поведенческих программах, что, в конечном счете, также отражается на социальном облике молодёжи.

Для повышения социальной безопасности в России необходимо выделить следующие мероприятия:

- 1) составить целевую программу, отражающую все аспекты социальной безопасности молодежи.

- 2) осуществление проектов по модернизации механизмов обеспечения социальной безопасности молодежи.

3) подготовка справочника общественных и муниципальных органов, организаций и учреждений, участвующих в обеспечении социальной безопасности молодежи.

4) создание межведомственного информационно-методического центра мониторинга социальной безопасности молодежи в районе.

В целом хотелось бы подытожить, что социальная безопасность является приоритетным направлением государства. Власть должна с учетом изменяющихся обстоятельств и факторов корректировать политику в данном направлении. Поскольку молодежь – это основа государства, его будущее.

V.Y. Chigaeva

*the candidate of historical sciences,
senior lecturer of social work department,*

S.M. Smirnova

*student of the Department of social work,
Kemerovo State university*

SOCIAL SECURITY OF YOUTH

Article is devoted to studying social security of youth. Many of the factors and causes affect the development of safety and risk youth, which requires careful consideration.

Т.В. Шабурникова ,

*студентка магистратуры специальности «Социальная работа»,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В различных научных парадигмах Женское движение определяется по-разному. В одних случаях ему даются узкие трактовки, сводящие движение к новой автономной деятельности, в этом случае в него

включаются те виды деятельности, которые, как правило, имеют феминистский характер (Темкина А.А.). В широком смысле к Женскому движению относятся, как правило, исторические и современные проявления женской активности, усилий в области политики, касающейся женщин (труды С.Г. Айвазовой, А.А. Темкиной, D.Dahlerup). Так, можно согласиться с определением Женского движения как «коллективной деятельности женщин для улучшения их положения и изменения мужской доминации в обществе». Рассмотрение Женского движения в этом смысле, по нашему мнению, позволяет выделить в качестве одной из основных его целей повышение безопасности женщин в современном обществе и улучшение их положения.

Женское движение имеет достаточно длительную историю становления, результатами которой стали отменена законов, ставивших женщину в неравноправное положение с мужчиной в семье, по отношению к детям, в праве на имущество при разводе; получение женщинами права свободно избирать профессию, получать образование, в том числе высшее образование, представление возможности трудиться, в политической сфере к результатам следует отнести получение женщинами пассивного и активного избирательного права.

Огромную роль в становлении Женского движения и, как следствие, улучшения положения женщин является деятельность Организации объединенных наций. Содействие равенству между женщинами и мужчинами и расширение прав и возможностей женщин занимает центральное место в деятельности ООН. Само по себе гендерное равенство является не только ее целью, но и считается важнейшим средством достижения всех других целей в области развития, включая цели развития тысячелетия (искоренение голода и нищеты, обеспечение всеобщего начального образования и доступа к услугам в области здравоохранения, борьба с ВИЧ/СПИДом и содействие устойчивому развитию).

На момент основания ООН в 1945 году из 51 страны - первых членов Организации - только в 30 странах женщинам обеспечивались равные с мужчинами избирательные права. В Уставе ООН специально предусмотрены равные права мужчин и женщин, продемонстрирована вера в фундаментальные права человека, достоинство и ценность человеческой личности. До этого ни в одном международном документе специально не акцентировалась принадлежность к одному из полов как основание для дискриминации.

Стратегии и планы действий по улучшению положения женщин, разрабатываемые на Всемирных конференциях, прошли в своем

развитии несколько этапов. Первая Всемирная конференция по положению женщин была созвана в Мехико в 1975 г., объявленном Международным годом женщин с целью напомнить мировому сообществу о том, что дискриминация в отношении женщин оставалась нерешенной проблемой во многих странах мира.

Вторая Всемирная конференция по положению женщин была созвана в Копенгагене в 1980 г. для анализа и оценки выполнения Всемирного плана действий, принятого на предыдущей конференции. В ходе Копенгагенской конференции было признано несоответствие между гарантированными правами и умением женщин пользоваться ими.

Третья Всемирная конференция по положению женщин состоялась в Найроби в 1985 году. Основными лозунгами этой конференции стали: равенство, развитие и мир.

Наиболее значимым этапом в борьбе за гендерное равенство стала Четвертая всемирная женская конференция по проблемам женщин, проведенная в Пекине в 1995г. Главным изменением, которое имело место в Пекине, явилось осознание необходимости перенести основное внимание с самих женщин на концепцию полов, признав потребность переоценки всей структуры общества и всех отношений между мужчинами и женщинами внутри него.

На Пекинской конференции представители 189 правительств также приняли Пекинскую декларацию и Платформу для действий, направленные на устранение дискриминации и неравенства. В Платформе определены 12 важнейших направлений:

- постоянное и возрастающее бремя бедности, которое несут женщины;
- неравноправный доступ к образованию и неадекватные возможности для получения образования;
- насилие в отношении женщин;
- последствия конфликтов для женщин;
- неравенство в отношении состояния здравоохранения, неудовлетворительное медико-санитарное обслуживание и неравный доступ к услугам в области медико-санитарного обслуживания;
- неравенство в участии женщин в определении структуры экономики и политики, и в производственном процессе;
- неравенство в распределении властных функций и принятии решений;

- несовершенные механизмы содействия улучшению положения женщин;
- отсутствие понимания и приверженности признанным на международном и национальном уровнях правам человека в отношении женщин;
- недостаточная активность средств массовой информации в содействии участию женщин в жизни общества;
- отсутствие необходимого признания и поддержки участия женщин в управлении природными ресурсами и охране окружающей среды;
- положение девочек.

Проанализировав осуществление мероприятий, проводимых на территории Российской Федерации в рамках указанных направлений, нами сделан вывод о том, что их реализация идет разнопланово, неравномерно. Особое внимание вызывают проблемы отсутствия понимания и приверженности признанным правам человека в отношении женщин и недостаточную активность средств массовой информации в содействии участию женщин в жизни общества.

В Конституции РФ 1993 года нашли закрепление основные права и свободы человека, которые обеспечивают положения женщины и отсутствие дискриминации по половому признаку (ст. 19 – равенство прав и свобод независимо от пола, ст.37 – право на труд без дискриминации, ст. 43 – гарантии общедоступности образования и др.). Однако в действительности указанные права и свободы далеко не всегда соблюдаются.

Существующий уровень правовой культуры россиян и особенности ментальности, с нашей точки зрения, препятствуют соблюдению установленных законодательством прав и свобод человека, особенно женщин. Серьезные проблемы также вызваны особенностями правоприменительной практики: органы местного самоуправления, государственной власти нередко допускают нарушения основных прав человека. В этой связи необходимо отметить огромное значение института Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного по правам ребенка в реализации функций по контролю за соблюдением прав человека. Защита прав женщин, их проблематика обладают ярко выраженной спецификой, в связи с чем считаем необходимым ввести также и институт Уполномоченного по правам женщин.

Кроме того, с целью повышения правовых знаний населения, улучшения положения женщин, а также повышения уровня их без-

опасности, по нашему мнению, требуется проведение серьезной информационной работы, направленной на формирование адекватного действующему законодательству общественного мнения на права женщин, их проблемы. Информационная работа, социальная реклама, пропаганда соблюдения прав женщин, осуществляемые в должной мере, позволят решить проблему недостаточной активности средств массовой информации в содействии участию женщин в жизни общества.

Благодаря осуществлению резолюций 1325 (2000) и 1820 (2008) Совета Безопасности ООН, заявлений Председателя Совета Безопасности и других соответствующих документов были достигнуты значительные результаты, в частности усилилась защита гражданских лиц в ходе вооруженного конфликта, в том числе женщин и девочек, активизировалось участие женщин в процессах обеспечения мира и безопасности. Однако по-прежнему имеются трудности, особенно на постконфликтном этапе, где потенциальный вклад женщин ограничен по причине их отстранения от участия в принятии решений, неполного учета их потребностей и недостаточного финансирования (<https://www.un.org/ru/events/women/sc/>).

Совет Безопасности ООН 24 апреля 2012 г. провел заседание, посвященное выполнению резолюции 1325 «Женщины и мир и безопасность», на котором исполнительный директор нового органа «ООН-женщины» М.Бачелет призвала уделять внимание гендерному измерению сирийского кризиса и добиваться повышения роли женщин в постконфликтном миростроительстве; отмечено, что участие женщин в мирных переговорах и в работе органов власти - путь к продвижению мира и преобразований в постконфликтных государствах, высокий уровень участия женщин в неофициальных усилиях не перерастает в заметное их участие в официальных усилиях по разрешению конфликтов или продвижению политического диалога, в арабских государствах вклад женщин в борьбу за демократизацию не привел к их лидерству в органах, принимающих решения.

Рассмотрев деятельность ООН в плане решения проблем женщин, улучшения их положения, повышения безопасности, необходимо отметить, что с момента проведения последней Всемирной конференции по правам женщин при ООН прошло более 15 лет, глобальные экологические проблемы, мировой экономический кризис, военные действия и политические перевороты в ряде стран свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что назрела необходимость проведения Всемирной конференции по положению женщин, которая основной

своей целью должна поставить вопросы как безопасности женщин, так и человека, мира в целом.

T.V. Shaburnikova
MA social work student,
Perm State University

THE DEVELOPMENT OF THE WOMEN'S MOVEMENT AS A WAY OF INCREASE THE LEVEL OF SECURITY WOMEN IN CONTEMPORARY RUSSIA

The WOMEN'S MOVEMENT as a activity for the advancement of women puts one of the goals of increase the level of security women. Significant contribution in this process contributed The World Conference on the Advancement of Women, held in Beijing in 1995, which established The Platform for action in 12 directions on the elimination of discrimination and inequality. In the Russian Federation the above directions are realized irregularly and not in full extent. At the present time in the existing conditions mature necessary of the next world conference on the advancement of women.

Л.Г. Шамова ,
к. ист. н., доцент кафедры социальной работы,
Кировская государственная медицинская академия,
г. Киров

МИЛОСЕРДИЕ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности зависит от того, насколько глубоко мы усвоили уроки трагических событий Великой Отечественной войны. Духовная нить прошлого, в котором прочно связаны героический труд и самопожертвования медицинских работников, помогает нам поддерживать силу духа в настоящее время.

Подвигом во имя жизни были милосердие и профессионализм медицинских работников в годы Великой Отечественной войны. Их величайший подвиг по спасению человеческих жизней вошел в историю Великой Победы.

Большой вклад по спасению раненых и больных бойцов внесли медработники Кировской области. Особенно те, кто работал в госпиталях. В них сосредоточены лучшие силы врачей, медсестёр и санитарок. Формирование госпиталей началось с первого дня войны. В сентябре 1941 г. постановлением Государственного Комитета Оборона в тыловых регионах госпитали были переданы в ведение органов здравоохранения. В областном исполнительном комитете был создан отдел для координации работы госпиталей, сформированы эвакупункты, занимающиеся приёмом раненых, их размещением, организацией лечения и другими вопросами медицинской помощи.

По данным Государственного архива области, в разные периоды войны на территории области функционировали 93 госпиталя, и в т. ч. 31 - городе Кирове. В госпиталях работали 845 врачей по 14 специальностям. В подготовке врачей принимали участие профессора Ленинградской военно-морской медицинской академии. Было подготовлено 403 врача. На курсах среднего медперсонала - 1040 человек.

В эвакуогоспиталях работали врачи, имеющие почетное звание «Заслуженный врач РСФСР»: Н.А. Преображенский, Н.П. Жилин, Г.К. Волков, Г.Е. Плотников др., профессора ЛВММА А.В. Мельников, Ю.Ю. Джанелидзе, М.Г. Рамм, И.П. Очкур и многие другие.

Перед ними стояли сложные задачи:

- улучшить качество врачебной работы, максимально снизить смертность и повысить в процентном соотношении возвращение в армию находившихся на излечении больных и раненых воинов;

- принять меры против распространения эпидемий, как их профилактики, так и непосредственно локализации и ликвидации очагов инфекционных заболеваний.

Хирургами при минимуме средств велся процесс поиска и применения новых методов лечения. В эвакуогоспитале № 3444 хирург-ортопед Иван Павлович Очкур с большим успехом начал применять облегченные типы протезов. Врач Бармин разработал контейнер для пересылки и сохранения консервированной крови. В эвакуогоспитале НКО врач Богопольский и инженер Кожевников разработали и изготовили «искатель» инородных тел. Этот прибор по типу миноискателя был очень прост и надежен в обращении. Он оправдал себя в работе по обнаружению и локализации инородных тел, залегающих в тканях

на глубине до 66 мм. Все эти изобретения получили достойную оценку врачей и раненых.

Совершенствовала свою работу областная станция переливая крови под руководством врача Золотаревского. Если в первый год войны было проведено 5165 переливаний крови, то за 6 месяцев 1942 г. - 3383 переливаний.

Выполняя приказ Народного Комиссариата здравоохранения СССР, областной отдел здравоохранения принял приказ № 175 от 18 июля 1942 г. по организации госпитального совета под руководством С. К. Слезина, начальника управления эвакогоспиталей.

Членами госпитального совета был разработан план мероприятий по подготовке медицинских кадров, пропаганде научных достижений в области медицины и назначению в качестве консультантов – профессоров. Очередными задачами их деятельности, по словам заместителя Наркома здравоохранения С.Н. Миловидова, «являлись не только консультации, а необходимо было, засучив рукава, включаться полностью в работу эвакогоспиталей, на практике учить молодых врачей, не хирургов; устраивать показательные операции по различным разделам хирургии военного времени, учить ассистировать, перевязывать «без боли» раненых, одним словом, учить в повседневной работе, а не только на курсах усовершенствования на лекциях».

Для конкретной помощи врачам госпиталей в районы области были направлены в качестве главных хирургов высококвалифицированные специалисты Н.А. Преображенский, Дедов, Александров. Большую роль в деле повышения квалификации врачей сыграли научные конференции, публикации научных трудов под руководством госпитального совета. Кроме научных конференций, проводились с врачами и со средним медицинским персоналом клинично-анатомические, внутригоспитальные и межгоспитальные конференции. Определенную роль в деле повышения квалификации врачей сыграла организация и проведение курсов усовершенствования врачей. Все эти формы работы сказались на аттестации врачей. Например, одна из аттестаций врачей показала, что 79% их профессионально выросли и практически освоили работу по лечению раненых.

Этот резерв врачей в последствии был направлен для улучшения деятельности эвакогоспиталей. Прекрасная аттестация врачей и медицинского персонала прошла в эвакогоспитале №3157. Из характеристики начальника госпиталя П.К. Баранова: «Прекрасный организатор, чуткий требовательный врач, простой, искренний, сердечный человек. Повседневно находится в курсе хода заболеваний и лечения

всех тяжелораненых и больных госпиталя». С любовью и теплом вспоминает Петра Климентьевича бывший раненый боец О.И. Эсауленко, прошедший лечение в эвакогоспитале № 3157, а в настоящее время возглавляющий областную организацию Всероссийского общества инвалидов. За самоотверженный труд по оказанию помощи раненым П.К. Баранову было присвоено в 1942 г. звание «Отличник здравоохранения», в июле 1945 г. вручен орден Красной Звезды и медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Ведущим хирургом Г.Е. Плотниковым (эвакогоспиталь № 3157) было проведено 2039 операций и возвращено в строй 86% раненых. Лучшим свидетельством героического труда являются письма раненых. Вот одно из них : «Я, младший лейтенант Очаров, прибыл в госпиталь в лежачем положении, так как правая нога была ампутирована, у левой были повреждены большеберцовая и малоберцовая кости. Григорий Ерофеевич после операции сутками не покидал госпиталя, ухаживая за мной и моими товарищами - лейтенантом Шишиковым, старшим лейтенантом Борисовым, младшим лейтенантом Шестириковым, старшим сержантом Кремневым. Мы его благодарим как хирурга – спасителя человеческой жизни, подлинного патриота нашей советской Родины. Группа спасенных. Подписи».

Особая миссия в годы войны выпала на долю женщин – врачей и медицинского персонала. Подвигом во имя жизни было их милосердие и профессионализм, величайший труд по спасению человеческих жизней. В золотой фонд медицинских работников вошли: В.В. Гориневская, М.Г. Скундина, А.Г. Казакова, и тысячи других женщин, которые мужественно боролись за жизнь бойцов. Хирург госпиталя № 3444 г. Кирова О.Я. Народницкая прооперировала три тысячи раненых, подготовила четырех врачей для работы в госпитале. Через руки начальника хирургического корпуса № 3155 Л.А. Калининой прошли тысячи раненых. Исключительно чуткий врач Е.Д. Обновленская с материнской любовью относилась к больным и раненым, которые говорили о ней: «Она заменяет нам мать». Награждена медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

С большой любовью и уважением в коллективе Кировского областного госпиталя для ветеранов войн относятся к бывшему хирургу В.С. Чашиной (Хаустовой), которой в октябре 2011 года исполнилось 96 лет. Эта мужественная женщина после окончания Казанского ме-

дицинского института в 1940 г. работала в Узбекистане, на Дальнем Востоке, а с 1944 г. - в Кировской областной больнице, а затем в госпитале для инвалидов войны. Она успешно проводила операции. Занималась подготовкой кадров, делилась методикой работы с молодыми коллегами.

Тяжел был труд медицинских сестер и санитарок по уходу за ранеными и больными. У истоков формирования сестринского дела в госпитале № 1093 с 1946 г. стояла главная медицинская сестра Л.Н. Королёва – величайший профессионал, чудесный человек, прошедший «круги военного ада». Ее дочь Н.А. Паршина, терапевт – эндокринолог, продолжает медицинские трудовые традиции.

Вся войну проработала медицинской сестрой в госпитале № 3154 Н.Ф. Мальцева. Она вспоминала, какие тяжелые дни пришлось пережить медицинскому персоналу, когда не хватало марли, бинтов, лекарств и крови для переливания, когда самим медсестрам приходилось отдавать кровь раненым.

Интересны судьбы медицинских работников И.К. Стрекозовой, М.К. Захаровой, М.А. Машиной, Т.Д. Веселовой, Н.Д. Жарниковой. Они проводили интересную работу по патриотическому воспитанию молодежи, встречались со студентами КГМА в городском клубе ветеранов.

Благодаря самоотверженному труду врачей, медицинских сестер, санитарок, доноров удалось спасти многие человеческие жизни. В области лечилось около полумиллиона солдат и офицеров. Забота врачей, внимание персонала способствовали их выздоровлению. Бойцы возвращались в строй и продолжали громить врага. Из общего числа раненых и больных, выписывавшихся из госпиталей после лечения, 53% вернулись в ряды Красной Армии. С октября 1941 по июль 1942 г. возвращено в части 72% раненых бойцов. При этом надо учитывать, что в область направлялись, как правило, тяжелораненые.

К сожалению не всех раненых удавалось спасти. Умершие бойцы покоятся в братских могилах. Это к ним в День Победы и в другие праздники приходят тысячи жителей города Кирова, которые свято чтят память о тех, кто умер после тяжелых ранений на фронте, и кто своим самоотверженным трудом героически боролся за здоровье людей в тылу. В Книге Памяти составлен список всех воинов, умерших от ран в эвакогоспиталях города Кирова.

Милосердие и профессионализм медицинских работников области в годы войны были поистине подвигом во имя жизни.

М.А.Шевченко ,
студент философско-социологического факультета,
Л.З. Зарипова
ассистент кафедры психологии развития,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АГРЕССИИ У ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

На сегодняшней день психологические службы женских пенитенциарных учреждений сталкиваются с проблемой возросшего числа женской преступности, которая зачастую связана с нанесением тяжкого телесного вреда человеку. В связи с данным фактом становится актуальной проблема своевременного выявления склонности к агрессии у осужденных женщин, и разработка программ коррекции поведения (Антонян Ю.М., 1992).

В большинстве случаев при попадании осужденного в места лишения свободы имеет место социальная дезадаптация, проявляющаяся в снижении компенсаторных механизмов личности, которые могут привести к возникновению конфликтных ситуаций как между осужденными, так и между осужденными и персоналом исправительного учреждения, а также несанкционированных действий осужденных. Все это определяет значимость возможности заблаговременного прогнозирования риска противоправных и агрессивных действий осужденных для работников исправительных учреждений. Выявление склонности к агрессивному поведению у женщин необходимы для дальнейшей психокоррекции состояния осужденных и проведения воспитательной работы, что помогает сократить число преступлений совершенных повторно (Диденко А. В., Писарев О. М., 2005).

Анализ современных социально-экономических и психологических процессов и условий жизни женщин позволяет считать, что причины преступности среди них в настоящее время связаны с такими явлениями как:

- значительно более активным участием в общественном производстве;

- некоторым ослаблением главных социальных институтов и, в первую очередь, семьи;
- возросшей напряженностью в обществе, конфликтами и враждебностью между людьми, что более остро воспринимается женщинами.

В психологической службе пенитенциарных учреждений, как в никакой другой прикладной области психологии, возрастает роль адаптированных методик и процедур диагностики, позволяющих получить точную картину индивидуальных особенностей. В местах лишения свободы очень часто возникают ситуации, когда от получения своевременной информации зависит действенность принимаемых решений. Отсюда возникает необходимость правильного выбора методик и отлаженных технологий по диагностике осужденных.

Подробнее остановимся на описании методов исследования:

1) Метод свободных ассоциаций (*от лат. associatio — соединение, присоединение*) - исследовательский, диагностический и терапевтический прием психоанализа З. Фрейда. Метод основан на использовании феномена ассоциативности мышления для познания глубинных (преимущественно бессознательных) психических процессов и явлений и применения полученной информации для коррекции и лечения функциональных расстройств психики, посредством осознания пациентами причин, источников и характера их проблем. В данном исследовании респондентов просили дать ассоциации на категорию «агрессия».

2) Методика незаконченных предложений – относится к классу проективных. В данном исследовании использовался модифицированный вариант методики, в инструкции которой респондентов просили закончить фразу: «Агрессия – это...»; «Проявляя агрессию, я...»; «При проявлении насилия членами моей семьи, я....».

3) Метод анкетирования - психологический вербально-коммуникативный метод, в котором в качестве средства для сбора сведений от респондента используется специально оформленный список вопросов. В частности, в настоящем исследовании в анкету включены вопросы, касающиеся семейного положения, места работы, материального положения респондента и др.

Использование данных методов для изучения представления об агрессии у осужденных было обусловлено необходимостью решения двух важных проблем.

Во-первых, в работе психолога применение любого метода диа-

гностики невозможно без анализа нормативных данных, специфичных для определенной группы. Следует отметить, что нормативная группа может отличаться своей неоднородностью, обусловленной различным уровнем интеллектуального развития, личностными (акцентуации характера, расстройства личности) и эмоциональными особенностями. Не исключено, что на нормативные результаты влияют и средовые, социально-психологические факторы, в данном случае таковыми могут являться условия мест лишения свободы, особенности психических состояний в условиях изоляции.

Во-вторых, работа пенитенциарного психолога в колонии связана с выявлением индивидуально-психологических особенностей, необходимых для дальнейшей психокоррекции состояния осужденных и проведения воспитательной работы. Нельзя не учитывать и возможность «атипичных» реакций на тестирование, которые могут находиться в пределах нормы и быть обусловлены индивидуально значимыми, ситуационными факторами, такими как конфликт в группе осужденных, семейная дезадаптация, различные уголовно-процессуальными и организационными действиями (вынесение приговора, этапирование и др.).

С целью исследования представлений об агрессии у женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы было проведено собственное исследование. Группу респондентов составили:

Группа 1. Осужденные за преступления против жизни и здоровья человека:

- 10 женщин осужденные по статьям 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»);
- 10 осужденных по статье 105 УК РФ («Убийство»);

Группа 2. Осужденные по статьям, не связанным с проявлением агрессии.

- 10 осужденных по 158 статье УК РФ («Кража»);
- 10 осужденных по 228 статье УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»).

Базовыми признаками, на основании которых формировалась экспериментальная группа, стала возрастная категория (1980-1990 г.р.), отсутствие психических расстройств, наличие повторной судимости, среднее образование и также на момент исследования все осужденные длительное время находились в колонии и перед тестированием не имели конфликтов, групповых эксцессов, не являлись

нарушителями режима содержания.

В результате исследования в первой группе были получены следующие результаты: осужденные за убийство и нанесения тяжкого вреда здоровью дали фактически однородные ответы на понятие «агрессия»:

- «Норма поведения»
- «Хорошая черта характера»
- «Не представляют, как достичь цели без проявления агрессии»

Полученные данные позволяют говорить о том, что люди совершившие преступления связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека воспринимают агрессию как нормальное поведение, а насилие - как неотъемлемую часть жизни. В большинстве случаев, это женщины из неблагополучных семей, подвергающихся насилию со стороны родителей или мужей. Повторные преступления они совершили по причине того, что не знают как жить не нарушая закон.

Вторая группа респондентов обнаружила следующие результаты: осужденные за преступления не связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека воспринимают агрессию как:

- «Иногда нужна для нормального существования»
- «Стоит держать в себе»
- «Нужна для защиты»

Женщины второй подгруппы воспринимают агрессию как временную необходимость, которую, при желании, можно избежать. Семейное благополучие этих женщин не однородно: часть из благополучных семей, часть респондентов из семей с маленьким достатком. Преступления они все совершили по разным причинам, общих тенденций не выявлено.

Обобщив результаты данных подгрупп можно говорить о том, что осужденные женщины становятся более агрессивными не из-за биологических, а из-за социальных факторов.

*Л. Шепелева ,
студентка магистратуры специальности «Социальная работа»,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Выбор один из основных критериев свободного общества. У гражданина всегда должен быть выбор: где жить, где учиться, где работать. Все больше наших соотечественников покидают родные места в поисках «лучшей жизни» уезжая за рубеж. Продолжается эмиграция в страны дальнего зарубежья. Так, число выбывших в Германию в 2011 году составило 42 человека, США – 11 человек, Италию – 10 человек, другие страны – 75 человек. Приезжая в чужую страну, они сталкиваются с непредвиденными трудностями и проблемами. И только тогда, наверное, задумываются о тех самых гастробайтерах, которых так не замечали на рынке и в торговых центрах...

В январе-сентябре 2011 года в Пермском крае сохранилось положительное сальдо миграции в обмене населением со всеми странами ближнего зарубежья. Наибольший миграционный прирост пришелся на мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Кыргызстана и Армении. Сегодня Пермь и Пермская область, большинство крупных городов Центрального региона и Южный регион европейской части нашей страны оказались перенаселенными. Помимо внутренних мигрантов на этих территориях осело огромное количество мигрантов из Северного Кавказа, Закавказья и азиатских стран СНГ.

В последние годы в миграционных процессах появились новые тенденции. Вслед за мужчинами, в Россию стали приезжать их жены и дети. Семейная миграция набирает обороты, ставя перед законодателями, госструктурами и обществом новые проблемы. Больше половины трудовых мигрантов обоого пола (около 60%), опрошенных в ходе исследований Центра миграционных исследований, обладают семейным статусом (состоят в официальном или неофициальном браке); от 40 до 45% имеют детей до 16 лет. Сохранение тесных семейных связей, поддержка друг друга в семье – важный фактор снижения стресса от миграции, пусть даже и временной в чужую страну. С этой точки

зрения, оптимальной является миграция вместе с семьей. Но на практике, осуществить это удастся далеко не всегда, в целом лишь чуть больше половины семей выезжают на заработки в Россию (57%), причем значительно чаще это делают женщины – около 75-80%, против 35-40% мужчин. Еще реже трудовая миграция осуществляется вместе с детьми – по данным, это количество составляет около трети трудовых мигрантов, имеющих детей до 16 лет, приезжают в Россию (в среднем 15-16%). С каждым годом численность России населения увеличивается за счет пополнения из числа мигрантов, при этом инфраструктура городов ограничена, а администрация и не готова к быстрому решению возникающих вопросов. Несложно представить социальные проблемы крупных городов в не столь отдаленной перспективе. Реальность уже обозначила некоторые из них: проблему обеспечения детей мигрантов местами в образовательных учреждениях (дошкольного и школьного уровня), трудности в социально-культурной адаптации, трудоустройство, жилищно-бытовые проблемы и т. п.

Одна из самых острых проблем, на наш взгляд, касается правовых условий пребывания детей мигрантов в Российской Федерации, статус которых в настоящее время законодательно не урегулирован. И этот фактор делает практически невозможной легализацию детей на территории России.

Как показывает практика, проблемы социальной адаптации не возникают у детей мигрантов из Белоруссии, Украины, Прибалтики и у детей русских соотечественников, возвращающихся на родину. Наблюдаются затруднения в основном у детей мигрантов не славянской этнической принадлежности, приехавших из азиатских стран СНГ, Кавказа, Афганистана. В первую очередь, проблемы возникают у детей, среднего школьного возраста, которые не имеют языковых навыков – им сложно учиться, трудно изучать школьные предметы, особенно такие, как «русский язык» и «литература». Закономерно, школьные учителя испытывают, в свою очередь тревогу, что эти дети не смогут сдать ЕГЭ.

Столичные власти Москвы не раз поднимали вопрос о закреплении на законодательном уровне обязательного обучения мигрантов русскому языку. В частности, в проекте госпрограммы «Развитие образования города Москвы» на период до 2016 года, предусматривается изучение русского языка для мигрантов как иностранного. На базе городского психолого-педагогического университета проводятся занятия с директорами, заместителями директоров и педагогами по тема-

тике работы с мигрантами. Для детей, не говорящих на русском, властями Москвы предусмотрена программа обучения языку. Дополнительные языковые курсы и классы были организованы в ряде школ. Сегодня существует сеть образовательных учреждений, которые реализуют подготовку иноязычных детей мигрантов к обучению в школе. Занятия проводятся бесплатно, программа рассчитана на год. Подобные школы, финансируемые из городского бюджета, – наиболее адекватный способ адаптации детей мигрантов. Однако, следует признать, что количество подобных услуг не обеспечивает положительное решение данной проблемы – на всю многомиллионную Москву в каждом округе предоставляют подобные услуги только одна школа и две сменные (вечерние, для подростков 14-18 лет). Учатся в этих школах всего 417 детей. Поэтому социальная адаптация детей мигрантов, посещающих московские общеобразовательные учреждения, часто происходит стихийно. Да и не стремятся мигранты обучать своих детей русскому языку. Они уверены, что их детей примут в школу и без знания русского языка.

Образовательная сфера в целом – одна из самых благополучных с точки зрения равенства возможностей российских детей и детей-мигрантов в части доступности школьного образования. Тем не менее, существует ряд факторов, не позволяющих считать ситуацию разрешенной. Рассмотрим последовательно три ступени образования в России – дошкольное, школьное и профессиональное, которые могут быть потенциально востребованы семьями мигрантов.

Условия обеспечения детей мигрантов местом в дошкольных учреждениях те же, что и для детей российских граждан: необходимо встать на очередь в детский сад (ясли) по месту жительства, затем, когда на руках окажется «путевка» – пройти полную диспансеризацию в поликлинике и предоставить при зачислении в ДООУ полный пакет документов на ребенка (включая свидетельство о рождении, паспорт одного из родителей и оформленную медицинскую карту). Временная или постоянная у ребенка регистрация – не имеет значения, согласно Российскому законодательству. Таков «теоретический» порядок и часть родителей – мигрантов действительно в состоянии его успешно пройти предварительный этап.

Тем не менее, согласно проведенным Центром миграционных исследований опросам, только 15-25% детей-дошкольников из семей мигрантов посещают в России детские сады, при этом, доля российских дошкольников, охваченных дошкольными учреждениями, колеблется от 50 до 80% (в зависимости от региона).

Причина подобной ситуации обусловлена как отсутствием мест в детских садах (от чего в равной степени страдают и российские дошкольники), так и с недостатком информации о самой процедуре постановки детей в очередь, отсутствием у мигрантов средств для оплаты сада, сложностями сбора документов на детей, включая необходимость наличия регистрации у родителей и требование покупки специального медицинского полиса, без которого ребенок не сможет пройти диспансеризацию (около четверти мигрантов, живущих в России с детьми дошкольного возраста, хотели бы отдать своих детей в сады, но не могут этого сделать по разным причинам).

Посещение детских дошкольных учреждений (даже неполного дня) признано в России необходимой ступенью для полноценной подготовки детей к школе. Детей мигрантов это должно касаться в не меньшей степени, тем более, что для них детский сад – это еще и реальная возможность адаптации в среде сверстников и бесценный опыт общения на русском языке (что в будущем позволит избежать проблем с речью и письмом на этапе школьного обучения).

С этой точки зрения, от 50 до 70% мигрантов, считающих, что их детям-дошкольникам в России детский сад не требуется – тревожный показатель. В интересах российского общества необходимо снижать подобную тенденцию, информируя семьи по вопросам устройства детей в образовательные учреждения, ликвидируя бюрократические барьеры и, наконец, увеличивая количество мест в детсадах, в том числе, и с учетом данной категории детей (детей-мигрантов).

Официально равный доступ к школьному образованию в России имеют все дети школьного возраста, проживающие и пребывающие на территории РФ. Это гарантируется Конституцией РФ, законом «Об образовании», Конвенцией о правах ребенка, а также различными постановлениями региональных властей, определяющими порядок доступа детей в образовательные учреждения в конкретном субъекте Федерации. При приеме детей в школу требуется предъявить только свидетельство о рождении ребенка, паспорт одного из родителей и медицинскую карту (с результатами пройденной диспансеризации и вакцинации соответственно возрасту ребенка). Правовой статус родителей и наличие или отсутствие регистрации никак не должны влиять на прием детей в школу.

Согласно проведенным опросам Центра миграционных исследований, подавляющее большинство детей мигрантов школьного возраста, живущих в России ходят в школу (от 70 до 80%). В настоящее время наиболее тяжело преодолимым барьером для мигрантов при

устройстве детей в школу становится наличие страхового медицинского полиса, без которого невозможно пройти диспансеризацию и сделать необходимые прививки. Более того, даже если удастся пройти платно диспансеризацию, администрация школ все равно требует с родителей полис, хотя бы на первый год. Обострение ситуации в последнее время вполне объяснимо, так как именно с прошлого года родители-мигранты, законно работающие в России, оказались лишены возможности получать полисы бесплатного медицинского страхования, а их дети лишились возможности бесплатного прикрепления к поликлинике по месту жительства, которое обеспечивал местный Департамент здравоохранения.

Отдельно стоит сказать об обостряющейся в последнее время проблеме владения детьми мигрантов русским языком. Миграцию в Россию в последние годы характеризуют следующие особенности: приезжающие мигранты имеют более низкий уровень образования, чем это отмечалось ранее, и значительно хуже владеют русским языком. Дети мигрантов имеют крайне скудный словарный запас или не говорят вовсе. Если раньше приезжавшие дети (преимущественно из городов) компенсировали речевой недостаток изучением его на своей этнической родине в русской школе, то сейчас «подготовленных» школьников становится все меньше, по причине увеличивающейся доли мигрантов из сельской местности.

Несмотря на относительную доступность школьного образования, Центр миграционных исследований устойчиво выявляет группу мигрантов, чьи дети, проживая в России, не посещают школу (от 10 до 25%). К сожалению, в семьях мигрантов присутствует сознательная позиция, которая свидетельствует о нежелании родителей отдавать своих детей в школу, причем ни на родине, ни в России. Чаще всего, такого мнения придерживаются выходцы из Центральной Азии. На вопрос о том, где находятся дети, пока родители работают, некоторые граждане Таджикистана и Узбекистана отвечают, что дети помогают по дому или находятся с ними на рынке помогая торговать.

Дети мигрантов, попавшие в российские школы, как правило, не подвергаются со стороны сверстников дискриминации (по свидетельству их родителей), отношение к ним в школах доброжелательное (согласно ответам около 80% опрошенных мигрантов). Из этого явно следует, что российские школьники к своим сверстникам-мигрантам относятся гораздо лучше, чем российское общество к взрослым мигрантам. Дополнительные внешкольные занятия доступны всем детям без ограничений, включая детей мигрантов. Единственный сдержива-

ющий фактор – недостаток средств у мигрантов, так как большинство кружков и секций являются платными.

Доступ детей мигрантов в российские учреждения среднего и высшего профессионального образования осуществляется только на платной основе. Никаких юридических или административных ограничений при этом не существует. При наличии средств доступ детям мигрантов в Вузы и Сузы открыт, но, при этом, даже дети мигрантов, с отличием окончившие школы в России, но не имеющие определенного правового статуса (вида на жительство или гражданства РФ), не имеют никаких льгот и не могут претендовать на дальнейшее бесплатное обучение в России. К примеру, в России сейчас наблюдается дефицит специалистов системы среднего профессионального образования. Не секрет, что российские школьники предпочитают получать высшее образование. Так почему бы не дать возможность бесплатного обучения в ССУЗах детям мигрантов, с обязательной отработкой на предприятиях в течение 3-5 лет? Выиграли бы все – и российский рынок труда, и система среднего профессионального образования, и дети мигрантов.

Еще одной проблемой является отсутствие у детей мигрантов специального статуса для возможности обучаться российских учреждениях среднего и высшего профессионального образования на платной основе. Они должны вместе с родителями покидать территорию России каждые три месяца, а затем вновь въезжать, получать миграционную карту и вставать на миграционный учет (или просто покупать эти документы у теневых посредников, без выезда). Почему бы не дать профессиональным образовательным учреждениям право регистрировать своих студентов по юридическому адресу сразу на все время обучения?

Острой проблемой является и отсутствие исследований в России о состоянии здоровья детей мигрантов, как отдельной группы. Учитывая различные негативные обстоятельства, с которыми связана жизнь этой категории детей вряд ли можно говорить об адекватном уровне их здоровья (миграционный стресс при переезде в чужую страну; затрудненное материальное положение большинства семей, скудость пищевого рациона; низкое качество медицинской помощи в странах выхода мигрантов и ограниченный доступ к медицинской помощи в России и т. п.). При этом доступность медицинской помощи для мигрантов детей в России крайне затруднена, особенно в последний год, когда были ликвидированы практически все каналы получения бесплатной медицинской помощи семьям мигрантам. До вступле-

ния в силу последних нормативных документов, почти 70% детей мигрантов получали медицинскую помощь, причем половина из них – бесплатно. По различным опросам, около половины мигрантов, хотя и преодолевая определенные бюрократические трудности, могли прикрепить своих детей к бесплатной поликлинике, по крайней мере, для проведения диспансеризации, посещения педиатра и проведения необходимой вакцинации.

Безусловно, образовательные учреждения пытаются выполнять контролирующую функцию по вопросам здоровья поступающих к ним детей мигрантов, в частности, требуют от родителей при поступлении ребенка в ОУ медицинскую карту, карту прививок, страховой полис. Но довольно часто эти требования предъявляются только в начале обучения, а затем про них забывают, или они переходят на формальный уровень (требуется ежегодно принести копию нового полиса и иногда справку, что ребенок здоров). Более того, требование предоставления полиса добровольного медицинского страхования (в среднем обходится семье в 10-13 тысяч на год, если речь идет о прикреплении к поликлинике по месту жительства и бесплатных прививках) в некоторых случаях становится незаконным препятствием на пути доступа детей мигрантов к школьному и дошкольному образованию (при этом, наличие полиса еще не означает пройденной диспансеризации).

Таким образом, доступ к медицинской помощи для мигрантов, а особенно, для их детей в настоящее время в России является настолько серьезной проблемой, что мигранты вынуждены признавать, что основным побудительным мотивом получения вида на жительство и российского гражданства служит не желание стать полноценными российскими гражданами, а всего лишь страх остаться самим и оставить своих детей без медицинской помощи.

Подводя итоги, можно констатировать, что ситуация с доступом детей мигрантов к школьному образованию в целом решается в их пользу, да и обстановка в среде сверстников относительно благоприятная. Однако, детей мигрантов в школах становится на порядок больше, они хуже владеют русским языком и меньше адаптированы к окружающей среде. Кроме того, мигранты расселяются неравномерно, например, в Москве уже есть школы, где в классах доля детей мигрантов достигает 20-30%. И школы эти, как правило, самые обычные, т.к. в престижные учебные заведения (гимназии, центры образования, с углубленным изучением иностранных языков) существует традиционно большой конкурс. Дети мигрантов вряд ли могут выдержать кон-

курсный отбор в такие заведения. Соответственно, они концентрируются в обычных школах, в школах более низкого рейтингового уровня, что в какой-то степени является формой сегрегации. При этом, сложившаяся ситуация еще и «вменяется им в вину» местным населением.

Несмотря на все выше перечисленные трудности, а также проблемы, появляющиеся в процессе совместного обучения детей мигрантов и российских детей (наличие определенных национальных «трений»), необходимо понимать, что именно дети мигрантов (выросшие в России посещающие детские сады, школы и учреждения профессионального образования), имеют гораздо больше шансов адекватно интегрироваться в российское общество, чем приехавшие на работу их родители. Это хорошо понимают и сами родители, чьи дети учатся в России.

Т.В. Шершень ,
*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ УСЫНОВЛЕНИИ

В Российской Федерации отношения в области международного усыновления начали складываться лишь в конце 80-х – в начале 90-х годов XX века. СК РФ содержит принципиальную норму, ограничивающую усыновление детей иностранными гражданами. В соответствии с п. 4 ст. 124 СК РФ усыновление российских детей иностранными гражданами допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории страны, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников. Международное усыновление признается российским законодателем в качестве альтернативного способа ухода за ребенком: приоритетным является его усыновление гражданами РФ.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии целого ряда проблем, связанных с защитой прав российских детей, усыновляемых иностранными гражданами и, прежде всего, гражданами США. Средства массовой информации, правозащитные организации, обращают внимание на участившиеся случаи жестокого обращения в США с усыновленными детьми из России. Получившие широкое распространение случаи усыновления российских детей иностранными гражданами выявили немало проблем и пробелов в правовом регулировании отношений по международному усыновлению, что свидетельствует о недостаточной правовой защищенности усыновляемых детей на территории страны гражданства усыновителя.

За последние десять лет – с 2001 по 2010 год в Российской Федерации из 59532 российских детей, усыновленных иностранными гражданами, 48 % были переданы на воспитание в семьи граждан США. Несмотря на это именно взаимоотношения США и России в области усыновления характеризуются особой сложностью. Причина проблем кроется в различии правовых систем России и США и, как следствие, отсутствии нормативной базы для сотрудничества в области усыновления детей.

Национальное законодательство не способно учесть особенностей функционирования, компетенции органов иностранных государств, уполномоченных в сфере усыновления. Международная практика показывает, что для наиболее полного регулирования отношений в области международного усыновления необходимо принятие дополнительных актов, учитывающих особенности правовых систем, особенности функционирования государственных органов договаривающихся государств. Кроме того, международный договор – главная форма реализации мер по обеспечению взятых сторонами обязательств. С его помощью государства могут на согласованной основе полно и точно выразить свои намерения относительно защиты определенного международно-правового обязательства. В силу этого, большое значение в области регулирования международного усыновления придется международным договорам.

Общие принципы международного усыновления нашли отражение в ратифицированной СССР Конвенции ООН О правах ребенка от 20 ноября 1989 г. Однако США не являются страной-участницей Конвенции ООН о правах ребенка. Присоединение к ней означало для США установление ряда обязательных для исполнения предписаний, приведение национального законодательства в соответствие с поло-

жениями Конвенции, что представляется труднодостижимым при столь высоком значении регионального законодательства США.

Правоохранительными органами России выявляется немало случаев нарушения прав и законных интересов усыновленных российских детей в США. По данным департамента государственной политики в сфере воспитания, дополнительного образования и социальной защиты детей Министерства образования и науки Российской Федерации, всего с 1996 г. по вине иностранных усыновителей погибло 18 усыновленных российских детей, при этом 17 – в США и один в Канаде.

13 июля 2011 г. было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей, которое стало вторым двусторонним международным актом подобного рода в российской договорной практике, позволяющим на международном уровне закрепить правовые гарантии и обеспечить защиту прав усыновленных детей.

Поскольку предметом Соглашения являются основные права и свободы человека и гражданина, в соответствии со статьей 17 Соглашения, подпунктами «а» и «б» пункта 1 и пунктом 2 статьи 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» Соглашение подлежит ратификации. Сложность данной процедуры, ее недостаточная проработанность, приводят к тому, что призванные к обеспечению интересов детей положения Соглашения долгое время не могут вступить в действие.

Как показала практика ратификации договора с Италией, процесс принятия Федерального закона о ратификации договора детально регламентируется Федеральным законом «О международных договорах», Регламентом Государственной Думы РФ и проходит достаточно быстро. Значительный период времени занимает подготовка договора к ратификации, регулирование которой в российском законодательстве отсутствует. Так, на подготовку к ратификации договора с Италией было затрачено более 10 месяцев, соглашения с США – более 8 месяцев. Отсутствие регулирования процедуры подготовки международных договоров к ратификации, сроков ее проведения негативно сказывается на интересах детей, передаваемых на международное усыновление.

Представляется необходимым разработать и закрепить положения, регламентирующие процедуру подготовки международных договоров к ратификации, включая конкретные сроки проведения процедуры с указанием ответственных государственных органов,

определенных ведомств, на которые будут возлагаться функции по подготовке документов к ратификации. Указанные нововведения представляются достаточно важными в свете переговоров Российской Федерации с Испанией, Исландией, Великобританией, Ирландией и Израилем о заключении аналогичных соглашений в области усыновления детей. Принятие подобных мер позволит упростить и ускорить процедуру введения в действие соответствующих международных документов, что будет соответствовать интересам усыновляемых детей. Положения заключенного Соглашения между Россией и США свидетельствуют о значимости подобных документов для обеспечения прав российских детей в случае их усыновления иностранными гражданами.

В основе Соглашения между Россией и США лежат принципы и положения Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. и Конвенции о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения) от 29 мая 1993 г. В Соглашении определяются органы, в компетенцию которых входит регулирование отношений по международному усыновлению. Так, со стороны РФ компетентным органом, осуществляющим обследование условий жизни кандидатов в усыновители является орган опеки и попечительства по месту жительства кандидатов в усыновители, со стороны США – субъект права, наделенный в соответствии с национальным законодательством США полномочиями по подготовке заключения об условиях жизни кандидатов в усыновители. Компетентным органом, выдающим заключение о пригодности и правомочности кандидатов в усыновители усыновить ребенка в РФ выступает также орган опеки и попечительства, в США – Служба по делам гражданства и иммиграции Министерства внутренней безопасности США. Органом, осуществляющим контроль за условиями жизни и воспитания усыновленного ребенка в РФ является орган опеки и попечительства, в США – уполномоченная организация, обеспечивающая контроль за условиями жизни и воспитания усыновленного ребенка по месту жительства усыновителей и усыновленного ребенка.

Строгое разграничение предметов ведения позволяет учесть особенности федеративного устройства России и США, устанавливает стабильность в отношениях между странами в области усыновления и способствует предупреждению возможных злоупотреблений.

Соглашение закрепляет гарантии по предотвращению деятельности неуполномоченных субъектов в области усыновления, а также незаконной деятельности на территории России иностранных органи-

заций, не получивших аккредитацию. Государственный департамент США представляет Министерству образования и науки РФ перечень субъектов права, наделенных полномочиями по осуществлению деятельности в области международного усыновления в соответствии с Конвенцией о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения) от 29 мая 1993 г. В свою очередь Министерство образования и науки РФ уведомляет Государственный департамент США о принятых в государстве происхождения решениях о выдаче органам и организациям или субъектам права США разрешений на осуществление деятельности в области международного усыновления.

Ребенок, усыновленный в соответствии с Соглашением, приобретает гражданство принимающего государства не позднее момента въезда на законных основаниях для проживания на территорию принимающего государства. Такой ребенок пользуется теми же правами и видами защиты, как и любой другой усыновленный ребенок, имеющий статус гражданина на территории принимающего государства. Он также сохраняет гражданство государства происхождения.

Одновременное применение законодательства обеих стран фактически обеспечивает двойную защиту прав и законных интересов усыновляемых детей.

В целях защиты прав и законных интересов российских детей, передаваемых на международное усыновление, семейное законодательство предусматривает контроль за условиями их жизни и воспитания. Нормы о последующем контроле за условиями жизни и воспитания усыновленных детей нашли отражение в Соглашении между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления детей.

T.V. Shershen
PhD in Law
associate professor of civil law department
Perm State University

INTERNATIONAL AGREEMENT AS A MEANS OF SAFEGUARDING THE RIGHTS AND INTEREST RUSSIAN CHILDREN IN INTERNATIONAL ADOPTIONS

Considered a treaty as a means of ensuring the rights and interests of children in inter-country adoption by the example agreements between Russia and the U.S.

Е.В. Щекотин ,
к. филос.н., доцент кафедры философии и права
Новосибирская государственная академия водного транспорта,
г. Новосибирск

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В развитом индустриальном обществе понятие «безопасность» приобретает фундаментальное значение. В предшествовавших обществах, например, в аграрном, безопасность связывалась с проблемой выживания, голода. Поэтому безопасность, в сущности, связывалась исключительно с экономическими факторами. В тоже время, когда ощущение уязвимости, вызванное угрозой голодом, значительно ослабло, требования безопасности стали распространяться на иные сферы общества: политику, культуру, быт и т.д. Экзистенциальная безопасность, т.е. защищенность человека от непосредственных угроз его существованию, стала основой для более широко движения. Помимо уверенности в гарантированном уровне жизни, который позволяет не заботиться о выживании, человеку потребовалась уверенность в других своих правах.

Чувство экзистенциальной безопасности создает необходимые предпосылки для раскрытия человеческих возможностей. По мере укрепления экзистенциальной безопасности, люди требуют больше

возможностей для себя, они хотят большего разнообразия этих возможностей. Следовательно, возникает необходимость гарантировать безопасность в политике, праве, семейной жизни, в области религии и т.д. Этот процесс стремительного расширения возможных стратегий поведения, разрастания поля выбора человека, безусловно, стал возможен только благодаря усилению безопасности человека в обществе. Он уже не боится столкнуться с угрозой насилия и дискриминации, если выбирает нетрадиционные, не принятые прежними обществами стратегии поведения. Экзистенциальная безопасность породила разрастание общей защищенности (безопасности) человека в общества.

Взросшие возможности для индивидуального выбора человека реализовались благодаря расширению поля безопасности, защищенность человека из экономической сферы растекается на иные области жизнедеятельности. Но этот процесс имеет и оборотную сторону. Детрадиционализация и индивидуализация имеют также негативные последствия. Их можно обозначить как рост неопределенности вследствие разрушения традиционной системы ценностных ориентиров. Рост неопределенности, в свою очередь, приводит к ослаблению безопасности человека в обществе, и генерирует новые опасности и угрозы.

В развитии индустриальном обществе, где непосредственные экзистенциальные опасности (голод, болезни, нищета и т.д.) отошли на второй план, актуализируются проблема безопасности в более широком контексте – как безопасность для возможностей человеческого выбора, т.е. как снятие ограничений свободы выбора. Сущностью процесса детрадиционализации в самом широком смысле и является устранение сдерживающих человеческий выбор нормативов, поддерживающих их социальных институтов, ограничение их «репрессивных полномочий».

Однако здесь возникает два фактора, которые требуют анализа происходящих процессов в терминах риска. Во-первых, рост неопределенности в обществе и природе приводит к тому, что риск становится атрибутом социальной реальности. В прежних обществах риск отсутствовал, т.к. отсутствовала случайность и неопределенность: традиция и религия исключали этот элемент из жизни общества, привнося порядок. В современном же обществе, когда нет больше готовых ответов, и решение является индивидуальным выбором каждого человека, влияние риска на жизни существенно возрастает. Здесь имеется риск неверного решения, которое может привести к пагубным послед-

ствиям. Как отмечает З. Бауман: «В наши дни рискованность не является делом выбора; это сама судьба».

Достигнув экзистенциальной безопасности и получив, политические и правовые гарантии реализации своих возможностей, человек столкнулся с новыми опасностями и угрозами – с двойственностью и неопределенностью, которую мы наблюдаем в природе и обществе. Реализацией этих угроз и опасностей стали риски: в первую очередь, разнообразные экологические, техногенные и природные риски; деглобализация привела к появлению многочисленных социальных рисков и размыванию традиционных форм социальной жизни.

Во-вторых, необходимо учитывать помимо угроз возможностям человека, его выбору, также риски, которые могут вызывать реализации самих этих возможностей. Выбор человека является свободным до того момента, когда он начинает ограничивать выбор кого другого. Этот фактор также необходимо учитывать, т.к. реализация человеческого выбора может нести риски другим людям.

Таким образом, в обществе риска безопасность становится главными ориентиром деятельности его социальных институтов, поэтому именно безопасность должна стать важнейшим критерием качества жизни населения. Она показывает уровень защищенности, стабильности и устойчивости, что является важнейшим условием жизни людей.

В отечественных научных исследованиях качество жизни, как правило, определяется как степень удовлетворения тех или потребностей. На наш взгляд, в современном «обществе риска» такая позиция представляется не соответствующей социально-экономическим реалиям.

Стратегической целью деятельности государства в широком смысле как социального института, является постоянное повышение качества жизни населения, под которым понимается улучшение условий жизнедеятельности людей. Оценка улучшения условий жизнедеятельности представляется крайне трудной задачей. Принимая в качестве критерия качества жизни удовлетворенность тех или иных потребностей, мы не принимаем во внимание само содержание потребности и насколько данная потребность соответствует желанию самого индивида.

Количество определенных благ, приходящихся на одного человека (денег, врачей, квадратных метров жилья, автомобильных дорог и т.д.), не говорит ничего о содержании этого блага, о его качестве. Оценка качества жизни по субъективной удовлетворенности также

сталкивается с серьезными теоретическими и методологическими затруднениями. Например, доказано, что существует сильная зависимость удовлетворенности человека своей жизнью (счастьем) от психологических, этнокультурных и религиозных факторов.

Кроме того, оценивая качество жизни через удовлетворенность потребностей индивида, исследователи подходят только с одной стороны – с точки зрения индивида, потребителя, но не учитывают интересы общества. Интересы общества – это широкое понятие, сюда можно отнести и интересы будущих поколений, и необходимость охраны окружающей среды и многое другое, что невозможно учесть, измеряя качество жизни по критерию существующих (или возможных в будущем) потребностей.

Эту ситуацию можно изменить, если использовать для оценки качества жизни понятия безопасности и устойчивого развития. Безопасность как критерий качества жизни позволяет учесть как интересы отдельного индивида, так и интересы общества, соединив их в единый комплекс. Безопасность понимается здесь в предельно широком смысле – как рискозащищенность от разнообразных опасностей, которые могут нарушить нормальное течение жизни индивида и общества (т.е. вывести из состояния устойчивого развития). Такие опасности в современном обществе приобретают форму рисков и по мере усложнения технологических и социальных систем их воздействие на жизнь, как отдельного индивида, так и всего общества становится преобладающим.

Нами выделено четыре основных типа рисков, которым соответствует четыре системы безопасности в обществе, призванные защитить от воздействия этих рисков. По типам рисков выделяется природно-техническая, социальная, финансово-экономическая и политико-правовая безопасности, каждая из которых представляет собой совокупность мер, необходимых для защиты от неблагоприятного воздействия соответствующего типа риска.

Уровень того или иного риска будет свидетельствовать об эффективности соответствующих принятых мер безопасности. Деятельность по планированию и осуществлению данных мер является непосредственно функцией государственного управления. Поэтому, на наш взгляд, закономерно трактовать уровень рискозащищенности населения, т.е. уровень обеспечения безопасности, как основной критерий оценки эффективности управленческой деятельности в области качества жизни.

E.V.Shchekotin
*candidate of philosophical sciences,
docent of Philosophy and right department
Novosibirsk state academy of a water transport*

SAFETY AS THE FACTOR OF QUALITY OF LIFE IN THE CONDITIONS OF INSTABILITY OF SOCIAL DEVELOPMENT

A riskological conception of “quality of life” is presented in the article. The estimation of “quality of life” is offered to realize on the basis of analysis of risks.

Dr Miriam Isaac ,
*Principal Lecturer
Head Applied Social Sciences
Institute of Health and Society
University of Worcester*

UK SOCIAL POLICY

A brief history:

- 1601 – The Elizabethan Poor Law
- 1834 - The Victorian Poor Law
- 1948 – The Welfare State
 - Social Security
 - Health
 - Housing
 - Education
 - Welfare and Children

(The personal social services)

The Welfare State. The introduction and continuance of the welfare state was based on three principles:

1. A national health service
2. Family allowances and pensions
3. Full employment

All three are interdependent and based on the concept of *solidarity*.
Solidarity and Universality versus Residual and Selectivity:

- Welfare in much of Europe is based on the principle of *solidarity*, or mutual responsibility. All people are part of solidaristic social networks. This means that *universal* benefits and services are available to everyone or at least whole categories such as older people or children (Spicker 2012)
- Present social care/social work universal coverage – examples:
- Children
 - Safeguarding:1989 and 2004 Children Act
 - Disability 1989; 2001; 2008
 - Adoption and Fostering 2002
 - Children Leaving Care 2000

Cont.

- Mental health
- Physical disability
- Learning disability
- Older people
- Community care and direct payments
- Carers
- Unemployment
- Low pay
 - All other legislation, services and provision needs to comply with the following:
- Race Relations 1976; 2000;
- Religion or Belief 2003
- Disability Discrimination 1995, 2005; 2012
- Sexual Discrimination 1975
- Sexual Orientation 2003
- Gender Recognition 2004
- Equality 2003; 2006; 2010; 2011
- Health and Safety
 - Social Policy Expenditure 2010:
- Social Security (including pensions) 48% £221 billion
- Health 26% £120 b
- Education 19% £88 b
- Personal Social Services 4% £18 b
- Housing 3% £14 b

Breakdown of the Social Security budget:

Benefit and tax credit expenditure 2009–2010

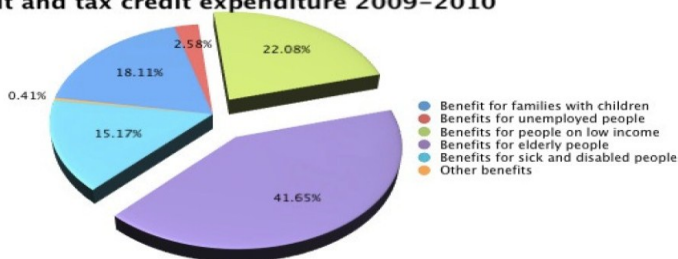
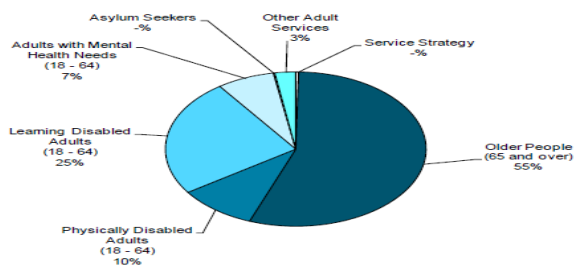

Figure 2.1: Client group as a percentage of gross current expenditure, 2010–11¹

This means that access to all services, pensions and other provisions are ‘free’ and available to all and are paid for through *universal taxation* and *national insurance*. However, some choose private provision and pay in addition.

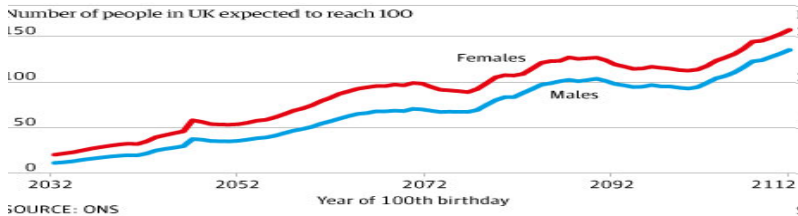
What happens at times of high unemployment?

- Less revenue to pay for services
- Cutbacks
- Rationing

....and extensive political discussion about universal versus residual welfare states.

Plus demographic change: reduction in under 16 population, reduction in working age population, increase in over 65 population, increase in over 85 population.

Surviving to 100

The ideological consequences: move to *Residual and Selective* Welfare State. Social Policy becomes a 'safety net' for the poor confined to those who are unable to manage otherwise. Withdrawal of the principle and practice of universal services for all.

In 2011/12 in England cuts to:

- Public sector jobs
- Wages
- Housing benefit
- Childcare
- Pensions
- Disability benefits

For example:

- £5.6m from violence against women services
- £300m from Sure Start Children's centers
- A further £10 billion in benefit cuts including child benefits

And....

Cuts to youth services:

- Provision withdrawn
- Education maintenance allowance withdrawn
- Housing support withdrawn
- Fees for higher education implemented

And

- High Youth Unemployment (16 – 24 years) currently 20.7%
- Lead to social consequences 'Reading the Riots' (2011):
- Poverty
- Homelessness
- Lack of educational opportunity
- Low paid, low skilled jobs
- ...and riots.

Social policy is a powerful means of ameliorating social distress and problems. However, social problems also arise as a consequence of

unrelated factors. For instance the UK has comprehensive child protection and safeguarding laws and policies (see slide 5) but the protection of young people is not guaranteed.

Recent public disquiet and debate:

- ‘Grooming’ of young teenagers for sexual exploitation – on line and on the street
- Child trafficking
- Abuse and sexual exploitation of ‘Looked After Children’ (those in care of the LA)
- Safeguarding of young teenagers from predatory paedophiles (the Jimmy Saville affair).

Grace Jackson ,
specialist skills in Advocacy and Mediation gained from
Legal and Social Care backgrounds,
MA Social Work Student with BA joint honours in Criminal
Justice and Social Welfare,
University of Worcester, Great Britain

“MAKE ME WHOLE AGAIN” TEENAGE DISLOCATION AND THE RESPONSES OF THE COMMUNITY

As the researcher I draw upon my personal experience as a mother of a teenager who has experienced the trauma of anorexia and the breakdown of family life. I believe that my personal experiences related through narrative enquiry connects with, and brings a further dimension to the established theoretical principles of evidence based practice and critical reflexivity within UK social work practice.

My research question explores whether reflective space and energy effected from the narration of our own life story and personal life expectations , has the capability to unite mind and body with the subliminal energy of our soul. Inviting into our conscious thoughts, reflexive (spontaneous) clarity, self- empowerment and a greater understanding of our own life journey. Thus, lending itself to a therapeutic praxis (practice opposed to theory) of self healing and self empowerment, which is capable of transcending the barriers of transcultural and religious diversity.

My research is divided into four main areas of enquiry,

Part 1 sets out the context of my research and presents five reasons why I have opted to use narrative enquiry as my research method.

Part 2

sets out the underpinning ideology of critical reflexivity, Language and Power drawing on the work of Gramsci and Freire.

Part 3

explores how our stories are Received by the community, drawing on the work of Ledwith, and embracing the transcultural diversity through the narration of indigenous and orthodox academics.

Part 4

Outlines my proposed Research in Action with the State University of Perm and reflects on some of the Ethical Dilemmas that writing from a heuristic adage of narrative enquiry has presented to me as the researcher.

Context of my Research

When researching the concept of teenage dislocation, I find myself acknowledging the struggle that I have faced, and continue to face, when trying to balance my creative and intuitive energy, with the structural requirements of academic research. To bring balance to these competing tensions, and give authenticity to my academic voice, my research is influenced by Moustakas' methodology of heuristic inquiry and Jacobs' indigenous determination of the importance of the authentic voice within research methodology.

Moustakas' methodology gives me permission to undertake *a personal search through the discourse of narrative enquiry*, in which I as the researcher can locate and understand myself and the world in which I live (Moustakas 1990: p15) Likewise Jacobs' theory of the authentic voice within dissertation, for me as the researcher, sits naturally and comfortably alongside narrative enquiry. Because it affords me the creative and reflective space that I need as an individual to embrace the intuitive, creative and mystical sense of my belonging and connection of my indigenous Celtic roots.

Why Narrative Enquiry

1. Firstly I wish to Explore the importance of narrative enquiry as a therapeutic tool for self empowerment and self healing within social work practice.

2. Secondly to discover the prominence and relevance of narrative in research in relation to teenagers who are struggling to find their authentic voice.

3. Thirdly to discover the benefit and contribution if any that narrative enquiry could bring into social work practice and the thinking that lies behind it.

4. Fourthly to determine whether narrative enquiry promotes reflective space that effects reflexive clarity to bring about self empowerment , self healing and a greater understanding of self actualization.

5. Finally to explore the vital link of narrative to real life situations. A link that according to Webster (2007p 14) is often neglected in the more traditional approaches of research methods.

Life is like a Jigsaw Puzzle

Life is like a jig-saw puzzle, the full picture is only evident when the jig saw puzzle is completely finished. Hedges(2010 p 98) points out , that narrative inquiry opens up space in our subliminal mind, that allows us to listen to our authentic voice. Our stories, may need to be revisited, retold and re-evaluated before the last piece of the jig saw is complete, but narrative as Clandinin (2000: p.49) claims, opens up the space , that gives us the consent we seek to take our first steps towards understanding who we are and where we are going.

The Same Story Different Version

Trahar (2009 p.37) reminds us that our' lives consist of countless experiences that help us to make sense of who and what we. But sometimes our ability to make sense of our own life experiences and that of others lie outside of our understanding. When my teenage daughter decided food was not a necessity in her life, I had difficulty understanding where her enlightened viewpoint arose . When I divorced her father, she had difficulty understanding my sense of reality . We both experienced a sense of helplessness, we both experienced the pain of the events in our lives, but we both internalised, dealt with and told our stories of the same events but with very different versions. Our common ground was as Trahar (2013:49) suggests evident only in our intuitive need to write down our thoughts and feelings in order to make sense of the senseless

There is more than one way to tell a story

Wells(2011 p. 14) says that one of the problems that social workers and other care professionals may face in practice when working with narrative enquiry , is the question of validity, that despite attentive listening, stories are often incomplete.

But as Rolfe et al (2010: p 20) suggests we are all prone to telling our stories from our own understanding. Thus, there is always a possibility that important parts of a story can be left out or discarded, or parts that are considered irrelevant, forgotten, or altered to suit our own rendition of what

we think things should be. But stories are not simply written narratives . They are the intangible account of everyday living.

The way in which we communicate is paramount to understanding the stories that teenagers tell. The difference with narrative inquiry is that the teenager interprets his/her story from their own sense of belonging

Sometimes we communicate with each other in an alien voice, we all have different ways of making sense of who and what we are. Some of us write, others tell their story through art, food or music the key as Webster(2007: p.90) advocates is to find the common ground on which the story can be told and retold with validity and confidence.

Who tells the story, society or the teenager

The underpinning ideology of my research, illustrates the impact that my first degree, obtained within the field of criminal Justice and social welfare continues to hold in relation to my understanding of social justice and the power that language has on the way that we see, understand and react to our life chances . Gramsci (1891-1937) said '*the starting point of critical elaboration is the consciousness of knowing who we really are*'. Freire (1996: p 77) maintains that each of us, regardless of intellectual ability, are philosophers in our own right. Thus narrative enquiry seems to marry well with a critical understanding, that knowledge is socially constructed . As Freire points out, knowledge is only as effective as the political and academic reasoning of the day (Denzin and Lincoln: 2008: p 17). However, if we are to take up ownership and exclusivity over our own power and practices as Cohen (1995: p 12)suggests, it could be argued, that tapping into the Power within, through creative energy and reflexive thought, through the engagement of narrative inquiry offers up a viable source of intuitive and effective discourse (communication).

How are our stories received within the community

Ledwith (2011: p 38) echoing the words of Freirean pedagogy says that we need to listen to the 'deepest feelings and fears of the community with compassion and understanding if we are to pay full effect to the expectations and experiences of others'. But how does the community react, when the story of one differs from the expectations of community belonging.

Beliefs and Culture Differ

Regardless of cultural diversity or religious preference, when we invite teenagers who are already fragile and vulnerable to tell their story, it is as Four arrows (2008 p 13) points out, important to respect the diversity of their story within the context of their language, culture and religious diversity.

MAD BAD or CONNECTED

When we listen to teenagers talking about their desire to manifest a better life through the power of flowers, or the places they have visited in prior lives, described of course, in vivid detail, or the out of body experience they say they had whilst quietly contemplating life, or the visit they encountered from great grandma who passed away prior to their birth. We might dismiss them without giving much thought to either their credence to their purpose, or we might incessantly worry that they are taking some sort of hallucinatory substance, or at the very least having some sort of mental health breakdown.

Religious doctrine has certainly had a jacquard history within the UK. Sometimes community acceptance of our spiritual power is more accepted than we at first think. Rather than condone the visions of Therese, a 15 year old French nun when she openly wrote about the apparitions of the angels that she visibly saw and talked too, throughout her short life. The Catholic church sainted her.

How religious doctrine is accepted from both a historic and contemporary position will be explored further in my research.

'I HAD A DREAM of a mountain Lion and a fawn living in harmony, I followed my dream....' (Four arrows;2008)

In contrast, the community can reject our spiritual stories, as is illustrated by the academic board of Boise State university USA. In 1999, the chairperson wrote on Four Arrows' doctoral dissertation ' Brilliant Bullshit!', exemplifying how the authentic voice of academics was received by westernised thought during that period of American evolution. It also illustrates as Four Arrows relates, that to grow and change the environmental culture, we must be brave enough to accept and share our beliefs. Regardless of how they are first met.

Research In Action

My research in action remains in the embryonic stages of planning, however, I am currently in contact with the State University of Perm, who have indicated that they would welcome an independent visit to their establishment. We are currently working towards a mutual agenda to consolidate the visit in September 2012. I believe that gaining firsthand experience of the energy that continues to exist within the Russian community will bring a further richness into my work.

ETHICAL CONSIDERATIONS AND RESEARCH DOMINATION

My research is written to embrace the Diversity of thought as a way of bringing about clarity and self empowerment into the lives of teenagers

through the narration of their own story. Rather than as a dogmatic account of what I believe the reader should think

When exploring and writing about life expectation as a therapeutic tool of self healing within the field of vulnerable teenagers; I am mindful that life is a unique experience for each of us. I acknowledge, that I can never truly understand the pain of discrimination that beleaguers the life of Black or Asian teenagers who are dislocated from their culture and communities; or the struggle that plagues the lives of youngsters who are homeless, hungry and forced into a world of prostitution ; or teenagers who struggle to come to terms their sexuality and face the heartache of ridicule, or rejection from their parents and peers; or the countless adolescence who suffer at the hand of domestic violence, alcoholism or drug abuse . However, I can understand and share what I have experienced, as a teenager, a daughter, a sister, a mother, a auntie and a wife, in relation to teenage dislocation.

I have pondered on where to start this research, what to include and what to leave out. I have lamented over how to narrate the stories of my research, so that the reader is able to receive my work, in a sensitive and mindful way, that is true to the essence of the events, without being over bearing and dominant . In the hope that this work will encourage the reader to connect with their own voice, to write their own story, in their own time and their own Way.

Conclusion

Knowing where to start my research was difficult. Finding my true voice is proving complex, but being brave enough to give myself permission to listen and connect, with my inner voice has opened up subliminal space within my conscious awareness that has allowed me to reflect , challenge and adapt the way I think, feel and react in relation to understanding myself and others. Story telling is ubiquitous but, self understanding is unique.

Until, I complete my research, I have no way of knowing whether my hypothesis is viable. However , I have already discovered that as I locate with the external energy of the diversity of the transcultural communities that I meet and the internal energy of self-empowerment. My thoughts feelings and understanding , internal and external energies have united to bring me greater insight into who and I am and where I am going. It has shown me that we are all capable of pre judging situations, that promote an egotistical determination of outcome. When in reality we have little or no understanding of the story that is waiting to be told . It has taught me that we have to reflect on what we do not know.

Dr. Danielle Ann Jones ,
Assistant Professor of English Literature Department
University of Western Montana,
Dillon, Montana USA

A DAY IN THE LIFE OF A RUSSIAN ORPHAN

Three hundred miles away from Lika, we walked into a gravel parking lot flanked at geometric angles by rigid, white high rises. *Why does everything have to be so hard in Russia?* I thought. Kreg and I and Yulia, our translator, approached the entrance of the apartment complex. The sun was already high and hot and we squinted into the glare of the white-tiled wall. Yulia, a blue-eyed blonde with heavy bangs, pushed the speaker button by the door.

“*Allo,*” A young male voice answered. It was Ilya. Four years we’d sponsored this boy. Hearing his voice for the first time was like a cold stream of water pouring from the speaker and splashing dread all over me. How was it possible I had four years of angst built into a relationship with an orphan I’d never even met?

“*Mie zdecc,*” Yulia greeted him.

“*Kvartera 62. Lift ne rabotaet.*” Ilya said. Apartment 62. The elevator was not working.

We entered the gloomy stairwell and started up the six and a half flights of stairs. Yulia led and I followed carrying a bag of T-shirts. Kreg brought up the rear with a box of books. The T’s and books were gifts for Ilya and his housemates. *He’s one of the lucky ones,* I thought. Not because we were coming to see him, but because he had the opportunity to live in a group home. The general statistics for orphans in Russia were bleak. Between 1-3 million children—the figures varied widely by source—lived on the streets or in state-run orphanages. Every year, about 15,000 teens graduated from the orphanages. Of these, approximately 5,000 would remain unemployed, 6,000 would become homeless, 3,000 would resort to crime and 1,500 would commit suicide. Roughly half the girls would be forced into prostitution. *One of these could be Lika,* I thought with a shiver.

Second floor. The stairwell was cement, windowless and graffitied. Our steps rang out hollowly as we climbed. The corners of the landings were stained and the smell of old urine hovered around them like a wounded dog.

Most orphans in Russia were “social orphans” since 95% of them still had a living parent. Vodka, drugs, aids and poverty forced them from their

homes. At the orphanage, they became just another charge. On certain days they were given soap, a toothbrush, toothpaste, and clothes—usually the exact same styles. Until the age of twelve, they had the same haircut. Saturday was bath day.

Kids left the orphanage with a minimum education and even less life skills. They had few connections and weren't able to get decent jobs. One graduate explained, "At 16, just after I got my diploma, I was given my belongings and the key to my room in a communal apartment. That was it! Independent life, a new home." When she arrived at her room there was a bed, a table and a chair. She brought with her clothes, bedding and some start-up money from the government—15,000 rubles, about \$500. She related, "I immediately spent the money on a fridge and some more clothes. I remember I ate chocolate every day at first. I couldn't even cook and I was so afraid of shops; even buying bread was a challenge."

Third floor. There were no handrails I noticed as we continue climbing the stairs. No way to pull yourself up or catch yourself from falling.

Several years ago, I came to Russia with an organization called CHC to help put on a summer sports camp for teenage orphans. The kids I met were a mixture of worldly knowledge and practical ignorance, tough exteriors and raw interiors, self-reliant and desperate for attention. They rubbed raw every emotion I had.

While most of these kids would turn to crime, suicide, drugs, or prostitution after they left the orphanage, a few private organizations stepped in to try to help them find a better life. CHC was one of those. In addition to the summer camps, they started a number of group homes for graduates. There, five or six teens lived with house parents and completed another year of high school or studied at a tech school. They learned how to cook, clean, do laundry, take care of themselves and grow up a little more before having to face the world on their own.

Most groups that were helping orphans were American ones as Russians tended to think of orphans as a government problem instead of a social one—a carryover from Communism. A poll conducted in downtown Moscow asked people their attitude toward orphans: of 1,000 respondents, 999 said the problem had nothing to do with them.

Fourth Floor. We stopped under a bare bulb and took a quick breather. Kreg shifted the box of books to his other arm. I smiled at him. After I worked at the summer camp, we decided to sponsor an orphan. "We" was a loose term. More accurately, *I decided* Kreg should sponsor an orphan so he would grow to feel as strongly about orphan outreach as I did. That was when this boy we are now hiking up the stairs to see came into our lives. The problem was you can't

grow a passion in someone's else's heart any more than you can grow roses in your neighbor's yard in place of their pink flamingos.

Neither Kreg nor I wrote to Ilya regularly. Neither did we send many birthday or Christmas gifts. With the monthly support on automatic withdrawal, Ilya wasn't much more than a charity deduction to us for several years. It had only been in the last few months as we'd solidified our plans to go to Russia we realized we could meet him.

Fifth floor. Whatever nervousness was temporarily distracted by our climb was returning full force. I was not ready to meet Ilya. Even though it was not easy to get there, I would have just as soon turned around and gone back.

It had taken several phone calls to CHC's office to arrange this visit. Then, we spent hours debating with Masha the best way to get here. There were no forms of public transportation that traversed the 300 miles between Tver and Pokrov, the small town where Ilya lived. When we suggested renting a car and driving ourselves, Masha actually shuddered. Instead, we settled on taking a train to Moscow where a driver met us and brought us the remaining three hours. He dropped us off at the only hotel in town with a bathroom in the rooms. A yellow embroidered coverlet covered twin beds that had been pushed together to form a King. From our window, we could see most of the town. The highway ran through the center which was also its main street. A gas station, grocery and semi-truck repair shop sat along it. Behind them were a number of dirt streets lined by soviet-style high rises and one-story log homes.

"I wonder where Ilya lives," I said.

"We're probably looking at his apartment right now," Kreg said.

I called the local CHC office. After a few broken attempts, I got someone who spoke English. "I just want to check when our translator will be arriving tomorrow," I explained.

"To there, no translator going tomorrow," the woman told me. "We have no one to go there."

"But it's already been arranged," I stumbled.

"Yulia called the house mom and they don't accept visitors now because they have renovations," the voice told me.

I started crying. I told the woman how we'd called from the U.S., how we'd called from Tver and now we'd come all this way and spent a lot of money to be within walking distance of Ilya. We'd been planning this for months, we've been sponsoring him for four years. We're here in town.

"Maybe, we find someone," she said.

Sixth floor. Only half a story to go. With each step, I felt like I was treading on my lungs. I was nervous to meet Lika. But she was only seven and I hadn't done anything to her yet—I could only imagine she expected the best of me. Ilya, on the other hand, was a seventeen-year-old boy we had not been very good sponsors to. I feared anger or resentment from him. I felt awful for our years of apathy but what could I say, "Sorry, you were only a statistic"?

Six and a half floors. The one picture I had of Ilya I received four years prior. It was pasted to brown paper cardstock and listed his vital information: thirteen-years-old, studied average in school, liked sports—in particular soccer. The picture showed a small dark-haired boy that seemed maybe ten and wasn't particularly attractive or distinctive in any way I could remember except that the card and photo were each ringed by a spilled coffee stain.

We stepped up to apartment sixty-two and Yulia rang the doorbell. Opening the door beneath her knock was a tall blonde birch tree of a boy. Ilya had grown since the last report. He was now about 6'1". His hair was bleached blonde, and he was all male. Dressed in a long sleeved T-shirt and sweats, he leaned away from us with his hands in his pockets. This was not the Ilya of the coffee-stained card stock. His eyes were still dark, of course, and his eyebrows dark crests above them. His complexion though was like the pale skin with red undertones Kreg had inherited from his German-Scottish ancestors. His square forehead too resembled Kreg's.

I wouldn't have called it a smile that flickered across Ilya's face but his eyes seemed pleased enough to meet us. I stepped up to him with my arms outstretched for a hug that he accepted tentatively. Kreg shook his hand. We followed him into the living room where the other boys were waiting: Sergei, Vova M., Vova K., Dima and another Ilya. These boys looked like the ones I remembered from the summer camp: small and skinny with Russian crew cuts. By contrast, Ilya seemed much older.

Ilya gave us a tour of their apartment. It was hard to tell—as it would be for our next three hours together—what he was thinking and feeling. He neither smiled nor grimaced. "This is my room," he said opening a door and revealing a tiny room he shared with one of the other boys. There were two single beds and a computer desk squeezed between them. "Here is the other boys' bedroom," he said opening the door to a similar bedroom. "Here is the house parents' bedroom," he said showing us a room the size of a walk-in closet shared by the house parents and their five-year-old daughter. Their son lived with his grandmother since there wasn't space enough for him in the flat.

We returned to the living room for tea with the other boys and their house mom. Natasha was a chipper woman of about forty who kept brushing back her short hair. She chatted freely with us not waiting for Yulia to trans-

late. I caught snatches of the Russian, snatches of the translation and then tried hard to put them together. She told us her husband worked in Moscow and only came home on the weekends. She worked at the baby orphanage during the days so she would have retirement. Weekdays, the boys go to school and study.

The boys let Natasha talk and once and awhile they added something of their own. But not Ilya. There was a hint of a smile from him when Natasha praised him for his cooking skills. But there was not one for us when we told him the torte he made was tasty.

The conversation lagged and we sipped our tea in silence.

“The boys are not able to find jobs because no one will hire orphans,” Natasha said.

“What do you do during your free time?” I asked.

“Watch movies,” one of them shrugged.

Movies! I thought. *Here is a connection.* I listed some of the many Russian movies I’d watched in the last few years. They hadn’t seen any of them. They asked me about the American gangster movies they’d been watching. I hadn’t seen any of them.

Nobody could think of anything to say. I decided it was a good time to pass out the T-shirts and books. There were some ready smiles from the other boys as Natasha sorted through the shirts for them. Ilya, however, took a navy polo shirt from her as if she were passing him a saltshaker. I was frustrated with his passive expression. If he had been a saltshaker, I would have turned him upside down and shaken him hard. If nothing else, I would have liked to shake out a few words.

The boys hold the t-shirts up to their chests and make jokes with each other, but they took the books as if they were homework assignments. I’m a generation late, I realized. The generation that read books in Russia—even in this small town—was not theirs. All of my Russian friends read books when they were young. These kids watched American movies. I was sad I didn’t do a very good job guessing what they would like. Sad too, they were watching bad American movies instead of reading good Russian books.

A young gray and white cat entered the room. She walks to Ilya’s chair and arched around it. He picked her up and petted her.

“That’s Ilya’s cat,” Natasha explained. “He rescued her from the street last winter and she only goes to him.”

“Except when she’s jumping out the window,” Ilya said.

“Jumping out the window?” I asked.

“All six floors,” he said. “Twice.”

“And she didn’t get hurt?”

He shook his head and scratched the cat behind her ears. I laughed and the cat looked at me, jumped down and ran from the room. The glimpse of softness I'd seen on Ilya's face disappeared just as quickly.

As if pinched, I remember my own reaction to my house burning down while I was in college. The following day, I told a trusted professor what had happened and then nonchalantly moved on to the topic of my research paper. He listened and we agreed on my paper choice. I left his office. In the hallway, I suddenly felt angry and betrayed he hadn't offered any sympathy over my house. I'd lost everything I didn't have with me at college after all. I trusted him enough that I walked back into his office and indignantly accused him of being insensitive. "Danielle," he explained, "I do feel bad about your house burning down. But you offered that information as if it didn't matter to you at all and you didn't want me to say anything." I realized with amazement my façade of strength could fool people. Despite what I was saying, people read the cool demeanor of my face and were not aware of the burning pain beneath my words.

Is Ilya feeling anything now, I wondered? What does it mean to him we've come? Does he think because we've not been active sponsors he's not worth our time?

I nodded at Yulia and say to the group sitting in front of me, "I have to apologize to Ilya for not being better about writing letters. But whether your sponsors write or not, please know that you are important to us and that we are thinking and praying for you." Yulia translated. Ilya looked at his teacup. The other boys nodded.

"Ilya, show her your box," Natasha prompted.

Ilya went to his room and came back with a shoe box. We stood behind him as he pulled out a small stack of photos and letters. Most of them were the few we wrote. He leafed through them one by one. My guilt over how few letters we'd sent him compounded when I saw he had carefully saved each one. My heart seized altogether when I saw a picture of my teenage brother with an elk he had shot several years before. This was one of the letters and photos Kreg sent him. Looking down into the smiling picture of my brother, who enjoyed all the pleasures of modern American life, over the shoulder of this Russian orphan sent shock waves of pain through me.

Soon after, we got ready to leave. Natasha pulled Yulia and me aside. She explained to me that even though we can't tell by looking at Ilya, he was excited for us to come today. She could tell by how he had hurried around the home cleaning and preparing us a torte.

I felt greatly encouraged. "Is there anything else that we should know?" I asked. "How can we best pray for him?"

“For his future,” Yulia translated. “Where he’ll go and what he’ll do after this. Most of the boys have some contact, some aunt or family member. But Ilya...” she paused.

“*Evo rodetelle—Hemetzkee*,” Natasha said.

“His birthparents were German,” I translated in my head even as Yulia echoed the phrase out loud. I’m surprised to learn this.

“*Onu ostavalee evo v Kazakstane*,” the house mom continued.

“They abandoned him in *Kazakhstan*,” Yulia said.

I was shocked. Shocked and trying hard to understand this conversation.

“After being abandoned by his birthparents, he was adopted by Kazak parents to obtain Russian citizenship,” Yulia explained, “The Kazak parents moved to Russia, abused him and finally abandoned him here in Pokrov.”

When I finally catch up with the words and the meaning behind them, I felt bruised. Ilya’s past was so rough. Twice abandoned. Twice rejected. Not one person in this world to call family. This wasn’t even his country. No wonder he wasn’t wearing his heart on his sleeve. Ilya probably wasn’t even his given name.

We moved to the front door where the others are standing. Ilya had his hands in his pockets again and was leaning against the doorframe watching Kreg tie his shoes. I felt a fresh tenderness for this hard boy. Before we left, Yulia helped us find a time to meet the next day.

“Morning?” I said, thinking 9:00 or 10:00.

We settled on 11:00: Russian morning.

I tried not to show I’d just learned some of his secrets as I reached to hug Ilya good-bye.

Kreg, Yulia and I retraced our steps back down the long stairwell. Sixth floor. Fifth floor.

“He has a birth sister, you know,” Yulia said. I didn’t know. I don’t feel like I can take any more bad news. Yulia continued, “She is younger than him by several years. They were abandoned together, adopted together, abandoned together. She, however, is mentally delayed and when they entered the orphanage system she was sent to a *debil* school.”

I shuddered. The horror stories of abuse in these kinds of institutions are harrowing.

“Ilya lost contact with her about three years ago and hasn’t tried to reconnect with her since,” Yulia said. She added softly, “We see this all the time.”

We continued down the steps. Fourth floor. Third floor. I could not put into words the anguish I felt for Ilya. I was thankful he was in this home,

but it seemed like everything else was against him. Second floor. I wondered what we don't know about Lika. First floor. Finally, we stepped outside and found ourselves again in the hardscape of the parking lot. The sun was beginning to set and it threw long shadows ahead of us as we walked back to the hotel.

* * *

The following morning, Kreg and I descended the steps to the hotel lobby to wait for Ilya.

"Will you help me to talk to him?" I asked nervously.

"As much as I can," Kreg said.

"I don't know what to say to an American teenage boy, much less a Russian one," I said.

Kreg squeezed my hand.

"I wish you weren't leaving tomorrow," I said.

"Maybe, Masha will find out more soon."

"I hope she doesn't find out that I have to fly home," I said. "I guess, I'll just start studying at the institute until we know something." Kreg nodded.

"Call Kathy when you land in Denver," I directed, "and tell her everything."

"Every detail," Kreg said. "She'll just be sad she can't hear it from you."

"Moms are like that."

"Even surrogate ones," Kreg smiled.

We saw Ilya and one of the other boys approaching the hotel. We waved. Ilya opened the door and glanced at the woman behind the counter. She looked back at him with a bland expression. Ilya shuffled his feet on the threshold though as if she were glaring at him because he was likely to steal something. Head down, he held up his hand toward us and stepped back outside.

What was that all about? I wondered.

I gathered my camera and purse and we walked outside to meet them. Ilya's hands were pushed in his jeans pockets, and he was surveying the single car in the parking lot. I was glad to see he was wearing the polo we gave him over a long-sleeved T-shirt. He had the collar pulled up like a rapper or gangster. If gangsters wore polos.

The other boy, Dima turned toward us, "*Bispalees?*" Did you get all your sleep? he asked good-naturedly. We nodded.

"*Kooda?*" Where to? I asked Ilya.

He shrugged without looking at us, "Pokrov."

"We'll show you the school and orphanage, if you'd like," Dima offered. We agreed.

As we walked, I wondered about the incident at the hotel. It was a minor thing, but Ilya was clearly too embarrassed to step inside. The orphan stigma is really very strong, I realized. I knew that during Soviet times, if a person didn't meet the communist ideal of a good worker who was contributing to the State—someone physically or mentally handicapped—they were ostracized and hidden away. Even after communism, mothers who gave birth to disabled children were pressured by their doctors to give them to an orphanage. Even healthy children who entered the system because of poverty or family problems were likewise branded as "defective." I had known this. But it wasn't until I witnessed this scene with Ilya at the hotel I realized how pervasive the shame and stigmatization of being an orphan was.

We were glad for Dima's presence. He was open, affable, and not as embarrassed by my horrible Russian grammar. It was far easier to talk to him, but I tried very hard to make conversation with Ilya too.

"What do you do on the weekends?" I asked him.

"Go do the disco."

"At other times?"

"Play computer games," Ilya said. He looked at his cell phone for the hundredth time. Unlike my brother though, he was not actually talking on it or texting anyone. I imagined most people he knew didn't have a phone.

We walked up to a series of square, white-brick buildings each a few stories tall.

"This is our institute," Ilya said.

"What are you studying?" I asked.

"Physical education and German."

"And then what?" I stumbled not knowing the word for graduation.

"I want to be a *militsia*. My marks are normal."

I nodded not knowing what to say. Knowing the rampant dishonesty in the *militsia*, I wasn't very excited about this prospect for him.

We walked a little farther and came to a playground with new, brightly-colored playground equipment. The building behind it was freshly painted a cheery white and light blue. The sign above the door said Orphanage #63. I was amazed.

"We have a rich sponsor from Moscow," Ilya explained waving at the playground.

I noticed the "we." Indeed, Ilya seemed to be something of a celebrity as he led us through his old home. He was greeted with smiles and banter by the upturned faces of kids and caregivers alike.

"This used to be my homeroom," he said opening a door to a neat room. Plants lined the windows. Couches and tables seemed comfortable and well maintained. Books and new stuffed animals jammed the bookcases. *There are more toys here on one shelf than in all of Lika's orphanage*, I thought. On one wall was a painting of a rural farm scene and on another a picture of an onion-dome church.

Ilya pointed to it, "This is our church."

"Is it Orthodox?" I asked proud I could remember the complicated word *pronoslavnie*.

"Yes," he said as if my question didn't make sense.

I realized this was *thee* church in Pokrov in the same way they had a city hall and a fire station.

We continued our tour. Ilya opened a door halfway down a hall to reveal a home-economics kitchen where the kids can learn how to cook. *Very innovative for a Russian orphanage*, I thought in amazement.

"This is where Ilya learned to burn every kind of dish," Dima teased.

"Only at first," Ilya retorted.

"Do you like to cook?" I asked.

"I thought about going to chef school," he said.

Clearly not all orphanages were created equal. I knew they were overseen by three different governmental ministries—which means that both regulations and finances get very confused along the way. This was by far the nicest orphanage I'd seen. Lika's and the one I visited in Vladimir four years ago seemed to be average. I'd heard of others where there was little heat, no indoor plumbing and no meat for the children to eat. The most important factors for an orphanage's success seemed to be how close it was to Moscow and who the director was.

I read about one school internat where a girl named Zhenya lived. She related that in her fifth grade year, the school got a new director and everything became "horrific." Along with a new director came new staff. Caregivers, or *vospitateteli*, are only paid about \$20 a month to begin with. That means most are people who cannot find work anywhere else. At her school, Zhenya reported the *vospitateteli* were constantly threatening them that if they did anything wrong they would let the older children punish them. In the meantime, they loaded the kids down with anti-depressants that made it difficult for them to think. Then, the staff would lock themselves in their office, smoke and drink coffee. I was relieved Ilya didn't grow up in those kinds of appalling conditions. Still, I knew he saw his share of suffering.

As we walked through the orphanage, we drew a swirl of younger boys as naturally as a birdfeeder attracts birds. By the time we exited the school, we

had a soccer team. We walked to a rough grass field and the boys broke up into two groups. Dima took a position as goalie. Kreg and Ilya, as captains, squared up their rag-tag shirts and skins players behind them. The boys ranged from elementary to high school, though even the biggest boys looked like runty middle schoolers. Some had blond Scandinavian ancestry, others the square-faced Slavic genes, others the dark gypsy features. The one thing they shared in common was their excitement to be included in the game with Ilya and Kreg.

“Do you even know how to play soccer?” I called to Kreg.

“Sure,” he grinned. “You kick the ball in the goal.”

I sat down on the sidelines to take pictures.

Photo: A teenage boy with dark fuzz on his upper lip. On his bare stomach was a winged bug tattoo. The abdomen of the bug ended in his belly button; the wings flew up his chest.

Photo: A parrot-faced boy with ears and a chin that slid away from his face in the characteristic fetal alcohol syndrome expression. He was looking up at Kreg through his crossed eyes and saying excitedly, “You’re with us! You’re with us!”

Photo: The goal near me was brown rusted pipes set into the ground. The orange net on it looked like a page-wire fence a moose walked through. The barefoot goalie on Ilya’s team sat into the tattered hole of the net like a lounge chair. All the points were being scored on the other end.

Photo: Kreg in a button-down shirt and dress shoes falling wide-armed on his butt as Ilya slid around him, the ball already out of the frame.

Photo: Kreg on his back laughing as Ilya reached a long arm down to help him up.

As the soccer game continued, small groups of kids from the orphanage filtered by. Some of the boys joined the game late. Others watched for a while and then continued on to wherever they were going. Across from me in a small patch of trees, I watched a few teenage girls huddled together giggling.

I felt a deep love and sadness for each of these kids. Though they would probably act in dismay, distress or doubt, I wanted to hug each one of them. Help them. Only a few have a chance to make it. The first year after graduation just 1 out of 10 orphans will have a normal life—a normal Russian life which means living below the poverty line. I scanned the kids on the field, the ones walking by, the girls in the trees. Which ones of these will it be?

A recent story on CHC’s web site showed a picture of two girlfriends. One was a sixteen-year old wearing a sports bra with her flat belly glimpsing out beneath a white unzipped sweatshirt. Her hair was dyed red and she wore a

cross necklace close to her neck and sunglasses on her head. The tilt of her head and shoulders said, “Hi boys, don’t you think I’m pretty?” She was.

Her friend huddled next to her with hunched shoulders. Her mousy bangs hung in her eyes. She was smiling too, but her eyes asked a different question: “Do you see me here?” I wondered which of them Lika will most resemble in a few years.

The web site said Lida and Sasha were graduates of the same orphanage in Russia. Sasha chose to accept a placement at a CHC Family Center where she received love and encouragement. She finished her degree. Later she found work as a teacher. She was a successful and happily married young woman.

Lida chose to go her own route. In time, she found herself trapped in a web of bad relationships and decisions with no support. She became a prostitute, working the long stretch of road between Moscow and Vladimir. She was found alongside it one morning, the road that ended her short life.

The story, of course, is tragic and more absorbing to me since it was the shy girl in the picture—the one not flaunting herself—who would die. Maybe, she didn’t have enough confidence to enter the group home, to get help when she needed it.

A shout rose from the soccer field and I looked up to see Ilya had scored another goal. Why had fate favored this boy that has less than nothing going for him—at least to the point he ended up in a group home? Except I believed it was God. But why Ilya and not others?

After Kreg’s team lost the soccer game 2-18, we walked back toward the apartment. It was late afternoon and the breeze picked up a little. We approached a small kiosk.

“Dima,” Ilya asked, “*deneg est?*”

“He wants money,” I whispered to Kreg. Kreg pulled out his wallet and stepped toward Ilya. Ilya turn away from him and took a few rubles from Dima. Dima smiled and waved Kreg’s wallet away. Ilya stepped up to the kiosk and ordered four cones. He handed one to each of us, his expression as vanilla as the ice cream.

“*Spaceba*,” Kreg and I each told him heartily. He said nothing.

Back at the apartment, Kreg and I drank tea as Ilya and Dima busied themselves in the kitchen.

“Did you see how the boys idolize Ilya while you guys were playing soccer?” I asked Kreg.

“He’s big man on campus,” Kreg agreed.

“He seems so hard,” I say, “but I think he’s just hiding everything.”

"Like buying the ice cream," Kreg said.

"That was really very sweet. I think he's trying hard to take care of us.

Kreg nodded.

"I want to rescue him," I said a little desperately. "Bring him to the U.S. to learn English and study at a university."

Kreg shrugged, "I wish we could. Financially, of course, we can't do it right now."

"Even if we weren't neck-deep in another process."

"Even if it weren't for Lika," Kreg agreed.

"If we're not able to adopt her..." I stopped short.

"We will," Kreg said.

"This is the best she can hope for."

Kreg squeezes my hand, "We'll figure it out,"

I watched Ilya and Dima bustle around the kitchen taking things out of the refrigerator, putting them on the stove.

Actually, there's no group homes in Tver, I thought. Lika can't even look forward to this. At best, she could end up like Irina, a girl in a Russian Cosmo article. After graduating from the orphanage, Ira worked in a factory for two years sewing underwear. Then, she studied at an educational center for orphans to receive a full high school education. In the story, she explained she was "catching up" socially as well. At first, she said, she was afraid to have a boyfriend, "Even a kiss on the cheek seemed strange to me. We were never kissed in school. I was like a wolf cub, I literally pulled away from expressions of affection." Later, she lived with her boyfriend. A high school education. A boyfriend. A survivor. For a Russian orphan that meant a success story.

Ilya and Dima brought the dishes they prepared to the table: fried potatoes, white and brown bread, cucumber and tomato salad, fried fish dumplings, cabbage rolls, candies and waffle cookies. This was quite a spread and I doubted if my own 19-year-old brother could make this much food. We ate quietly lost in thought or at least lost for conversation.

Ilya cleared the table and went to his room for several minutes. When he returned, he'd changed into a pair of jeans with large patches made out of soccer jerseys on them. An orange and black striped ribbon was tied to his belt loop. He offered to walk us back to our hotel with Dima and we agreed.

At the hotel, I wanted badly to prolong our good-bye somehow. We stood around the entrance of the hotel shuffling our feet. Even if the statistics were good, even if this group home was enough to help Ilya heal and hope, even if he had a solid education and job ahead of him, I still wanted some confirmation he was going to be alright and we'd see him again. I knew these chances were slim.

I wanted to say something cheerful and bright despite the tight spot in my chest. "I'm very glad we've met and to find out that you're a real person," I said. I wasn't sure this was the right thing to say. I reached out to hug Ilya. He dipped his head and circled me lightly with one arm. Kreg shook hands with him. We said good-bye to Dima.

Ilya pulled the ribbon from around his belt loop, "This is a Victory Day ribbon," he said handing it to me. "You can keep it for good luck."

I took the ribbon and choked tears.

Ilya's expression was just as bland as it had been all day, but I thought I detected some warmth just under his quiet words.

Victory, I thought. Yes, there have been some small victories. Getting here. The soccer game. The ice cream cone. Dinner. This ribbon. *Here's a piece of me that you can keep*, he was saying. *Remember me*.

I would.

Ilya and Dima walked away. Dima stepped spryly and made a joke about something. Ilya strode with his hands in his pockets and looked straight ahead.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Сборник материалов
IV международной научно-практической конференции
(г. Пермь, 22 ноября 2012 года)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *М.И. Григорьевой*

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 17,67. Тираж 100 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15